

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

КОЖИ

АДДАМСОН

*Пятнистый
серыкес*

Annotation

Книга известной писательницы и натуралиста Джой Адамсон рассказывает о судьбе гепарда Пиппы, еще детенышем попавшей в семейство Данки. Когда хозяева Пиппы уезжали из Африки, они попросили Джой Адамсон взять ее на воспитание и вернуть к дикой жизни. В этой книге читатели прочтут обо всех приключениях, связанных с этим вполне успешно прошедшим экспериментом.

- [Джой Адамсон](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Джой Адамсон

Пятнистый сфинкс

*Тем, кто отдает свои силы, чтобы
сохранить жизнь диким животным,
самому существованию которых угрожает
деятельность человека.*

От автора

Многие годы мы с моим мужем, Джорджем Адамсоном, посвятили изучению и охране диких животных Кении, в основном тех видов, сохранности которых угрожают люди — и охотники, и браконьеры, и те, кто, расселяясь, вытесняет зверей с их территории.

Эту проблему, конечно, можно разрешить, организовав сеть заповедников и национальных парков, где дикие животные продолжают жить в естественных условиях, не мешая людям в освоении новых территорий, а любители природы получают огромное удовольствие, наблюдая за ними.

Я уже давно решила отдавать все гонорары за свои книги в Фонд Эльсы по охране диких животных. Во-первых, потому что я люблю диких зверей и убеждена, что грядущие поколения очень много потеряют, если никогда не увидят ни великолепных жителей лесов и пустынь, таких, как львы, тигры, слоны, ни прелестных мелких даманов, ушастых лисиц, мунго и многих, многих других; а во-вторых, я считаю, что исчезновение целых видов нарушит равновесие, существующее в природе, а это неизбежно приведет к последствиям, губительным для всех нас.

Может быть, вы читали мою повесть о львице Эльсе, которую мы спасли совсем маленькой? Она была членом нашей семьи, пока мы не решили, что наш долг — вернуть ее к свободной жизни, а это поначалу оказалось совсем не так просто. Быть может, вы прочли и о ее детях — Джеспэ, Гупе и Эльсе-маленькой? Их мать умерла, когда они были еще слишком малы, чтобы жить самостоятельно, и мы помогали им как могли, пока нам не велели увезти их из тех мест, где они родились и жили. Это было нелегко. Но после

множества передраг нам удалось заманить их в клетки, в которых мы и перевезли их в огромный национальный парк Серенгети, где они были потеряны для нас, но зато могли жить на свободе.

Моя новая книга посвящена гепарду по имени Пиппа. Она попала в семейство Данки крохотным детенышем и стала совершенно ручной. Когда ее хозяева уезжали из Африки, они попросили меня забрать Пиппу, и я обещала им вернуть ее к дикой жизни. В этой книге вы прочитаете обо всех приключениях, связанных с этим вполне успешно прошедшим экспериментом.

История Эльсы и ее львят, так же как и рассказ о Пиппе, переведена более чем на 25 языков, и я с большой радостью думаю о том, что благодаря этим книгам могут возникнуть общие интересы у многих народов в разных странах.

Я счастлива, что наша с Джорджем работа, а также книги и фильмы об Эльсе и Пиппе широко известны в Советском Союзе, и надеюсь, что это поможет охране диких животных и в вашей прекрасной стране.

Глава 1

Мой новый питомец

В сентябре 1964 года друзья попросили меня взять на воспитание восьмимесячную самку гепарда. Ее хозяева уезжали в Англию и хотели, чтобы их любимица осталась в Кении. Я в это время была на съемках фильма «Рожденная свободной», и база нашей киногруппы находилась у подножия горы Кения. В группе я имела возможность не заниматься львами и поэтому могла взять любого зверя. Конечно, я приняла предложение с восторгом.

Хотя гепарды приручаются легче остальных больших кошек, об их образе жизни на свободе почти ничего не известно. Это единственные в своем роде животные, совмещающие в себе признаки кошек и собак, и, хотя их все же относят к кошачьим, они, по сути дела, очень отличаются от всех других зверей. Они — резвейшие на Земле млекопитающие и в беге на короткие дистанции показывали скорость более 60 миль в час (рекорд для скаковых лошадей — 40 миль в час). Гепарды словно созданы для скоростного бега — легкий костяк, маленькая головка, короткий подбородок, длинные стройные ноги. Когти не втягиваются, как и у собак; гепарды и сидят по-собачьи, и охотятся, как собаки; однако отпечатки лап у них совершенно кошачьи. Они пользуются когтем первого пальца так же, как все кошки, и лазят по деревьям, хотя это, может быть, и приобретенная привычка. Золотисто-песочная шерсть гепарда похожа на шерсть гладкошерстных собак, а черные пятна на ней пушисты, как кошачий мех.

Гепарды — одиночные животные, и на открытых равнинах, где они живут, их редко встречают группой — только с детенышами или в период спаривания. Обычно бывает до четырех детенышей, и они появляются на свет через девяносто — девяносто три дня. У них длинная пушистая гривка, и серый мех на спинке резко контрастирует с темной, гладкой и пятнистой шерсткой на брюшке. Первые два-три месяца малыши похожи на чепрачных шакалов с забавным пестрым брюшком. Потом пятна проступают по всей шкурке, она становится золотистой и гладкой, а остатки гривы сохраняются только на плечах и загривке.

Название «чита», что значит «пятнистый», пришло из Индии. История этого зверя загадочна: изображения гепардов встречаются на древнеегипетских фресках и барельефах как символ храбрости. Мы знаем два случая, когда гепарды были любимцами сильных мира сего: один принадлежал Чингиз-хану, другой — Карлу Великому. Казалось бы, еще совсем недавно индийские принцы охотились с гепардами, которых специально тренировали, чтобы загонять дичь, но уже с 1930 года дикие гепарды в Индии не встречаются: вид сохранился только в Африке. Последний учет численности гепардов показал, что в некоторых районах Восточной Африки они еще попадаются, но выживут только в том случае, если их будут охранять.

Предложенную мне самку гепарда подобрали в Ваджире; это пустынная область в Северной пограничной провинции Кении. Майор расквартированного там полка взял маленькую сиротку и вырастил ее вместе с собственными детьми в своем доме возле Найроби. Вскоре малышка стала ездить со всем семейством за покупками, и ее хорошо знали во многих магазинах Найроби.

Майор Данки и его жена назначили мне встречу 17 октября 1964 года в отеле Нью-Стенли. Когда я увидела

семейное чаепитие в обществе гепарда, который невозмутимо восседал на собственном стуле и пристально рассматривал окружающих золотистыми глазами, вопрос решился сам собой.

Я влюбилась в эту кошечку с первого взгляда, но, следуя своему старому правилу при знакомствах с детьми и животными, предоставила инициативу ей самой. Чтобы дать ей время решить, как ко мне надо относиться, я разговорилась с хозяевами, стараясь разузнать как можно больше о ее привычках. Мне сказали, что Китти (Котенок, как ее звали) обожает детей и играет с ними в прятки в саду, среди роз, но зато не прочь погоняться за чужими людьми и собаками. Я также узнала, что Китти спит на кровати с миссис Данки и во время утреннего чая получает миску молока. К сожалению, она часто напускала в постель, и мне пообещали дать клеенку. Еще мне сказали, что Китти обожает плюшевого кролика, и этой куклой можно легко отвлечь ее внимание, если она начнет плохо себя вести. Наконец, на тот случай, если она объявит сидячую забастовку и не захочет трогаться с места, мне посоветовали прямо хватать ее за хвост и загривок, так как она к этому вполне привыкла. Она съедает три фунта сырого мяса в день и пьет много молока, в которое нужно добавлять четыре капли поливитаминов; как редкое лакомство ей можно давать птицу-мышь.

Пока мы болтали, Китти изучала меня, щуря глаза под тяжелыми надбровьями, потом потянулась ко мне и с громким мурлыканьем облизала мое лицо. Я гладила ее мягкий мех, чувствуя, что все ее тело вибрирует, как мотор, когда она, вдыхая и выдыхая, издает ритмичные звуки — знаменитое мурлыканье гепарда. Потом она стала слегка покусывать мне ухо, а это, как меня уверили, у нее признак самого лучшего отношения. Все

мы почувствовали облегчение, поняв, что она меня признала и что скоро мы станем друзьями.

Супруги Данки сказали мне, что многие, кому хотелось увезти Китти в Англию или Америку, предлагали им за нее до 400 фунтов стерлингов. И хотя Данки были небогаты, они отказались от этих предложений и решили найти приют для Китти в Кении, где она могла бы жить как можно свободнее. Они знали, как я люблю животных, были знакомы с историей Эльсы и поэтому очень хотели, чтобы именно я взяла Китти, — пусть у нее будет счастливая жизнь. Я была глубоко тронута этим доверием, тем, что они подарили мне очень дорогое для них существо, и обещала сделать все возможное, чтобы их надежды оправдались.

Именно в этот момент мне пришла в голову мысль — вернуть Китти к свободной жизни, для которой она была рождена. Но я не была уверена, что это удастся, и потому промолчала. Я даже сказала, что во время съемок буду вынуждена держать Китти в вольере, так как в лагере полно львов, и я смогу выпускать ее только во время прогулок по окрестностям. Возражений не было.

Через несколько дней Данки привезли Китти в лагерь киногруппы в Наро Мору, в ста двадцати милях от Найроби. Я жила там все время, пока снимался фильм «Рожденная свободной». Возле наших двух палаток уже был подготовлен просторный вольер. Его построили вокруг большого дерева, а среди ветвей приладили площадку из досок, чтобы она могла лазить сколько угодно. Скалами в вольере должны были служить скамейки. Чтобы Китти чувствовала себя спокойнее ночью, я заказала большую деревянную клетку с двумя дверьми: одна (подъемная, затянутая сеткой) примыкала к моей палатке, другая — открывалась в вольер. Таким образом, когда ей станет

одиноко, она всегда сможет почувствовать мою близость.

Решив, что смена приемных родителей — самый подходящий момент для того, чтобы отучить ее спать в постели, я расстелила в клетке приехавшие вместе с ней и знакомые ей одеяла, положила подушку и игрушки, а свою кровать поставила рядом с проволочной дверью, чтобы ночью спать рядом с малышкой.

Я попросила у Данки разрешения сменить ее имя. Мне хотелось назвать Китти Пиппой^[1] — и произносить легче, и хорошо будет слышно, когда придется звать издалека. Они согласились и с этим. Оказалось, что почти все мои любимцы носили имена, начинающиеся с буквы П: Пиппин, Пати, Пампо и т. д. Если им случалось заблудиться, этот резкий взрывной звук был слышен очень далеко.

Бедная Пиппа, сколько ей еще предстоит узнать!

Наконец с делами было покончено, и я предложила позавтракать. Я видела, как непринужденно держалась Пиппа в переполненном городском ресторане, и без малейшего сомнения решила взять ее в нашу столовую — мне хотелось познакомить ее с киногруппой, тем более что все уже знал и о ее прибытии. Подъезжая к ферме на краю лагеря, мы заметили, что люди спешат покинуть столовую и укрыться в своих комнатах. А когда Пиппа выскочила из машины, началось просто паническое бегство. Услышав хлопанье и стук дверей, я поняла, что гепард нарушил спокойствие киногруппы, и мне стало как-то неловко от такого приема. Зато Пиппа проследовала в столовую, не обращая ни малейшего внимания на вызванный ею переполох, села с нами за стол, как маленькая леди, и безукоризненно вела себя, пока мы завтракали. Она была так поглощена изучением нового помещения, что никак не хотела

уходить, и в конце концов майору Данки пришлось продемонстрировать прием «хвост и загривок», чтобы перенести ее в машину. Очень скоро Данки вернулись в Найроби. Меня восхитило их самообладание, когда они расставались со своим другом Китти, — я понимала, чего им это стоило.

Отныне за Пиппу отвечала я одна.

В лагере Симба (Львином лагере) она вызвала живой интерес у львов, которые снимались в фильме; львов было довольно много, потому что мы не могли знать заранее, кто из них лучше сыграет в различных эпизодах из жизни Эльсы. Ближайшие соседки Пиппы, две старые львицы, бродили вдоль загородки, стараясь получше разглядеть странное пятнистое существо. Все вольеры были разбросаны по участку и разделены группами деревьев; кроме того, некоторые из них вдобавок были загорожены щитами, чтобы животные не видели друг друга: считалось, что это обеспечит им полное спокойствие. Но все эти предосторожности не могли помешать львам слышать звуки и ловить запахи, особенно после заката, когда их рычание тревожило ночную тишину. Мне нравилась эта перекличка, которая поднималась до потрясающего крещендо и переходила в ритмическое затихающее ворчание, но бедная Пиппа была в ужасе. Окаменев от страха, она смотрела в темноту, откуда неслись эти звуки. Почти всю ночь мне пришлось сидеть с ней рядом, гладить и уговаривать, пока она не успокоилась и не легла. Реакция Пиппы была вполне объяснима, так как на свободе львы с гепардами вообще не ладят.

Поэтому я почувствовала огромное облегчение, когда на следующий день часть съемочной группы, и я в том числе, выехала на побережье. Предстояло снять сцены купания Эльсы и ее приемных родителей в море. Никто не знал, пойдут ли наши львы в море, и взяли двух львиц, Гэрл и Мару, в надежде, что хоть одна из

них будет слушаться. Лагерь для группы был уже подготовлен, люди отправились туда самолетом, а животных повезли по дороге караваном из пяти машин.

Пиппа давно привыкла к машинам и быстро водворилась на переднем сиденье, между мной и моим слугой Мугуру. Она с огромным любопытством разглядывала все, что встречалось по дороге, и была, по-видимому, очень довольна, так как время от времени терлась об меня шелковистой головой или лизала мое лицо. Посредине долгого пути — 540 миль — мы остановились в Мтито-Ндеи и провели ночь в отеле. К восторгу остальных гостей, Пиппе сразу же разрешили разгуливать по территории, обедать вместе с нами и ночевать у меня в комнате. Бедным львам не так повезло — их пришлось оставить в машинах. Мы подогнали машины поближе к домам, чтобы легче было подбадривать животных, и много раз подходили к ним, но они всю ночь напролет беспокойно метались в клетках.

На рассвете наш караван снова тронулся в путь. Чтобы как можно меньше утомлять львов, мы решили сократить путь и, свернув около Вои, поехали через национальный парк, но сбились с дороги и прибыли на место гораздо позже, чем ожидали. Наконец-то измученные львы смогли отдохнуть в вольерах. Общий лагерь раскинулся на берегу Голубой лагуны, а я проехала еще миль пять до бунгало, специально приготовленного для нас с Пиппой.

Лагерь киногруппы был с обеих сторон обнесен провололочной сеткой, заходившей далеко в море. Это было сделано не столько из-за животных, сколько из-за местных жителей, которые толпами сбегались поглазеть, — они никогда в жизни не видели львов. Пиппа произвела не меньший фурор, как среди людей, так и среди собак. Должно быть, весть о ее появлении распространилась, как пожар по степи, потому что

вскоре все местные псы сбежались, словно на собачью свадьбу. Хорошо еще, что хозяин разрешил поставить вольер рядом с бунгалом, чтобы она могла бегать, не опасаясь собак.

Пока ставили вольер, мы с Мугуру пошли прогулять Пиппу по берегу, но, к сожалению, ее пришлось взять на нейлоновый поводок длиной около 60 футов. Мне не терпелось увидеть, как она будет вести себя у моря, — я никогда не слыхала, чтобы гепарды плавали. И действительно, Пиппе морское купание явно пришлось не по вкусу. Несколько раз она, правда, замочила лапы, пытаясь войти следом за мной в воду, но потом предпочла подождать на берегу рядом с Мугуру, пока я вернусь с купания. Тут ее внимание привлекли суетливые крабы — они скрывались в норках как раз в тот момент, когда она собиралась их прихлопнуть. Озадаченная, она взглянула на меня и внезапно сломя голову понеслась вдоль берега. Ей-то было хорошо; но я едва поспевала за ней, вцепившись в поводок.

На мое счастье, гонка прекратилась возле коралловой глыбы, обсыхавшей во время отлива. Пиппа принялась ее обследовать: сначала она обнюхала подножие глыбы, а потом забралась на самый верх, не обращая внимания на острые края кораллов. Вся напряженная, с глазами, устремленными на океан, она была великолепна. Можно было подумать, что безбрежная широта неба и моря очаровывала ее не меньше, чем меня. Внезапно она спрыгнула со скалы, и мне пришлось спешно выдирать поводок на острых кораллах, чтобы он не перетерся.

Пока я была поглощена этим делом, Пиппа нашла себе новую игру, катаясь в песке и гоняя плод кокосовой пальмы. Вывалянная в песке, она выглядела препотешно, и я расхохоталась. Должно быть, это оскорбило ее в лучших чувствах, потому что она внезапно вскочила и так толкнула меня лапами, что я

перекувырнулась. Когда я поднялась, вымокши до нитки, вид у меня был настолько жалкий, что я почувствовала — меня должным образом поставили на место. Не успела я встать на ноги, как Пиппа бросилась бежать, и мне пришлось мчаться за ней со страшной скоростью — не то что 60, а все 100 миль в час. Конечно, это было бы одно удовольствие, если бы не проклятый поводок. Мне его оставили супруги Данки, которые пользовались им, когда брали Пиппу на побережье. Они не советовали мне спускать ее, потому что она могла погнаться за гуляющими по берегу или затеряться в густом кустарнике. Это была не лишняя предосторожность, по крайней мере в отношении местных рыбаков: сколько бы я их ни уверяла, что Пиппа — безобидное ручное существо, они неизменно бросались бежать от нее, а она радостно неслась вдогонку.

На следующий день мы пошли в лагерь киногруппы. Все были счастливы: Гэрл и Мара плескались в море, как настоящие морские львы, и трудность была не в том, чтобы загнать их в воду, а в том, чтобы выманить их обратно. Но, несмотря на все удовольствия, бедную Гэрл так расстроила разлука с братом Боем (он тоже был звездой нашей львиной группы), что за ним пришлось послать. И пока его доставляли к нам, львицы отдыхали в своих вольерах. А мы воспользовались случаем, чтобы искупаться. Пиппа некоторое время наблюдала за нами и вдруг, стиснув зубы, бросилась в воду. Скоро она потеряла дно, но поплыла ко мне, отчаянно колотя лапами. Я была полна гордости — ведь она решилась на такое, чтобы быть рядом со мной. И еще я подумала, что это, быть может, первый в мире гепард, плавающий в океане.

На следующее утро мы опять гуляли с Пиппой и Мугуру по берегу, и я ненадолго оставила их вдвоем. Когда же я возвратилась, он показал мне свисающую с

поводка пустую шлейку — Пиппа стала рваться за мной и вывернулась из нее. Мы были в миле от дома, и я встревожилась, потому что в густом кустарнике найти ее по следам было невозможно. Мы долго звали ее, разыскивали, где только могли; вскоре к нам присоединился и наш хозяин. В конце концов нам так захотелось пить, что я предложила вернуться домой, напиться и потом снова продолжать поиски. Когда мы подходили к бунгалу, у меня появилось странное ощущение, что за мной наблюдают. Я нагнулась и увидела Пиппу, затаившуюся в кустах. Она была счастлива не меньше меня, что мы снова вместе, и, основательно облизав мне лицо, вошла с нами в дом. Меня поразило то, как уверенно она нашла обратный путь в незнакомом месте, и стало стыдно, что я так недооценила ее врожденные способности к ориентированию.

Прошло несколько дней, и Пиппа перестала бояться воды. В часы отлива она с удовольствием обследовала обнажавшееся дно вокруг нескольких коралловых глыб, недалеко от берега. К сожалению, держать ее приходилось на поводке, потому что она все время норовила взобраться на коралловые островки — а оттуда мне никак не удалось бы ее снять, если бы ей взбрело в голову остаться там во время прилива. Но все же она получала массу удовольствия: пыталась ловить рыбешку в мелких лужах, гонялась за соблазнительными крабами и плескалась в воде. Мне так и не удалось сфотографировать ее, когда она плыла: на это она решалась, только чтобы добраться до меня, а снимать в такой момент было трудновато.

Однажды ночью на море поднялось сильное волнение, и шум разбивающихся у берега волн затих только на рассвете, во время отлива. Когда мы вышли на утреннюю прогулку, оказалось, что по всей линии прибрежья нанесло огромные кучи водорослей высотой до

шести футов. Пиппа, по-видимому, решила, что их воздвигли специально для нее, и принялась прыгать с кучи на кучу, причем с такой быстротой, что казалось — она летит. А так как поводок нельзя было отпустить, то и нам с Мугуру пришлось по очереди, задыхаясь, бегать вслед за ней. Мы возненавидели эти кучи водорослей так же горячо, как Пиппа их полюбила. Свои упражнения она прекращала только в тех случаях, когда ее отвлекало что-нибудь интересное, поэтому я радостно встречала всех отдыхающих, которые обычно останавливались, чтобы полюбоваться Пиппой и сфотографировать ее. Она не любила сниматься, но все же сносила это терпеливо, а потом брала свое: как только ее поклонники на минуту отвлекались, подбиралась к ним сзади и молниеносным движением передней лапы подбивала их под коленки.

Съемки львов в море проходили блестяще, и все были очень довольны. К концу съемок мне тоже захотелось сфотографировать эти замечательные сцены. Чтобы не мешать операторам, которые плавали на плоту поблизости от актеров, я устроилась возле коралловой глыбы и стала ждать интересных моментов. По сценарию предполагалось, что Мара поплавает вместе с Биллом и Джинни Траверсами (он и играли Джорджа и меня), а потом все трое выйдут на берег. Но Мару гораздо больше привлекали волны, которые накатывались на берег, разлетались высокими пенными брызгами, а потом растекались прозрачным кружевом, впитываясь в песок. Она мощным прыжком кидалась в прибой, так что волны перекатывались через нее, а потом качалась среди сверкающей пены, поджидая следующую волну. Траверсам пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось направить ее к камерам и она попала в кадр.

В эту минуту Мара заметила меня. Мы с ней были отлично знакомы, но на мне был новый купальный

костюм, и она меня не узнала. Судя по тому, как она прижала уши, решительно направляясь в мою сторону, я поняла, что мне не поздоровится. Чтобы смягчить силу ее прыжка и не упасть на острые кораллы, я с напускной непринужденностью потихоньку стала заходить за скалу, и едва успела положить повыше свой фотоаппарат, как львица бросилась на меня и сшибла с ног. Хорошо еще, что место было неглубокое. Тут Мара узнала меня, обняла лапами и стала нежно облизывать, а я ее погладила. Потом она встала и пошла обратно к плоту. Только тогда я заметила, что Мара случайно поцарапала мне руку, и стоило мне поднять ее из воды, как начинала капать кровь. Я все время окунала руку в соленую воду, чтобы промыть ее, а потом вернулась к берегу и сфотографировала сцену съемки.

Как же я была удивлена, когда увидела, что на берегу меня встречает медицинская сестра с аптечкой первой помощи. И хотя я очень любила нашу сестру и была благодарна ей за внимание, я все же попыталась ей объяснить, что уколы, которые она собирается мне сделать, совершенно ни к чему и достаточно простого стрептоцида. Он всегда отлично помогал мне при разнообразных повреждениях, которые я получала за годы, прожитые среди диких животных, а те раны были посерьезнее, чем эта поверхностная царапина. Но сестра была убеждена, что я испытываю невыносимые мучения и поэтому мне необходим морфий, а также лекарство от нервного шока, который скоро наступит, потому что поведение мое явно ненормально для человека с рукой, исполосованной когтями; затем мне предстояло получить инъекцию пенициллина и прививку против столбняка. Короче, я обязана выполнять все предписания — в конце концов, кто из нас лучше знает, как поступать в таких случаях?

Было ясно, что сестра нашла наконец единственную возможность применить хоть что-то из богатейших

медицинских запасов, которые ей дали с собой на съемки такого опасного фильма, как наш, — в нем принимали участие двадцать львов, — и мне предстояло стать ее первой жертвой.

Поэтому все мои протесты были подавлены, и меня не только накачали всякими сильнодействующими лекарствами, но еще и отправили в госпиталь в Малинди, чтобы наложить швы. Ехать пришлось двадцать миль, и мне стало очень плохо, я еле-еле дотащилась до дверей больницы. Меня так оглушили лекарствами, что доктор решил сделать еще одну инъекцию, как противоядие от всех предыдущих. К этому времени мне уже все было настолько безразлично, что я почти не чувствовала, как возятся с моей рукой.

Наконец мне разрешили вернуться домой и лечь в постель. Одурманенная лекарствами, я задремала. Но поспать не удалось — очень скоро появились посетители, чтобы узнать, как я себя чувствую. Хотя, по-моему, все было вполне очевидно, они болтали до тех пор, пока не пришла следующая группа, за которой последовала еще и третья. А мне хотелось только одного — чтобы меня оставили в покое. Лишь через двое суток я оправилась от такого лечения, и все это время Пиппа была рядом со мной. Я была очень тронута этим доказательством ее привязанности — ведь наше знакомство продолжалось всего две недели.

Всю жизнь я мечтала о ручном гепарде. Потом появилась Эльса. После ее смерти я дала себе слово никогда не привязываться ни к какому животному. Но гепарды по темпераменту и характеру совсем не похожи на львов, и я почувствовала, что могу полюбить Пиппу, не изменяя памяти Эльсы. Львы общительны, открыто выражают свою любовь, очень постоянны в своих привычках, никого не боятся и ведут себя спокойно и уверенно, а гепарды скрываются, всегда

насторожен и напряжен и инстинктивно старается спрятаться. Теперь, слушая мурлыканье Пиппы, я была довольна так же, как и она.

Киногруппа возвратилась в Наро Мору, а я задержалась, чтобы снять для телевидения рекламный ролик, показывающий красоты Кении. Для съемки были выбраны, кроме других мест, недавно раскопанные развалины древнего арабского города Геди. Атмосфера там была мрачная, но Пиппа оживляла эти руины: ее золотой пятнистый мех великолепно выделялся на фоне серых камней, когда она скользила среди узорчатых обвалившихся ворот и дворцовых стен. Когда мы закончили с делами, оказалось, что нам с Пиппой придется одним проехать на машине от Момбасы до Наро Мору — целых 420 миль. Через несколько часов ей все надоело и она не только принялась прыгать по кабине, но и норовила все время усесться то на руль, то на мою больную руку. В конце концов мне пришлось посадить ее в проволочную клетку, которую я захватила на всякий случай. Пиппа была ужасно возмущена. Ей никогда еще не приходилось сидеть в клетке, и она яростно сопротивлялась, издавая самые разнообразные крики, похожие на птичье щебетание. В этом наборе я узнала крики франколина. Только через два часа она устала и угомонилась.

В то время я еще очень мало знала о повадках гепардов и поэтому решила, что эти звуки — естественное выражение недовольства. Но позднее, расспросив орнитологов и специалистов по гепардам, я поняла, что мне посчастливилось наблюдать редкостное явление — дикого зверя, подражающего птичьим крикам. Хотя впоследствии я еще два раза слышала, как Пиппа подражает франколинам, но такого разнообразия звуков уже не было; впрочем, с тех пор она ни разу не попадала в столь отчаянное положение.

Гепарды в основном питаются птицами и мелкими млекопитающими, и очень может быть, что они подражают птицам, чтобы подманить их. Но сколько бы Пиппа ни гонялась при мне за птицами, она никогда не издавала ни звука. Правда, во всех этих случаях она просто играла с птицами, а не охотилась за ними. Металлическое «чириканье» гепардов хорошо известно: это звук, которым они сообщают о своем присутствии или об опасности. Защищая свою добычу, Пиппа рычит и сопит, а когда она довольна, все ее тело дрожит от мурлыканья.

У нее был уютный ящик для сна, но она даже в дождливую погоду предпочитала спать снаружи, в вольере. Мы были этому рады — значит, она все-таки предпочитает жизнь на свободе положению домашней кошки. Чтобы еще больше отучить ее от дома, я перестала брать ее с собой на главную ферму, где размещалась киногруппа. По правде сказать, она не любила общества киношников, и они ей платили тем же. Не смогла Пиппа привыкнуть и ко львам, которые жили возле Львиного лагеря; тут уж я ничего не могла поделать — оставалось только проводить с ней как можно больше времени на равнине, где она чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Как только я выпускала ее из машины, она уносилась вдаль, упиваясь свободой. Еще ей очень нравились разноцветные воздушные шарики, которые я для нее приносила. Подгоняемые ветром, они плыли, приплясывая, в высокой траве, пока она не доставала их когтистой лапой — раздавался треск, и Пиппа растерянно обнюхивала жалкие остатки; а я тем временем надувала новый шар, и начиналась новая гонка. Еще один источник развлечения — норы трубокочубов и бородавочников, около которых были свежие кучи земли — признак, что нора обитаема. Пиппа закапывалась в них почти целиком; ее, видимо,

очень привлекал их запах. При этом она совершенно не разделяла моих опасений и страхов — а что если обитатели этих нор попытаются выяснить, в чем дело? Но самое большое наслаждение ей доставляли стада пасшихся поблизости антилоп. Миниатюрные газели Томсона особенно занимали Пиппу. Они довольно быстро поняли, что мы неопасные животные, и с удручающим безразличием относились к маневрам Пиппы. Как бы хитро она ни подкрадывалась к ним, скрываясь в траве, припадая к земле и стараясь использовать направление ветра, они не обращали на нее внимания и паслись, деловито помахивая хвостиками; но вот она подбиралась к ним вплотную, и тогда они уносились длинными прыжками, а потом оборачивались и ждали, пока она снова окажется рядом, только для того, чтобы повторить это издевательство. Я смотрела не отрываясь и радовалась, что жизнь с людьми не заглушила природных инстинктов Пиппы, — значит, можно было надеяться, что, получив возможность поучиться, она сумеет в один прекрасный день загнать свою добычу, как любой дикий гепард.

Глава 2

Первые шаги

К концу ноября мы с Джорджем решили навестить наш дом в Исиоло и взяли с собой Пиппу. Проехав 60 миль, мы спустились с высоты 6500 футов до 3000 футов и оказались в покрытой скудной растительностью полупустыне Северной пограничной провинции. Пиппа сразу же почувствовала себя в своей стихии и с упоением каталась по красноватому песку. Она облазила по очереди все акации возле дома, а потом открыла, что поблизости есть река. Я боялась, что она потеряется, поэтому позвала ее и надела поводок. Но она так отчаянно рвалась на свободу, что я вскоре спустила ее, положившись на то, что природный инстинкт поможет ей найти дорогу домой в незнакомой местности. Позднее мы пошли с ней прогуляться вдоль реки. Пиппа чувствовала себя как в раю. Из кустарника у подножия пальм и фиговых деревьев она выгнала несколько франколинов, но, к ее огорчению, они перелетели на другой берег. Речка была невелика, однако в глубоких омутах мы видели крокодилов, и нам не хотелось, чтобы Пиппа переправлялась на тот берег. Тут ее отвлекли цесарки; она бросилась на них, и птицы взлетели. Джордж подстрелил одну из них; она, трепыхаясь, свалилась перед носом у Пиппы. К нашему удивлению, Пиппа скорчила недовольную гримасу и отошла в сторону. Немного погодя она заметила несколько жирафовых газелей. Эти грациозные газели живут только в жарких, сухих местах; возле Ваджира, где родилась Пиппа, они встречаются часто. Должно быть, инстинкт подсказал ей, что перед ней — ее законная добыча; она сразу же погналась за стройными

антилопами и надолго исчезла. Я испугалась, что она заблудится в густых зарослях акаций среди лавовых глыб. Но когда она вернулась, счастливая и запыхавшаяся, мы окончательно убедились, что на ее инстинкт можно полагаться. С тех пор я брала ее к себе в комнату только с наступлением темноты, да и то потому, что мы слышали ночью рычание льва и было рискованно оставлять Пиппу без защиты в таком возрасте.

Мы с Джорджем любили Северную провинцию и свой дом у ее южной границы. Увидев, как хорошо здесь живет Пиппе, мы стали мечтать, что когда-нибудь нам удастся выпустить ее на свободу именно в этом месте. А оно было идеальное, потому что домашний скот тут не пасли и экологические условия отлично подходили для Пиппы. Наш теперешний дом находился в восьми милях от того места, где мы жили с Эльсой. Тот дом мы передали после отставки Джорджа другому инспектору по охране диких животных, а сами переселились в новый. Он принадлежал Управлению национальных парков и стоял на отлете — единственное человеческое жилье в необозримых просторах равнин. Здесь мы находились на 1000 футов выше, чем в Исиоло. Наш дом стоял у крутого склона, поднимавшегося по направлению к горе Кения. На юге были видны ее сверкающие ледяные вершины, на севере — бесконечная равнина и горы у самого горизонта, а ближе тянулась гряда холмов, где когда-то играла Эльса. У нас были и некоторые удобства цивилизации — телефон, сколько угодно пресной воды, электроэнергия от генератора, хорошая библиотека и пианино, — и в то же время мы могли наслаждаться близостью к природе: днем наблюдали за дикими животными прямо со своей веранды, а по ночам нас будило фыркание антилопы или треск побегов, которыми лакомились слоны в нашем саду.

Через несколько дней начались дожди и затопили окрестности. Почва вокруг горы Кения — жирный чернозем, который после первого же ливня превращается в липкую грязь. Скоро дороги стали почти непроезжими, и необходимость тащиться по раскисшей почве, чтобы отвезти Пиппу на равнину, доставляла нам очень мало радости. Дрессировщики львов терпеливо месили грязь вместе со своими питомцами — им ничего другого не оставалось, — а я все время искала Пиппе новую площадку для игр, где она могла бы побегать на свободе и куда можно было бы добраться пешком. Примерно в миле от своей палатки я обнаружила взлетно-посадочную площадку, расчищенную владельцем участка. На ней паслось его стадо, и он разрешил мне играть там с Пиппой при условии, что она не будет гонять скот, когда его выпускают.

Оставалась последняя трудность: уговорить ее пройти мимо вольера, в котором жили две львицы. Во время нашей первой прогулки, когда львицы с рычанием стали бросаться на решетку, Пиппа ударилась в бегство. Она рванулась с такой невероятной силой, что чуть не вырвала мне руку из плеча, и пришлось, не выпуская поводка, продираться за ней через живую изгородь в густые заросли на соседней ферме. После того как мне удалось ее успокоить, пришлось сделать большой крюк, чтобы вернуться к моей палатке, которая примыкала к общей изгороди рядом с загородкой для Пиппы и вольерами, где помещались львицы. Несколько дней мы пользовались этим обходным путем, потом Пиппа перестала трусить и соглашалась проходить мимо львиц — правда, при условии, чтобы я шла с их стороны. Но все же иногда она останавливалась, не сводя глаз с львиц, и вдруг, без всякого предупреждения, бросалась прочь, увлекая меня за собой.

Очень интересно было наблюдать постоянство привычек Пиппы: она всегда терлась об одни и те же деревья, чесалась об одни и те же камни, неизменно отдыхала под своими любимыми кустами, хотя, на мой взгляд, они ничем не отличались от других. Может быть, такая привычка выдавала инстинктивное стремление утвердить эту территорию за собой?

Как только мы выходили на открытое место, я спускала ее, и она уносилась вдаль. Казалось, что она без малейших усилий стрелой несется по равнине — это было чудесное зрелище. Вскоре она познакомилась с парой ржанок и птицей-секретарем, которая бессовестно дразнила ее. Статный длинноногий секретарь стоял совершенно неподвижно и злорадно наблюдал за Пиппой, которая мчалась к нему; в последний момент он быстро взлетал, пикировал на нее с воздуха, и все ее попытки достать его были напрасны. Так они играли каждый день, но однажды секретарь не явился. Я знала, где у него гнездо, и пыталась разыскать его, но тщетно.

Пиппа любила играть и с семейством бородавочников, в котором было пять крохотных поросят. Она каждый раз поджидала, когда они выйдут из укрытия: родители трусцой выбегали на равнину, а за ними в затылок, поставив хвостики торчком, поспевали малыши. Тут Пиппа налетала на них и вносила беспорядок в их стройные ряды. Как-то она довольно близко подобралась к поросенку, но поспешно покинула поле битвы, когда кабан повернул к ней страшную клыкастую морду.

Однажды невдалеке от нас приземлился небольшой самолет. Пиппа мгновенно бросилась знакомиться с этой странной птицей. Летчик заметил, что она носится вокруг машины; он вступил в игру и направил самолет параллельным курсом по земле. Пиппа пришла в восторг и продолжала кружиться вместе с самолетом,

пока я не взяла ее на поводок. Казалось, ей совершенно неведом страх перед незнакомыми предметами — она смело бросалась даже на грузовой составчик, который с шумным пытением катился по рельсам недалеко от нас; все это вызывало у меня новые опасения.

Она научилась мастерски лазить по деревьям и, найдя дерево с подходящей грубой корой, быстро взбиралась на его вершину. Я часто удивлялась той уверенности, с какой она поворачивается на самых тонких ветках. Только один раз она немного повредила себе лапу, спрыгнув с большой высоты, и я решила на несколько дней оставить ее в вольере. Но она не желала с этим мириться и каждый раз, когда я подходила, пыталась взобраться на решетку, так что поврежденная лапа страдала еще больше. Я поняла, что никакого отдыха не получится, — не считая еды и сна, движение было ее самой насущной потребностью — и стала выводить ее на прогулки на поводке.

Пиппа с детства привыкла к поводку, но в Наро Мору она так много бегала на свободе, что теперь не хотела терпеть его даже ненадолго. Кроме того, на поводке ей приходилось идти рядом со мной, и это не давало ей возможности дразнить меня. На равнинах она часто убегала и пропадала из виду, но на мой зов она всегда рысцой бежала ко мне. Увидав, что я ее жду, она останавливалась и начинала принюхиваться к чему-то с притворным безразличием. Тогда уходила я, тоже разыгрывая полное равнодушие. Она шла за мной, но стоило мне обернуться, как она тут же застывала, смотрела в сторону и ждала, пока я снова двинусь вперед. Эта игра очень хорошо показывала характер Пиппы, ее инстинктивное стремление скрывать свои намерения. Она была удивительно ласкова и, как все живые существа, отзывалась на ласку, но показывать свои чувства не любила — только мурлыкала и покусывала мои руки и уши. Иногда она обнимала меня

передними лапами, но, если я начинала с ней возиться, отходила или смотрела сквозь меня, как будто меня тут и не было.

Ей нравились любые игры; например, она таскала с собой какую-нибудь тряпку и трясла ею передо мной, пока я не бросалась ее отнимать. Я гонялась за ней по всему вольеру, а она влетала на свою площадку, ложилась и, придерживая тряпку лапами, явно ждала, чтобы я попыталась ее выхватить. Если это мне удавалось, она моментально прыгивала на землю и начинала плясать вокруг меня, стараясь вырвать тряпку, которую я прятала за спиной. Эта игра обычно кончалась ее победой. Была у нас старая автомобильная крышка, болтавшаяся на веревке. Пиппа не сразу привыкла к этой ускользающей игрушке, но постепенно обнаружила, что с ней можно справиться, если крепко держать ее передними лапами. Тогда она начинала ходить по кругу на задних лапах, а иногда и перекувыркивалась на другую сторону. Я бросила в крышку несколько резиновых мячиков разной величины, Пиппа доставала их и носилась за ними; но предпочитала она все-таки играть со мной, больше всего ей нравилось вырывать у меня палку.

Чтобы дать ей возможность как можно больше двигаться, я заказала лестницу-стремянку, но она ни за что не хотела влезать на нее. Должно быть, она боялась пустоты между ступеньками, хотя всегда бесстрашно перебиралась с ветки на ветку. Почти все жаркое время дня она спала на своей площадке, откуда было видно, что происходит в Львином лагере.

Кормил а я ее по вечерам, после прогулки. Я знала, что гепарду необходимы птицы, и добавила к ежедневной порции молока и мяса (три-четыре фунта) несколько птиц-мышей, которые стаями гнездились неподалеку от нашей палатки; они ей не понравились, а к цыплятам, которых я ей дала, она вообще не

прикоснулась. Так она объявила голодовку, и мне пришлось сдаться и снова кормить ее постным мясом, добавляя витамины взамен перьев и хрящей, которые она ела бы на свободе.

Погода окончательно испортилась, и проливные дожди все время мешали съемкам. Поэтому мы предвкушали новогодний перерыв и заслуженный отдых.

Мы с Джорджем собирались провести рождество с Пиппой в лагере Эльсы, но дорога оказалась непроезжей, и нам пришлось отправиться в Исиоло. Украшая новогоднюю елку, я вспомнила, что в прошлом году, объездив с лекциями полсвета, я очутилась в это время на островах Фиджи.

Да, это рождество было совсем не похоже на прошлогоднее. Мы решили пойти на холмы, где так часто гуляли с Эльсой. Я ни разу не была там с тех пор, как мы покинули Исиоло. Было чудесное солнечное утро. Пиппа, боявшаяся, что ее не возьмут, сразу же вскочила в лендровер и уселась между мной и Джорджем на переднем сиденье. Когда мы проезжали, еще заспанные жители Исиоло толпой окружили машину, чтобы получше рассмотреть гепарда. Мы оставили лендровер возле нашего прежнего дома в трех милях от городка и пошли пешком к холмам, которые подковой охватывали дом. После дождей земля утопала в яркой зелени и цветах, гудели мириады насекомых, и птицы, сверкая оперением, кружились вокруг восковых цветков алоэ, похожих на алые канделябры на камнях.

Но времени для грустных воспоминаний не оказалось, потому что Пиппа была вне себя от радости. Она носилась взад и вперед по высохшим оврагам и гранитным глыбам, и я едва успевала увертываться от ее внезапных бросков из засады. Она сразу поняла, что слоновый помет куда лучше резиновых мячей; она

толкала лапами навозные шары, самозабвенно кувыркалась между ними, подбрасывая и катая эти дивно пахнущие игрушки до тех пор, пока они не рассыпались. Кроме того, можно было гоняться за земляными белками, хотя эти ловкие зверюшки всегда успевали нырнуть в норку, прежде чем до них доберешься. А деревья, которые надо было облазить, а великое множество термитников, которые необходимо обследовать! Короче говоря, в это утро у Пиппы было очень много дел. Я играла с ней в прятки, видела, как она счастлива, и мне казалось, что Эльса тоже незримо разделяет нашу радость.

Мы поднялись на холм — любимый наблюдательный пункт Эльсы. Стоя на вершине, мы видели внизу изумрудно-зеленую равнину, более темные пятна там, где росли группы акаций, и красновато-бурые нити на земле — это были русла, проложенные потоками. К северу простирались горы — причудливо изрезанные, то совершенно плоские, как гигантские кубы, то похожие на пирамиды. Безбрежная гладь дальних равнин казалась морем, а горы напоминали корабли, стоящие на якоре в спокойных водах. На западе горизонт закрывало плато Лороги, составляющее часть Большого каньона. На юге возвышалась гора Кения, а восточный обзор ограничивался вулканическим гребнем Джомбени, по ту сторону которого лежали равнины, где было последнее жилье Эльсы.

Пока Пиппа старалась разглядеть, что творится в зарослях под нами, мы рассматривали в бинокль стада слонов и жирафов, отдохавших в тени от полуденного зноя. Нам тоже стало жарко, и мы устроили завтрак под тенью скалы. Пиппа улеглась рядом в холодке и следила за парой орлов, парящих в небе. Потом она вытянулась, положив голову на передние лапы, и мирно замурлыкала.

Все вокруг поражало величием и красотой, и, кроме птичьего щебета и мурлыканья Пиппы, ни один звук не нарушал тишины. Я видела Пиппу и Джорджа, думала об Эльсе и была счастлива. Здесь, только здесь, мой настоящий дом.

На обратном пути вдоль гребня холмов Пиппа спугнула несколько франколинов. Джордж подранил одного, свернул ему шею и протянул Пиппе; она подпрыгнула, вырвала птицу у него из рук и, к нашему удивлению, съела все до последней косточки. Франколины нравились ей — это было так же ясно, как и то, что цесарки ей не по вкусу. К вечеру Джордж застрелил цесарку. Пиппа разволновалась и стала вынюхивать что-то в зарослях, куда упала птица, но не обратила на нее никакого внимания. Она заинтересовалась самим участком. Мы обнаружили там лежку трех львов. Очевидно, они только что ушли — трава еще хранила тепло их тел. Должно быть, их спугнул выстрел Джорджа. Было интересно наблюдать, что здесь, на воле, Пиппа чувствовала себя хозяйкой положения и не боялась обследовать львиное логово, а ведь в Наро Мору львы наводили на нее ужас.

На следующий день мы взяли Пиппу в недавно организованный заповедник Исиоло. Утро было великолепное, мокрая после дождя равнина блестела на солнце. Здесь песчаная почва быстро впитывает воду, остаются только небольшие лужицы, а климат такой теплый, что сезон дождей никогда не наводит уныния, как на более возвышенных местах. Мы ехали по равнине, вдоль болота и ручейков, струившихся в тени пальм, и Пиппа вытягивала шею и прыгала по кабине, чтобы рассмотреть стада зебр Гриви (это самые красивые зебры), ориксов, импал и других антилоп — все это были новые для нее животные, и у нее даже слюнки потекли. К тому времени, как жара усилилась, а интерес Пиппы к окружающему поостыл, мы стали

искать подходящее для привала дерево около Уазо Ньеро. В излучине реки росла большая одинокая акация, и в ее тени мы нашли прекрасное место для завтрака, откуда открывался вид во все стороны. Стайка зеленых мартышек выглядывала из густой листвы; они страшно всполошились, когда Пиппа выпрыгнула из машины. Эти мартышки мне нравятся больше всех обезьян Кении. Я могу бесконечно любоваться их грациозными движениями и забавными черными мордочками в ореоле светлой шерсти; кажется, что на них маски.

Пиппа едва удостоила их взглядом, улеглась под деревом и уснула. Мартышки, однако, были так удивлены видом гепарда, который водится с людьми, что любопытство оказалось сильнее природной робости этих маленьких обезьян. Они расхрабрились и, подбираясь все ближе и ближе к Пиппе, подняли такой шум, что она наконец возмутилась и ушла в кусты подальше от обезьян. Они же, не решаясь расстаться с надежным убежищем на дереве, перенесли свое внимание на нас. Стая была большая, и в нас непрестанно летел помет. Я терпела до тех пор, пока один из кусков не угодил прямо в мою шляпу. Это было уж слишком; тут я высказала мартышкам все, что я о них думаю, и, видимо, не особенно вежливо, потому что Джордж вдруг остановил меня просьбой не нервировать обезьян! При создавшихся обстоятельствах пришлось оставить Джорджа в обществе его шумных друзей и присоединиться к Пиппе. Но отдохнуть мы так и не смогли — появилось стадо слонов. Почувяв наш запах, они с пронзительными воплями повернули и перешли реку ниже по течению. Это было великолепное зрелище: слоны шествовали по неглубокой воде в затылок друг другу, матери подгоняли малышей, хоботы у всех были тревожно подняты вверх. Только у противоположного берега они почувствовали себя в

безопасности и стали плескаться, обливаться водой, бороться и скатываться с берега, как на салазках. Наигравшись, они скрылись в зарослях.

Все время, пока слоны развлекались, Пиппа сидела, не сводя с них глаз и не шевелясь; она никогда еще не видела слонов, и мне было очень любопытно, связывала ли она этих великанов со своими любимыми игрушками — кусками навоза. Вообще, это был такой счастливый день, что я была готова мурлыкать вместе с Пиппой.

Наутро нам надо было возвращаться в Наро Мору. По направлению к горе Кения все еще громоздились тяжелые грозовые тучи. Пиппе как будто совсем не хотелось возвращаться в холодный и грязный мир, где было слишком много людской суеты; во всяком случае, мы с трудом заманили ее в машину.

Когда мы приехали в Наро Мору, оказалось, что мне нужно срочно вылетать в Лондон. Я договорилась с молодым дрессировщиком, который работал со львами и давно интересовался Пиппой, что он позаботится о ней в мое отсутствие. Он должен был спать в моей палатке, чтобы быть возле нее по ночам, а гулять с ней он и Джордж согласились по очереди.

Через три недели я вернулась, как раз в то время, когда Джордж привез Пиппу с очередной прогулки. Она устроила мне бурную встречу — прыгала, носилась вокруг, покусывала мои руки и уши. Джордж рассказал, что без меня Пиппа исчезала на целых два дня. Чуть ли не всю ночь ее искала большая группа людей, а на следующее утро ее обнаружили около шоссе, по которому шло оживленное движение. Она очень любила ездить в автомобиле, и ей могло прийти в голову выбежать навстречу какой-нибудь машине. Поэтому я решила никогда больше не водить ее в ту сторону.

На другой день Пиппа тащила меня на прогулке с такой скоростью, что я еле поспевала за ней. На равнине мы возобновили наши прежние игры, и она

вела себя так же дружелюбно, как и до моего отъезда в Лондон. Солнце садилось, животные стали выходить из зарослей, и Пиппа тут же бросалась на всех подряд. Уже темнело, я стала звать ее, но она не обращала на меня внимания. Как бы хитро я к ней ни подбиралась, чтобы прицепить поводок к шлейке, она всегда успевала отскочить и умчаться за кем-нибудь в погоню. Это продолжалось почти до самой темноты, и я пришла в отчаяние. На мое счастье, мимо проезжал хозяин фермы, и я попросила его передать Джорджу, чтобы он приехал за нами на своем лендровере. Пока мы ждали, мне удалось взять Пиппу на поводок, но она упрямо уселась на землю и я не могла сдвинуть ее с места. Приехал Джордж и попытался подманить ее куском свежего мяса; она и на него не обратила внимания. В машину прыгать она тоже не собиралась и только следила за нами недобрым холодным взглядом. Когда мы к ней приближались, она отбивалась, царапая нас острыми когтями и даже сбивая с ног. Наконец Джордж накинул на нее одеяло и на руках отнес в машину.

Я была потрясена. Что случилось с Пиппой? Она никогда не была такой свирепой и упрямой, а такую убийственную злобу в ее глазах я видела впервые. Джордж сказал, что они не раз с трудом увозили ее с равнины, но не придавали этому значения, потому что к нему и к дрессировщику она привыкла меньше, чем ко мне. Но на следующий день Пиппа вела себя точно так же, и я поняла, что стряслось что-то непоправимое. Пиппа перестала доверять людям. Как мне снова завоевать ее доверие?

И тут я решила испробовать старую хитрость. На следующий день я взяла с собой Мугуру, и мы чудесно играли втроем, пока не настало время возвращаться. Пиппа сразу поняла, что я хочу взять ее на поводок, и удивительно ловко ускользнула. Но все же я ее перехитрила — затаилась в кустах и схватила ее, когда

она пришла меня искать. Она поняла, что игра проиграна, и, когда я потянула за поводок, уселась по-собачьи, упираясь передними лапами в землю. Тогда я передала поводок Мугуру и пошла домой. Я успела отойти довольно далеко, когда Пиппа примчалась, таща за собой на поводке запыхавшегося Мугуру. Я дала ему отдышаться и снова двинулась вперед. Так мы и дошли до самого дома.

Но этот прием действовал всего несколько дней, а потом Пиппа показала, что больше ее провести не удастся. Как только я передавала поводок Мугуру, она бросалась на него, так что он отлетал в сторону, потом усаживалась и отказывалась трогаться с места. Все попытки заманить ее в машину кончились так же безуспешно: она начинала отбиваться, как только мы приближались. Единственное, что мне оставалось, — попробовать справиться с ней в одиночку, потому что присутствие посторонних только злило ее.

Несколько недель мне пришлось до изнеможения простаивать в сумерках на ледяном ветру или под морозящим дождем, выжидая, пока она сдвинется с места; я тихонько уговаривала и ласкала ее. Наконец она сдавалась и бежала к дому неторопливой рысцой. Дома ее уже ждал большой кусок мяса, и иногда она разрешала мне держать его, пока она отрывала кусочки. После ужина мы устраивались рядом на куче соломы, и Пиппа засыпала.

Утверждают, что гепардов никогда не удастся приучить соблюдать чистоту в доме — наверное, потому, что на свободе они не устраивают логова. Если бы у них были жилища, они бы содержали их в чистоте, как львы. Хотя Пиппа была очень чистоплотна и от нее никогда не пахло, она все же оставляла помет где попало и часто пачкала свою площадку на дереве и скамейки. Так как даже в период дождей она не забиралась в свой уютный ящик, а предпочитала спать

на соломе, я сделала для нее деревянную конуру, чтобы солома оставалась сухой и Пиппа могла прятаться там в холодные ночи. Но хижина пригодилась Пиппе только в качестве наблюдательного пункта — с ее крыши она обзревала окрестности.

Пиппа день ото дня становилась беспокойнее. Она карабкалась на двенадцатифутовую сетку вольера, и однажды я застала ее уже на самом верху. Как я ни сочувствовала ее стремлению к свободе, пришлось срочно надстраивать козырек, чтобы она не сбежала.

В это время группа операторов американского телевидения приехала снимать наших животных для программы «Сегодня». На рассвете мы вместе с Пиппой выехали на равнину, чтобы поймать восход над горой Кения и снять Пиппу на этом блистательном фоне. Обильная роса еще сверкала в траве, и мы стояли, дрожа от утреннего холода, пока Пиппа носилась вокруг, полная нерастроченной энергии. Меня попросили поиграть с ней. Конечно, я понимала, что рядом с грациозной легкостью Пиппы я предстану в невыгодном свете, но все же прыгала и каталась по росистой траве, думая только о том, что зрители увидят неподражаемую красоту движений гепарда среди бескрайних равнин, когда на светлеющем небе в лучах солнца встает силуэт горы Кения. Для меня это было воплощение свободы, той свободы, которую я хотела дать всем животным, и в первую очередь тем, которых мы снимали в фильме. За последние десять месяцев у нас стало больше двадцати львов, и мы ожидали еще рождения львят. Что будет со всеми этими животными после окончания съемок? И мы, и Вирджиния и Билл Траверсы считали, что решение может быть только одно: надо вернуть всех львов к свободной, дикой жизни, как нам удалось это сделать с Эльсой и ее детьми.

Мы думали, что кинокомпания будет только рада, если львы вернутся к той жизни, которую они изображали в фильме. Каково же было наше огорчение, когда мы узнали, что все львы, принадлежащие компании, будут разосланы по зоопаркам, а остальных вернут хозяевам, за исключением Боя и Гэрл. Они выросли во Втором батальоне шотландской гвардии, и теперь их передали Джорджу, чтобы они могли поселиться в своих природных владениях.

Мы вели отчаянную борьбу, чтобы спасти как можно больше своих друзей от неволи, и международная пресса тоже приняла в этом участие: весь мир облетели заголовки вроде «Стычки из-за львов, рожденных свободными». Возникшая переписка обнаружила, что многие наши корреспонденты путали просто выпуск на свободу с приучением к жизни на воле: некоторые из них считали, что мы проявляем жестокость, подвергая львов всем трудностям дикой жизни. Избалованные заботами человека, они не перенесут этих трудностей. Нас обвиняли и в том, что мы подвергаем опасности жизнь людей, собираясь распустить львов, которые потеряли всякий страх перед человеком. Эта критика была справедливой в тех случаях, когда животных просто выпускали в заповедниках, не проверив, способны ли они постоять за себя. Но мы-то хотели снова вернуть львов к дикой жизни. Это длительный процесс, он требует самого тесного контакта с животными, пока не станет ясно, что они научились самостоятельно охотиться, отвоевали себе территорию в борьбе с дикими львами и приобрели иммунитет к местным болезням. Мы знали, что на первых порах нам придется подкармливать их, защищать от местных львов и лечить в случае болезни. Дикие львы покидают свой прайд^[2] и начинают охотиться самостоятельно только в двухлетнем возрасте. Поэтому мы собирались

следить за нашими львами до того времени, когда их охотничьи инстинкты разовьются полностью.

С тех пор как нам удалось вернуть к вольной жизни Эльсу и ее львят, я мечтала, что мне представится новая возможность повторить этот эксперимент и он послужит основой для разработки новых правил сохранения животного мира. Сейчас, в то самое время, когда дикие животные исчезают с угрожающей быстротой, в зоопарках новорожденных львят часто уничтожают, потому что на них нет спроса. В какой-то степени это, по-видимому, зависит от того, что в неволе львица рождает каждые три с половиной месяца, просто от скуки, а на свободе она занята воспитанием львят и не спаривается в течение двух лет, пока они не станут самостоятельными. Когда мы научимся возвращать львов к дикой жизни, этот порочный круг будет разорван: африканский буш^[3] можно будет населить рожденными в зоопарках львами в том возрасте, пока они еще не очень состарились и с ними еще можно справиться.

Гепарды гораздо больше нуждаются в помощи, потому что они не только исчезают в природе с пугающей быстротой, но и не размножаются в неволе, за исключением зоопарков в Уипснейде и Крефельде и частного зоопарка в Риме, принадлежащего доктору Спинелли. Насколько мне известно, никто еще не пытался приучить к свободе ручного гепарда. Что ж, мы приняли вызов. Кроме того, нам было интересно узнать, сможет ли гепард, вскормленный людьми, нормально размножаться на свободе.

После горестной и безнадежной борьбы за свободу хотя бы для Угаса, великолепного льва, и для замечательных львиц Генриетты и Мары, которые играли Эльсу во многих сценах, мы были вынуждены примириться с тем, что только Бой и Гэрл покинут

лагерь для вольной жизни (впоследствии к ним присоединился Угас). Нам предстояло найти для них подходящее место. Из многих национальных парков нам ответили отказом, но директор заповедника Меру откликнулся на нашу просьбу с энтузиазмом.

Оставалось доснять последние сцены. Одна из них — сцена любовной игры Угаса и Генриетты. Пока съемочная группа готовила площадку, Джордж и дрессировщик вывезли животных на равнину, чтобы дать им поразмяться и растратить избыток энергии. Когда животные стали спокойнее, мы посадили их в клетки на лендроверах и повезли на площадку. Кинооператоры уже ждали нас, попрятавшись в свои машины.

По сценарию Угас должен был отдыхать под кустом, а Генриетта подходила к нему и заигрывала. Угас был громадный лев, и незнакомым лучше было его не трогать. Первую порцию титанических ласк получил Джордж, «приятель» Угаса. Как только льва выпустили из клетки, он встал на задние лапы и, налегая всеми полутора центнерами живого веса на плечи Джорджа, чуть не слизал всю кожу у него с лица своим шершавым и жестким, как напильник, языком. Джордж мужественно перенес этот взрыв чувств и тем временем заманил Угаса поближе к кустам, где тот наконец улегся.

Генриетта наблюдала всю эту сцену из своего лендровера и была явно недовольна. Не успели ее выпустить, как она налетела на Угаса и весьма недвусмысленно показала, что не намерена делить его любовь с Джорджем. Она согнала беднягу с уютного местечка и не оставляла его в покое: то награждала молниеносными ударами, то, припав к земле и оскалив зубы, готовилась к новой свирепой атаке. Угас переносил нападки по-джентльменски, но Генриетта

вела себя скорее как разбушевавшаяся Ксантиппа, а не как влюбленная подруга.

Что с ней творилось? Почему она кусала и царапала его? Джордж уверял меня, что это проявление любви, а мне казалось, что она разозлилась, и я стала бояться за бедного Угаса. Если у львов такая манера ухаживать, то, пожалуй, это довольно грубое проявление чувств; по-видимому, так «считал» и сам Угас. Генриетта снова прыгнула, но удар его могучей лапы встретил ее на лету и опрокинул на спину. Ее это ни капельки не огорчило; наоборот, лежа на спине, она стала к нему ласкаться с довольным и счастливым видом, как и подобает любящей супруге, которую господин и повелитель вовремя поставил на место. Угас почти не двигался, пока Генриетта его обхаживала, и только озадаченное выражение на морде выдавало его глубокое недоумение. Наконец он задумчиво и растерянно посмотрел на нее сверху вниз, словно говоря: «К чему было притворяться, глупышка, ведь я-то знал с самого начала, что ты меня любишь!»

Эта сцена не только позабавила нас, но и открыла некоторые особенности характера Генриетты. Она обожала Джорджа — возможно, он был ей дороже всего прайда, и она обычно позволяла ему такие вольности, которые терпела только от львов. Но в это утро он невольно сделался ее соперником. И то, что она, не обращая на него внимания, занялась Угасом, доказывало, что она прекрасно понимает разницу между своими сородичами и человеком, который не представляет для нее никакого интереса в любовной игре.

Съемки кончились, и мы с Джорджем остались с животными совсем одни в опустевшем лагере. До последней минуты мы надеялись спасти от зоопарков еще нескольких львов, но пришлось лишь наблюдать, как разбивают прайда, совершенно не считаясь с

привязанностями животных и с тем, насколько они зависят друг от друга. Когда я попыталась объяснить, как эта разлука будет мучительна для животных, меня спросили, что я, собственно, понимаю в чувствах львов. Я рассказала, что сыновья Эльсы, Джеспэ и Гупа, потеряли гривы после ее смерти и что кошки тоже иногда линяют от сильных потрясений. Я напомнила, что сестры Эльсы, которые жили у нас на свободе всего пять месяцев, очень долго не могли приспособиться к условиям зоопарка, и, несмотря на то что и они, и другие львы были в прекрасном состоянии, за все эти годы у них появлялись только уродливые или мертворожденные львята. Мне хотелось, чтобы мои противники вспомнили, какой неукротимой была поначалу Мара и как быстро она изменилась, когда Джордж проявил к ней внимание и любовь, по которой она так изголодалась. Только хорошее обращение показало ее милый характер. Наконец, я напомнила, как Гэрл страдала на побережье, когда ее разлучили с братом, — она даже сниматься не могла, пока его не привезли. Но все мои доводы потонули в оглушительном стуке плотничьих молотков — в лагере поспешно сколачивали клетки для пересылки львов.

Однажды утром я увидела два ящика в загоне, где содержались молодые львята. Забившись в самые дальние углы вольера, они в ужасе жались друг к другу, в каждом углу — львята одного помета. Близость братьев и сестер была им единственной поддержкой, а вокруг суетились люди, протягивали им куски мяса, пытаясь заманить в клетки. К вечеру запуганные до крайности львята все еще не сдвинулись с места. Еще больше страху нагнал на них грузовик, который прислали, чтобы отвезти их в аэропорт в Найроби. Четырех львят выбрали, согласно указаниям сотрудника зоопарка, схватили и унесли, невзирая на сопротивление. Остальных оставили ждать своей

участи, а потом тоже разлучили и разослали по разным зоопаркам.

Нет, я никогда не пойму, как можно, проведя десять месяцев среди этих умных и отзывчивых животных, обращаться с ними, как будто они ничего не чувствуют, сортировать их, словно тюки чая в лавке, перед тем как пустить в продажу. Как грустно думать, что эти несчастные львята, оторванные от привычной обстановки, лишенные ласки, травмированные трудной дорогой и долгим карантинном, могут потерять доверие к людям, стать подозрительными и злобными; их назовут тогда коварными и опасными зверями, но никто не упрекнет тех, кто превратил ласковые и добрые существа в свирепых львов — живое воплощение того образа «царя зверей», к которому привыкла невежественная публика.

У меня разрывалось сердце, когда увозили Генриетту. Это была моя любимица, да и все любили ее за добродушие и чувство юмора. В самых головоломных сценах, с которыми не справлялись другие львы, на нее всегда можно было положиться. Это была прирожденная комическая актриса, без конца развлекавшая нас своими выдумками. Для гостей у нее был особый фокус: она запутывалась в веревках, привязанных к старой шине, а потом перекидывала ее себе за плечи, как рюкзак, и в таком виде важно прохаживалась перед зрителями, которые просто умирали со смеху. Мы все настолько привязались к Генриетте, что было совершенно невыносимо думать о предстоящем ей заключении в питомнике Энтеббе. За ее свободу мы боролись особенно ожесточенно, больше, чем за кого-либо другого, но удар все-таки обрушился: однажды, когда я подошла к вольеру Генриетты, у решетки уже стояла машина с клеткой. Генриетта радостно прыгнула в знакомый лендровер — без сомнения, ожидая обычную прогулку по равнине, —

сквозь прутья клетки она в последний раз доверчиво лизнула мне руку. Я смотрела вслед машине, увозившей ее к месту пожизненного заключения, и мне казалось, что я присутствую при смертной казни.

Самая ужасная сцена разыгралась, когда одну из львиц разлучили со львятами, которым было всего три недели от роду. Малыши даже ползать хорошенько не умели и постоянно теряли равновесие, но стоило им мяукнуть, как мать начинала ласково их вылизывать, и все снова были счастливы. Разлучать с матерью таких крохотных зверят, да еще из чисто коммерческих соображений, — беспримерная жестокость. Вот что писала Сэлли Кэрригер:

Гарри Ф. Харлоу из Висконсинского университета работал вместе с Маргарет Харлоу над экспериментом по изучению приматов, и особенно роли в их жизни любви и привязанностей.

Чтобы создать многочисленную колонию подопытных животных, десять лет назад были отлучены от матерей пятьдесят пять только что родившихся обезьян. Их поместили в питомник, где создали идеальные условия для их кормления и охраны здоровья, а также для наблюдения за ними. Многим человеческим детям можно было бы пожелать столь благоприятных условий для их развития. Единственное, чего были лишены новорожденные обезьяны, — это контакта со своими взрослыми сородичами. Животные могли свободно играть друг с другом, и это давало возможность наблюдать за изменением формы их игры по мере того, как обезьяны взрослели.

Одновременно с этими обезьянами отлучили от матерей другую группу новорожденных

обезьян и передали на «воспитание» манекенам — большим куклам, обтянутым мохнатой тканью. Эти куклы искусственно подогревались, чем создавалась имитация тепла материнского тела. Бутылочки с сосками, из которых производилось кормление обезьян, помещали в «грудь» манекенов. Обезьяньи детеныши проявляли большой интерес к искусственным матерям; удалось сделать ценные наблюдения о значении для детенышей тепла и мягкости родительского тела.

Когда эти тепличные обезьяны стали старше, они казались экспериментаторам точно такими же, как их собратья, выросшие в природных условиях. Это обнадеживало исследователей, так как они предполагали создать колонию обезьян, чтобы наблюдать за их размножением и проводить дальнейшие опыты над их потомством. Однако ученые были удивлены, когда обнаружили, что все пятьдесят пять обезьян, выращенные без матерей, так и не смогли достичь состояния, при котором у них возникло бы желание полового общения. Ни один из самцов не проявил интереса к спариванию, а из самок проявила такой интерес лишь одна.

Во второй группе в девяносто обезьян, воспитанных с помощью манекенов, из всех животных четверо стали родителями. Однако надо заметить, что самки, принесшие потомство, плохо обращались со своими детенышами. Они либо игнорировали их, либо относились к ним настолько злобно, что детенышей пришлось отобрать.

Когда «экспериментальные» обезьяны подросли, у них появились и другие

удивительные и огорчительные для исследователей свойства. У всех этих животных обнаружались признаки невропатии и даже психоза. Многие из них проводили все время, сидя на одном месте и безразлично глядя в пространство. Они ни к чему не проявляли интереса, даже к остальным обезьянам. Некоторые из них напряженно извивались или принимали уродливые позы, а их собратья впивались в них зубами. Г. Харлоу утверждает, что те же симптомы можно обнаружить и у психически больных людей, находящихся в домах для умалишенных.

Полученные результаты были абсолютно неожиданными, и даже сейчас трудно объяснить, почему раннее и близкое общение с матерью столь важно для детенышей. Как правило, такое общение длится недолго; у обезьян резусов оно продолжается всего лишь несколько месяцев, после чего детеныш уже начинает «действовать матери на нервы». Именно в это время нетерпение матери служит побудительным толчком для начала учебной программы, то есть такого времени, когда присущая матери раздражительность еще не может вызвать враждебной реакции у подрастающей обезьяны. Это обычный период в жизни животных — они уже начинают взрослеть, но еще не стремятся к сексуальным отношениям.

В условиях дикой природы детеныш, отлученный от матери, выживает очень редко. До сих пор еще неясно, что же случается с детенышем, которому мать оказала слишком малое или же кратковременное внимание. Может быть, во взрослом состоянии такой

детеныш станет «волком-одиночкой»? Люди, хорошо знающие животных, — трапперы, охотники, натуралисты — давно уже предполагают, что одиночество взрослых животных объясняется недостаточностью материнского влияния в период детства.

В описанном нами эксперименте с обезьянами, проведенном Г. Харлоу, трудно объяснить, что важнее — необходимость физического общения с живой матерью или отсутствие материнского эмоционального воздействия. Если вообще у этих животных существуют чувства, то как они могут их выразить, если никогда не знали способов их выражения? Социальное общение предшествует сексуальному, и если бы не было нормального общения между матерью и детенышем, то социальный инстинкт не смог бы возникнуть. Некоторые биологи усматривают в результатах экспериментов Г. Харлоу нечто сходное с теми многочисленными ситуациями, которые возникают у человеческих детей, лишенных в очень раннем возрасте материнского ухода или имевших его в недостаточной степени. Именно такие дети не в состоянии развить в себе социально правильные формы поведения. Если эти дети не умирают в раннем возрасте, то они, как и подопытные животные Г. Харлоу, становятся нелюдимыми, иногда даже антисоциальными, и зачастую во взрослом состоянии не способны создать собственную семью. Можно высказать предположение, что всякая недостаточность общения матери и ребенка приводит к тому, что импринтинга не происходит.^[4]

Глава 3

Я решаю вернуть Пиппе свободу

Во всех испытаниях этих недель меня утешала Пиппа; я радовалась, видя, что ее природные инстинкты развиваются все быстрее, хотя справляться с ней становилось день ото дня труднее. Казалось, весь смысл жизни сосредоточен для нее в тех часах, когда я вывожу ее на равнину, где она может играть и веселиться. Радостно было смотреть, как она наслаждается свободой, а вот сажать ее каждый раз за решетку — радости мало. Я не только расширила ее вольер, чтобы она могла как можно больше бегать дома, но еще и протянула между двумя деревьями проволоку с легко скользящим блоком, к которому можно было прикреплять поводок. Несколько дней Пиппа с удовольствием бегала вдоль проволоки, но вскоре ей надоела эта ограниченная свобода. Она все чаще бросалась на сетку или металась по вольеру, и я поняла, что у нее может испортиться характер, если слишком долго держать ее в неволе. И хотя Пиппе было всего пятнадцать месяцев и она еще не могла жить самостоятельно, я решила как можно скорее перевезти ее в заповедник Меру и оставаться там с ней до тех пор, пока она окончательно не вернется к естественному образу жизни.

Я посоветовалась с двумя друзьями, у которых когда-то были ручные гепарды; оба были убеждены, что Пиппа всегда будет зависеть от меня, — если гепард настолько привык к человеку, что ест из его рук и даже берет руку в пасть, он ни за что на свете не уйдет от своего друга, хотя и может временами исчезать на

несколько дней. Но, несмотря на эти предостережения, я решила дать Пиппе хотя бы возможность попробовать жить на воле. Для начала я договорилась о прививках и написала семье Данки, чтобы получить их согласие на освобождение Пиппы. Я почувствовала большое облегчение, прочитав следующий ответ:

Да, мы оба будем рады, когда узнаем, что Пиппа сможет жить на свободе. Это именно то, что ей нужно; тогда мы все могли бы считать, что спасли ей жизнь и вернули свободу, для которой она рождена. Надеюсь, что вы не будете слишком огорчаться, когда она уйдет. Я до сих пор скучаю по ней и знаю, что вы тоже будете скучать. Я очень обрадовалась, когда узнала, что вам удалось выпустить на волю двух львов (Боя и Гэрл); мне всегда было грустно видеть их запертыми в клетках. Я даже не могу водить детей в зоопарк — слишком больно видеть бедных зверей в холоде и сырости; да и ребятишки расстраиваются и не хотят туда идти.

Дождь лил без перерыва, что серьезно осложняло наш переезд. А так как гепарды и львы не выносят друг друга и держать их в одном лагере невозможно, мы решили разбить два лагеря на расстоянии шестнадцати миль один от другого; таким образом, и животные были разделены, и нам было нетрудно поддерживать связь. Мы с Джорджем наняли молодых помощников, и в связи с необходимыми приготовлениями им пришлось несколько раз проделать путь в 180 миль по раскисшей грязи между Наро Мору и заповедником Меру. Наконец все было готово для переезда. Сначала выехал Джордж в своем лендровере с клеткой, где сидели Бой и Гэрл, я же с Пиппой последовала за ними лишь через несколько

дней. И без того скользкие дороги задержали меня, а тут еще я наткнулась на пост дорожной полиции и, к великому моему удивлению, узнала, что я не имею права водить машину. Пока мне удалось объяснить, что все документы находятся у моего поверенного в Найроби, и пока я писала письмо фирме с просьбой разобраться в этом деле, прошло несколько часов, и мы прибыли на место только к вечеру.

Нас встретил помощник директора заповедника Джозеф Мбуругу, который великодушно предложил сделать для нас все, что в его силах. Он принадлежал к племени именти-меру и во время отпуска директора замещал его в заповеднике. Я тут же воспользовалась его любезностью и попросила прислать рабочих для расчистки нового участка под лагерь: мой помощник выбрал участок слишком далеко от реки, где мы должны были брать воду, и слишком близко от проезжей дороги. Джозеф обещал прислать людей утром и уехал, а мы стали устраиваться на ночь. Несмотря на то что мы были сильно измотаны, спали мы мало и больше прислушивались к ворчанию какого-то льва, до самого рассвета кружившего возле лагеря.

Рабочие появились спозаранку, и начался хлопотливый день. С Пиппой на поводке мы отправились выбирать новый участок. Пробираясь через траву, доходившую нам до плеч, я заметила, что Пиппа очень нервничает, особенно когда мы подошли к реке. Сначала она прижималась ко мне, а потом уперлась и дальше не пошла; пришлось привязать ее в тени под деревом.

Для лагеря мы выбрали хорошее место под большой акацией. Вскоре на этом месте уже суетились шумные африканцы, расчищая площадку и ставя палатки. Пиппе не понравилось, что ее лишают такого развлечения, она протестующе «чирикала» среди стука и криков, так что я ее наконец отпустила. Мои опасения, что она удерет,

не оправдались — Пиппа спокойно расхаживала в этой сутолоке, совершенно не обращая внимания на людей.

Наш новый лагерь был расположен в конце пологого склона; в четырех милях от нас, у Скалы Леопарда, помещалась дирекция заповедника. От лагеря до реки было примерно 150 ярдов. Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение водой (на тот случай, если слоны или другие животные займут подходы к реке), Джозеф достал нам столько труб, что можно было качать воду прямо в лагерь. Это была роскошь, с которой я не встречалась за все 28 лет походной жизни. Он предложил также прислать егеря, который будет сопровождать меня на прогулках с Пиппой.

Егерь оказался нашим старым приятелем; это был добрый, преданный человек из племени игембе-меру, который искренне любил животных. Лучшего следопыта я никогда не встречала, Он был плотником по профессии, но много лет работал у Джорджа, собирая сведения для Департамента по охране диких животных. Позднее он пополнял пищевые припасы Эльсы до самой ее смерти в 1961 году. У него было любвеобильное сердце, под стать разве что его никогда не иссякающей болтливости, и у него были вечные неприятности с женами — одни появлялись, другие исчезали. И теперь, когда я спросила его о семейных делах, он ухмыльнулся и признался, подмигивая, что ему осталось скопить совсем немного денег, чтобы заплатить выкуп за новую жену. Я не очень хорошо говорю на суахили, хотя мне двадцать восемь лет удавалось объясняться с африканцами. Слушая увлеченную болтовню нашего друга, я с трудом догадалась, что слово, которое на мой слух звучит как «локаль», обозначает Скалу Леопарда и что там я должна встретиться с его невестой. Его имя, Тоитангуру, мне было так же трудно произносить, как

ему — английские слова, так что я стала звать его просто Локаль.^[5]

Палатки для обслуживающего персонала мы поставили неподалеку от моей палатки и палатки моего помощника, рядом с кухонным навесом, складом и вольером для Пиппы. Все вместе было обнесено восьмифутовой решеткой для защиты от непрошенных гостей — как четвероногих, так и двуногих.

Лагерь представлял собой идеальное место для гепарда. Равнина, покрытая редкими группами деревьев и зарослями кустарников, хорошо просматривалась во всех направлениях; а Пиппу особенно привлекали многочисленные термитники, красноватыми пирамидками разбросанные в сочной яркой зелени.

В первую же послеобеденную прогулку Пиппа быстро сообразила, что термитники — прекрасные наблюдательные вышки, откуда хорошо следить за газелями Гранта, водяными козлами, антилопами канна и конгоны, ориксами и павианами. Она прыгала на все термитники подряд, влезала на все деревья с достаточно грубой корой — и нам приходилось все время пристально следить за ней, чтобы она не пропала в густой листве. Оттуда, с высоты, она разглядывала окрестности и часто заставляла нас подолгу ждать, пока, спрыгнув, не покажется вновь уже в погоне за цесарками, которые разлетались от нее во все стороны. А то, заметив водяного козла, она устремлялась за ним, и мы не успевали опомниться, как они уже скрывались в высокой траве. Возвратившись, она с мурлыканьем терлась головой о мое колено, но тут снова подворачивалась какая-нибудь птичка, и начиналась новая гонка. Никогда еще мне не приходилось видеть Пиппу такой игривой и полной энергии — она заражала своим весельем всех вокруг. На закате, когда мы

возвращались в лагерь, она еще пыталась догнать двух канн и только после этого решила присоединиться к нам, чтобы не пропустить ужин. Я сняла с нее шлейку, предоставив ей полную свободу, и только на ночь запирала ее в вольере для защиты от хищников, пока она не наберется сил, чтобы постоять за себя. Из Наро Мору я привезла деревянную хижину Пиппы, и мы собрали ее внутри вольера. Так в новом доме у Пиппы появилось что-то знакомое — как раз то, что нужно: теперь каждое утро на рассвете я слышала, как Пиппа прыгает на крышу хижины и ждет утренней прогулки.

Гепарды и львы всегда используют преимущества, которые дает возвышенное место — скала, холм, дерево, термитник или автомобиль. Нам рассказывали об одном прайде львов, который занял заброшенный дом в Танзании, — их часто видели на крыше и на веранде. Возвышения не только дают выгодную стратегическую позицию, но часто они находятся выше того пояса, где встречаются мухи цеце, и там почти всегда дует свежий ветерок. Для Пиппы заменителем всех этих возвышений была крыша ее деревянной хижины, и она пользовалась ею за неимением лучшего.

На следующее утро меня разбудило урчание в животах слонов. Очевидно, мы разбили лагерь слишком близко от их водопоя. Два великана уже стояли возле наших палаток и, задрав хоботы, принюхивались к новому запаху, а еще с десятков толпились на противоположном берегу. Пиппа сидела на крыше хижины и наблюдала за ними так же напряженно, как и мы, пока стадо не ушло вниз по реке. Через некоторое время мы обнаружили, что Пиппа пропала. Мы обыскали всю местность вокруг лагеря, как вдруг с той стороны, куда ушли слоны, я услышала вопли павианов. Я бросилась туда на машине, но из прибрежных кустов, откуда доносился шум, навстречу мне лениво вышли два буйвола.

Наши поиски, уже в пешем строю, были прерваны появлением Джорджа. Он привез мясо для Пиппы. Ему дали разрешение охотиться вне заповедника, пока Бой и Гэрл не научатся сами добывать мясо. Джордж разбил свой лагерь у подножия горы Мугвонго, в самом центре заповедника. До ближайшей реки было три мили, но под горой расстилалось большое болото. Оно привлекало массу животных, которые бродили по саванне, где заросли были гуще, чем вокруг лагеря. Место было отличное: во-первых, животные чувствовали себя здесь спокойнее, чем в густых прибрежных зарослях, и поэтому собирались большими стадами, а во-вторых, на открытом месте Бой и Гэрл подвергались меньшей опасности нападения со стороны собственных сородичей. На каменистом склоне холма было много прекрасных наблюдательных вышек и укромных убежищ. Местные львы заходили сюда редко, так что Бой мог со временем стать по праву «Властелином замка». В лагере, кроме Джорджа, жили его помощник, повар и слуга, который ухаживал за львами с самого начала съемок.

Мне очень хотелось посмотреть, как они устроились, и мы договорились, что я приеду в гости завтра. Но тут наш полуденный покой был нарушен пронзительным визгом павианов. Схватив темные очки и шлем, я бросилась туда, напугав обезьян до полусмерти. За мной бежали все остальные, и обезумевшие обезьяны ударились в бегство с дикими воплями. Разумеется, это никак не облегчило нам поиски гепарда. Мы тщательно прочесали высокую траву, обследовали каждый куст и заглянули под каждое дерево. Мы искали весь день, пока не стемнело. Ходить по зарослям стало трудно, да и Джорджу пора было возвращаться к себе. Я боялась, что бедная Пиппа попала в беду, и продолжала искать ее на машине. Ехала я по дороге тихо, часто

останавливалась и ждала. В 9 часов вечера я вернулась домой. Поиски были безуспешны.

Ближе к ночи я вдруг услышала знакомое мурлыканье, и Пиппа, измученная голодом и жаждой, потерлась головой о мое колено. Пила она долго, не отрываясь, а потом слопала все мясо, которое Джордж приготовил на три дня. После этого она растянулась на земле и заснула.

Много бы я дала, чтобы узнать о Пиппиных приключениях, но мне оставалось только утешаться мыслью, что она жива и здорова. Сколько ей нужно еще узнать, прежде чем она сможет жить самостоятельно! Закон зарослей не знает жалости и не прощает ошибок. Едва ли не главную опасность здесь представляют павианы. Хотя эти кривляющиеся обезьяны бывают очень забавны, о них идет дурная слава: нередко они нападают на одиноких животных, а клыки у них такие, что павианы могут кого угодно разорвать в клочья. И так как Пиппа гонялась за всеми, кто ей попадался, эти стада обезьян, наводнявшие окрестности, были нашей самой большой заботой. Пиппе необходимо было как можно быстрее дать понять, что «чертики в табакерке», чьи мордочки, поддразнивая всех, так соблазнительно выскакивают из высокой травы, и есть ее самые страшные враги. Да еще такие, которым ничего не стоило удрать от нее по гладкому стволу на верхушку пальмы дум, куда Пиппа забраться не могла.

Другая забота: надо было научить ее пить из реки. До сих пор она пила только из миски или из мелких лужиц после дождя. Река была неширокая — кое-где Пиппа могла перемахнуть ее одним прыжком, но в ней кишели рыбы, питоны, крокодилы, а там, где поглубже, встречались и бегемоты. В густых прибрежных зарослях скрывались буйволы, слоны, львы, антилопы, обезьяны, а иногда и леопард — хищник, которого боятся все дикие животные. Чтобы пробраться к воде через густой

кустарник, нам приходилось пользоваться звериными тропами, ведущими к местам водопоя, но эти удобные подходы были истоптаны животными, и там держался их запах, которого Пиппа панически боялась. Приучить ее пить из реки можно было только одним способом: мы брали ее на большую прогулку и к водопою подводили, когда ей уже невыносимо хотелось пить, а сами сидели рядом, пока она не напьется.

Здесь, на высоте около 2000 футов, климат был жаркий. Животные, как правило, держатся в тени в самый солнцепек, и мы решили выводить Пиппу на прогулку только рано утром и после пяти часов вечера. Мы старались ходить как можно больше, чтобы познакомить Пиппу с ее новым домом.

Обучение началось с прогулки к невысокому гребню, откуда был виден наш лагерь и хорошо просматривалась равнина, так что можно было заметить приближение хищников. Мы часто теряли Пиппу из виду в высокой траве, а потом, оглядываясь, замечали, что она прячется совсем рядом, готовая снова умчаться прочь, как только ее заметят. Ее страшно заинтересовали жирафы. Зрение у нее отличное, и, заметив их величавые фигуры хотя бы на горизонте, она тут же бросалась в погоню, а потом возвращалась, запыхавшись, но явно довольная собой: еще бы, обратить в бегство таких огромных животных.

Когда стало жарко и Пиппа устала, мы расположились под деревом, и она заснула. Я решила воспользоваться этим временем и навестить Джорджа, а Пиппу поручила Локалю — так мне было за нее спокойней: я знала, что с Локалем она не попадет в беду. Когда я крадучись уходила, Пиппа сонно подняла голову, но не выразила ни малейшего желания пойти за мной, и это меня обрадовало: я хотела, чтобы она проводила как можно больше времени вне лагеря.

Путь к лагерю Джорджа проходил по красивой местности, среди болот и холмистых равнин с небольшими рощицами пальм дум. Эти пальмы являются полезными ориентирами в засушливых областях — они всегда указывают на присутствие грунтовых вод, как бы глубоко те ни находились. Пройдя через рощу, где слоны и носороги оставили свои метки на больших деревьях — они чесались о жесткую кору, так что она блестела, как отполированная, — я вышла к реке Ройоверу. Это одна из пяти главных рек заповедника; здесь брали воду для лагеря Джорджа, расположенного в трех милях отсюда. Я переправилась через реку, и вдали показалась двойная вершина горы Мугвонго, возвышавшаяся над холмами.

Отчасти оттого, что этот холм располагался в центре заповедника, отчасти из-за скопления дичи в этом месте у его подножия была расчищена посадочная площадка для приема туристов и патрулей по борьбе с браконьерством. Я подумала, что этот аэродром в случае нужды может очень пригодиться Джорджу. Никто из нас и не представлял себе, как скоро эта помощь ему понадобится.

Придя в лагерь, я увидела, что Джордж и его помощник мрачно сидят каждый в своей палатке и оба очень расстроены: Бой не двигался со вчерашнего дня, он явно заболел. Я пошла навестить его и увидела, что Гэрл лежит рядом с братом. Она нежно облизывала его голову, стараясь как-то утешить его. Он дышал тяжело и часто. Джордж измерил ему температуру — а это было не так-то просто, потому что Гэрл охраняла его и опасно следила за каждым движением Джорджа. Наконец ему все же удалось вставить термометр в прямую кишку льва; температура поднялась до 40,2 градуса. Нормальная температура для льва — около 37,8 градуса. Мы решили, что Бой заразился

бабизиелезом, погубившим Эльсу, или страдает от трипаносомоза, который передают мухи цеце.

В любом случае необходима была немедленная помощь. Я предложила взять из уха Боя мазок крови и отправить с помощником Джорджа в ветеринарную лабораторию в Найроби. Он же сможет привезти оттуда нужные лекарства. Тем временем я связалась по радио с ветеринаром из Меру и попросила его немедленно приехать с портативным микроскопом, потому что Боя надо начинать лечить раньше, чем помощник успеет вернуться из Найроби. Оба ветеринара нашли, что Бой болен трипаносомозом, который легко поддается лечению беренилом. Джордж без особого труда делал ему инъекции несколько дней подряд. Казалось, что Бой даже не чувствует укола иглы в бедро. Лекарство отлично подействовало, и вскоре Бой поправился. Дикае кошки по-разному реагируют на укусы мухи цеце: Бой заразился сразу же, как только попал в заповедник, а Гэрл и Пиппа так и не переболели трипаносомозом.

К вечеру я вернулась домой, увидела кобру у входа в свою палатку и убила ее. Пиппу и Локаля я нашла на том же самом месте, где оставила их утром. Сонная Пиппа поплелась за нами и оживилась, только когда наткнулась на стаю цесарок, которые, пронзительно крича, вылетели прямо у нее из-под носа. Джозеф любезно разрешил мне время от времени стрелять дичь, чтобы приучить Пиппу к охоте, и теперь я попросила Локаля застрелить цесарку. Птица, хлопая крыльями, свалилась чуть ли не на голову Пиппе. Та не знала, как к ней подступиться, и толкала птицу лапой, пока мы не свернули ей шею. Потом мы вынули дробины, чтобы избежать свинцового отравления, и отдали птицу Пиппе. Несмотря на голод, она съела только половину.

Обучение Пиппы продолжалось и на следующее утро. Я привела ее к тому дереву, где она отдыхала накануне в обществе Локаля. Я надеялась, что на этот

раз она останется там одна на время полуденной жары. Но когда я попыталась уйти, она упрямо увязывалась за мной. Наконец я сдалась и повела ее к реке, на водопой, где отдала ей остатки цесарки. Мне показалось, что она как будто заснула, и я стала потихоньку удаляться, пока не заметила, что она так же бесшумно крадется за мной к лагерю.

Пиппе не нравилось сидеть за решеткой уже в Наро Мору, а здесь она просто возненавидела вольер. Но она была еще слишком неопытна, и ночью ей грозили всякие опасности, поэтому мне приходилось, скрепя сердце, заманивать ее на закате в ненавистный вольер. А ведь именно в эти часы все ее охотничьи инстинкты обострились.

В ту ночь вокруг нашего лагеря кружили три льва, и я слушала их ворчание и сопение почти до рассвета. Не знаю, как Пиппа восприняла их, но едва начало светать, как я услышала стук лап по крыше хижины и увидела, что она пристально смотрит в ту сторону, куда ушли львы. А потом, когда я позвала ее на прогулку, она отказалась идти со мной и затаилась в высокой траве возле самого лагеря. Даже в пять часов вечера она неохотно пошла за нами к водопою.

В следующую ночь львы опять не дали нам уснуть; их было еще больше, и мы слышали, как они шуршали травой, пробираясь вдоль загородки. Я думала, что утром Пиппа будет еще больше напугана, и очень удивилась, когда увидела, как она погналась за водяным козлом и исчезла примерно в миле от лагеря. Вернулась Пиппа около пяти, и было видно, что она устала и хочет пить. Как всегда, с опаской подойдя к водопою, она напилась и тут же снова бросилась в погоню за газелями Гранта.

Несколько дней подряд Пиппа ускользала от нас в самом начале прогулки, и нам стало ясно, что она предпочитает исследовать заросли без нас. И вот

однажды ночью она не вернулась. Целый день мы провели в поисках, обшарили все подозрительные места, но не нашли даже следов. На следующий день мы продолжали поиски, и меня опять встревожили крики павианов — это вполне могло означать, что с Пиппой что-то случилось. Когда же и на третий день мы не нашли ни следа — я пришла в отчаяние. К вечеру, взбираясь на гребень и одновременно рассматривая в бинокль расстилавшуюся внизу равнину, я чуть не наступила на спящего льва — он отдыхал под небольшим деревом, нижние ветви которого прикрывали площадку, служившую ему логовом. Он удивился не меньше меня, но вел себя гораздо сдержаннее: я закричала и отскочила назад, а он не торопясь и с достоинством удалился. Когда он скрылся в высокой траве, я принялась осматривать его логово.

Не найдя следов Пиппы среди остатков его последнего пиршества, я успокоилась, но все же его присутствие встревожило меня еще больше: он поселился слишком близко, и это было опасно. Он мог следить за каждым движением Пиппы и за всеми, кто жил в нашем лагере. Мы назвали этот куст Львиной Виллой и вскоре обнаружили, что молодой лев бывает там постоянно: его рычание кончалось частым пыхтением, и мы прозвали его Симба Харака — Торопливый Лев. Я даже полюбила его за это, ведь мое собственное прозвище, давно придуманное африканцами, было Мэмсахиб Харака — Торопливая Леди.

Когда стемнело, я продолжала искать Пиппу на машине. Ехала я очень медленно и часто звала ее, но мне встретились только несколько слонов. Поздно ночью, сидя в своей брезентовой ванне под звездным небом, я услышала вой гиены. Это еще больше усилило мою тревогу за Пиппу, и в эту ночь я не сомкнула глаз.

Как только рассвело, я пошла посмотреть на остатки трапезы гиены. Ничего страшного там не нашлось, но я все еще волновалась. Локаль попытался меня утешить, уверяя, что Пиппа безусловно жива и просто развлекается с самцом. Как же я обрадовалась, когда, вернувшись в лагерь, мы увидели, что Пиппа сидит там с невинным видом и набитым брюхом. Я подошла к ней и сразу же уловила резкий запах. На мясо, которое я ей дала, она едва взглянула и угрожающе замахнулась лапой, когда я попыталась обобрать с нее клещей; вообще Пиппа вела себя необычно дико. Может быть, Локаль прав, и она встретила самца?

Пока я старалась снова завоевать ее доверие, появилась машина — приехали Джозеф и несколько членов правления заповедника. Все восторгались Пиппой, но она держалась очень холодно: даже не посмотрев на гостей, повернулась и ушла. Когда они уехали, мы вышли с Пиппой погулять по дороге и встретили слона. Пиппа, разумеется, стала подкрадываться: подобравшись к нему самым коварным образом, она неожиданно ударила его лапой по задней ноге. Возмущенно трубя, великан помчался прочь галопом, а Пиппа настойчиво преследовала его, пока оба они не скрылись из виду. Не вернулась она и в эту ночь,

Глава 4

Новый лагерь

На следующий день Пиппа так и не появилась, и я решила посоветоваться с Джозефом. Мы пришли к выводу, что в густом кустарнике возле реки чересчур много павианов, да и дорога проходит слишком близко, и это может помешать нам приучить Пиппу к жизни на свободе. Надо было искать для лагеря более удобное место. Самый ближний водоем — болото — находился примерно в пяти милях; мы поехали туда. В болото впадала маленькая речушка под названием Мулика. На ее берегах росло всего несколько пальм дум, так что животное на водоем могло издали заметить приближение опасных хищников. Приблизительно милей ниже речушка выходила из болота и текла вдоль гребня, ведущего к открытой равнине. Там мы увидели стада ориксов, газелей Гранта и канн, а также слонов и зебр. Эта местность была просто создана для гепардов, да еще Джозеф сказал, что видел пару гепардов и одинокого самца неподалеку от места, где мы решили разбить новый лагерь. От старого лагеря было не больше мили ходу, и мы подумали, что будем водить Пиппу сюда на прогулку, чтобы заранее, еще до переезда, познакомить ее с окрестностями.

Мы решили сразу же приучать ее к новому месту; но у Пиппы были, по-видимому, свои соображения. Она не возвращалась в лагерь трое суток. Наши поиски были безрезультатны. Как вдруг егеря сообщает, что на рассвете Пиппа играла с шакалами на взлетной полосе возле Скалы Леопарда. Когда я примчалась туда, она встретила меня очень ласково, но потом убежала на равнину и гонялась за газелями Гранта, пока не стало

слишком жарко. Мне удалось заманить ее в машину специально припасенным для этого мясом, и я привезла ее домой. Но к вечеру она ушла в заросли и не вернулась. Следующие дни были полны забот и волнений — нам пришлось немало потрудиться, разыскивая ее следы.

Мы обыскали всю местность в радиусе пяти миль и успели отлично ее изучить. Наибольшей популярностью среди львов и леопардов явно пользовалась высокая скала — там было много их следов. С ее вершины открывался прекрасный вид на равнину, речку и ближние заросли. Мы встречали буйволов, слонов и носорогов, не говоря о более мелких животных.

На пятый день я наблюдала в бинокль за слоном, как вдруг примерно в четырехстах ярдах от нас увидела сидящего на пне гепарда. Не веря своему счастью, я крикнула: «Пиппа!» Гепард повернул голову и взглянул на нас. Мы заторопились к нему, стараясь не потревожить слона, и наконец подошли достаточно близко, чтобы рассмотреть зверя, который следил за всеми нашими маневрами. Но не успела я навести на него бинокль, как он исчез. Конечно, уверенности в том, что это была Пиппа, у меня не было, но дикий гепард вряд ли подпустил бы нас так близко. А если это все-таки была она, зачем ей понадобилось удирать? Мы пошли по берегу реки, где на нас чуть не налетели пять водяных козлов. Они сломя голову выскочили из кустарника и резко свернули в сторону, заметив нас. Должно быть, они убегали от гепарда. Это нас немного подбодрило, и мы продолжали поиски; я все время звала Пиппу, но откликались только зеленые мартышки. Решив, что, если это была Пиппа, она сама вернется в лагерь, мы ушли домой, но и там прождали ее понапрасну.

С утра пораньше я отправилась на то место, где мы видели гепарда, и там возле небольшого заливчика,

который, судя по многочисленным следам, служил водопоем, устроила засаду. Было очень тихо; только пальма дум, в тени которой я сидела, шелестела листьями у меня над головой. Я попыталась представить себе, что делала Пиппа в этом чудесном уголке, который казался мне настоящим гепардовым раем. Если она научилась убивать добычу и не нуждалась больше в моей защите, к чему ей было возвращаться в лагерь, где на ночь ее запирали в вольер, а днем надоедали посетители? Надо признаться, я очень привязалась к ней, но ей-то за что было любить меня? Я вошла в ее жизнь сравнительно поздно, она попала ко мне не по своей воле, и, как бы я ни старалась вознаградить ее за одиночество и неприятности в Наро Мору, все же могла предложить ей так немного по сравнению со свободной жизнью в зарослях, открывшейся теперь. Но меня мучил только один тревожный вопрос: готова ли она к самостоятельной жизни? Да к тому же я боялась, что она уйдет через реку, за пределы заповедника.

Проведя возле залива весь день, я вернулась домой одна. А на следующее утро мы нашли на этом месте следы когтей гепарда, который взбирался на дерево возле скалы, а потом и след, уходящий за реку, где он отдыхал в пальмовых зарослях у воды. И снова я сидела в засаде целый день, но видела только пять слонов, которые старались стряхнуть орехи с верхушки пальмы дум, да еще пару водяных козлов, которые пронеслись мимо моего убежища, — должно быть, спасались от какой-то опасности. Я пошла вверх по реке, откуда они прибежали, и нашла свежий помет гепарда — но Пиппы нигде не было.

Еще дня три ушло на бесплодные поиски, но вот как-то вечером появился человек с сообщением, что Пиппа вернулась к Скале Леопарда. Я добралась туда, когда почти стемнело, и обнаружила ее возле гаража в

окружении толпы африканцев. Увидев меня, она с птичьим чириканьем бросилась ко мне и вскочила в машину. Она ужасно изголодалась и съела все мясо, которое у меня было с собой. Я с огорчением заметила, как она отощала. Она казалась совсем маленькой, и нос у нее был мокрый и холодный — верный признак болезни. Когда мы приехали в лагерь, она набросилась на еду, а я тем временем снимала с нее клещей. И тут я заметила, что задние ноги у нее словно одеревенели, а десны совсем бледные.

Утром по радио был вызван ветеринар с портативным микроскопом. Я же не отходила от Пиппы, досыта накормила ее мясом и молоком, а она нежно отвечала на мои ласки.

Посланный по ее следу Локаль обнаружил, что он соединяется с тем, который мы видели возле залива. Значит, мы все-таки шли за Пиппой. Странно — ведь она была тогда ужасно голодна и, несмотря на это, не вернулась в лагерь, а ушла в другую сторону, к Скале Леопарда.

К вечеру она снова стала гоняться за птицами, забралась на дерево просто так, для удовольствия, и я немного успокоилась, но все же меня очень обрадовало появление ветеринара. Он взял мазок крови, измерил Пиппе температуру (у нее оказалось 38,4 градуса) и поставил диагноз: *Babesia canis* — собачий бабезиоз, которым болеют собаки. Это было очень интересно, потому что лишний раз подтверждало родство гепардов с собаками. Эльса умерла от *B. felis*, которой болеют только представители семейства кошачьих. Ветеринар на всякий случай захватил лекарство, но посоветовал подождать несколько дней — болезнь у Пиппы протекала легко и мог выработаться естественный иммунитет. Все это время нам было предписано держать ее в вольере и наблюдать за температурой и другими симптомами. В течение пяти дней я мерила ей

температуру утром и вечером. Она колебалась между 37,8 и 38,2 градуса — для гепарда это нормальная температура.

Аппетит у Пиппы был зверский; только теперь я заметила, как она любит желто-оранжевый жир зебры и обыкновенную грязь. Я была поражена, когда увидела, что она ест грязь возле каждой лужи. Когда я спросила Джорджа, он сказал, что ничего особенного в этом нет, гепарды таким образом получают дополнительное минеральное питание и улучшают свое пищеварение. Ко мне Пиппа относилась гораздо нежнее, чем прежде, и ходила за мной как тень, но рычала на помощника и африканцев. С выздоровлением она становилась все беспокойнее, и через несколько дней ее затворничество стало одинаково невыносимо как для нее, так и для меня. На прогулку она выходила на поводке, но уговорить ее вернуться в лагерь было очень нелегко, потому что везде, где бы мы ни гуляли, встречалось столько интересных животных. Обнаружив, что ей мешают гоняться за ними, она снова начала отбиваться и царапаться, как и раньше, в Наро Мору. Но там я спокойно ждала до темноты, пока ей не заблагорассудится сдвинуться с места. Здесь же рисковать было нельзя, надо было возвращаться домой засветло. Положение усложняли слоны, которые все время паслись около лагеря. Пиппа напряженно следила за ними, и можно было представить себе, какой дразнящий запах долетал до нее при каждом взмахе огромных ушей.

Наконец после шести дней «постельного режима» Пиппа пришла в отличную форму, и я, устроив прощальный пир из мяса зебры, выпустила ее на волю. Она тут же стала гоняться за страусами и провела весь день у реки. Вечером она вернулась с нами в лагерь и съела остатки мяса; в пять часов утра с громким

мурлыканьем она подошла к моей кровати, а потом исчезла.

Еще три дня мы пытались отыскать ее, и тут нам сообщили, что объездчики видели двух гепардов под деревом возле Скалы Леопарда. Объездчики были на грузовике, и меньший гепард сначала пошел к ним, но потом стал догонять большого, который удирал во все лопатки. Мы поехали на это место и стали прочесывать его, двигаясь параллельно друг другу. Вдруг мой помощник чуть не наступил на двух гепардов, которые сразу же убежали. Однако он успел заметить, что один из гепардов гораздо темнее Пиппы. На каменистой почве не осталось следов, вдобавок мешала высокая трава, и нам пришлось вернуться домой.

Было уже совсем темно, когда мне послышалось мурлыканье Пиппы. Я не успела встать — она вошла в мою палатку и стала нежно лизать меня. Вернулась она с полным животом, под хвостом было несколько капелек крови, а шерсть сзади была мокрой от вылизывания, да и вообще вся шерсть у нее стала необычайно шелковистой. У меня не было мяса, и я предложила ей молока и яиц. Обычно она ела это с удовольствием, но на этот раз не притронулась к пище и немного погодя убежала.

Я пошла за ней и была очень удивлена, что она останавливалась, ждала, даже затаивалась, чтобы меня подкараулить, и, как только я подходила, мурлыкала и ласкалась ко мне. Но наконец, взобравшись на дерево и внимательно осмотревшись, она убежала. В глубоком раздумье я спрашивала себя: неужели она прибежала за четыре мили от Скалы Леопарда только для того, чтобы сказать, что она видела сегодня, как мы ее искали, но что у ее нового приятеля очень подозрительный характер, поэтому ей никак нельзя задерживаться, просто она хочет сообщить мне, как она

счастлива. По дороге домой я вспомнила, что Эльса в подобном случае вела себя точно так же.

На рассвете мы пошли по следу Пиппы и нашли ее на склоне холма — она преследовала крупного страуса, но ее отвлекли цесарки, и она помчалась за ними, а потом налетела на трех слонов. Великаны стали уходить, Пиппа тоже исчезла, и мы опять не видели ее несколько дней.

Меня пригласили в Совет директоров в Меру, чтобы я показала фильм, который мы сняли про Эльсу, и рассказала о возвращении к дикой жизни и о других методах охраны диких животных. Я поехала туда с Джозефом и была представлена аудитории, которая собралась в новом зале правления. Присутствовало около четырехсот человек, и все они были рады узнать, что Эльса жила в заповеднике Меру, все были полны энтузиазма и горячего стремления помочь нам в нашей работе.

Мне было особенно интересно следить за развитием этого заповедника, потому что именно здесь и в соседней Северной пограничной провинции Джордж 25 лет прослужил инспектором по охране диких животных. Это место он посещал гораздо чаще, чем другие участки на подведомственной ему огромной территории, так как здесь больше всего было развито браконьерство. Мы очень хорошо знали этот участок и всегда мечтали о том времени, когда его сделают заповедником. Здесь было замечательное сочетание экологических условий, и разнообразие дичи могло превратить этот уголок в настоящий рай. Ни в одном из восточноафриканских парков по охране диких животных нет такого количества непересыхающих речек и болот, такого удивительного разнообразия ландшафтов и растительности, такого перепада высот (от 1000 до 4500 футов). Поэтому диким животным не приходится выходить за пределы участка во время

миграций даже с наступлением сильной засухи. И еще одно преимущество — здесь водится муха цеце, сравнительно безопасная для диких животных, но несущая гибель домашнему скоту. Так что тут никто не станет пасти скот, хотя рис здесь возделывать можно.

Когда Совет директоров в 1956 году постановил объявить четыреста квадратных миль территории заповедником Меру, мы с Джорджем были счастливы. Ведь к этому месту нас привязывало еще и то, что здесь мы выпустили на волю Эльсу и провели около двух лет вместе с ней и ее львятами. Позднее деньги, полученные за книгу об Эльсе и ее семействе, оченьгодились при благоустройстве заповедника, и все же, несмотря на это и на героические усилия многих людей, оставалось сделать еще немало. Поэтому Джозеф и я были так рады вниманию, которое Совет проявил к нашему заповеднику.

Утром мы нашли след Пиппы возле того болота, которое было предназначено для ее нового дома. Мы съездили в лагерь за мясом и решили провести в этом месте целый день. Вдруг из-за кустов возле группы деревьев вышла сонная Пиппа. Если учесть, что она целых шесть дней не получала от меня еды, то в общем она была в неплохом состоянии, но мясо, привезенное нами, уничтожила в мгновение ока, пока мы располагались под деревом, чтобы позавтракать.

Какая удача, что Пиппа сама открыла тот участок, который мы для нее выбрали! А может быть, нам не следует переносить сюда весь лагерь? Мы просто приезжали бы навещать Пиппу. Кажется, она была со мной вполне согласна: когда я завела мотор, чтобы ехать домой, Пиппа всем своим видом показала, что хочет остаться возле болота.

Вернулись мы рано утром и застали ее на том же месте. Она нам очень обрадовалась и пошла с нами гулять, забираясь на все термитники и деревья, чтобы

посмотреть, нет ли поблизости франколинов — по утрам они так соблазнительны на камнях. Когда наступила жара, я устроилась в тени деревьев, разложив свои рисовальные принадлежности на низенькой походной кровати. Тем временем Пиппа съела припасенное для нее мясо. Подошел Джозеф; он был очень привязан к Пиппе, и ей он тоже нравился — ему даже разрешалось играть с ней. Мы решили пока что не переносить лагерь: если Пиппа устроится жить возле болота, мы будем привозить ей еду все реже и реже, пока она не научится обходиться без нашей помощи.

Трудно было выбрать лучшую штаб-квартиру, чем эта рощица, откуда открывался чудесный вид вдаль и вширь. Еще несколько дней мы регулярно навещали Пиппу и выработали определенный порядок действий. Встретив Пиппу, мы отправлялись с ней на прогулку. Иногда мы шли вдоль течения Мулики, извивавшейся среди скал и болот, — она протекала в нескольких сотнях ярдов от рощи. Иногда мы переходили на другой берег и гуляли по песчаной равнине, которая была так непохожа на заросшие кустами холмы и каменистые склоны возле нашего лагеря. Но куда бы мы ни направлялись, везде хватало термитников и деревьев, с которых Пиппа могла выслеживать газелей Гранта, зебр, ориксов и вездесущих франколинов.

В полуденную жару мы отдыхали в роще, я рисовала Пиппу за завтраком, а мужчины отправлялись удить в глубоких заводях Мулики — там попадались вкуснейшие сомики. Пиппа с интересом обнюхивала холодную рыбу, но ее привлекал скорее необычный вид этой добычи, чем ее запах. Как только становилось прохладнее, мы опять шли на прогулку. А когда солнце опускалось совсем низко, мы оставляли Пиппу за обедом и уезжали домой. Она прекрасно знала дорогу в лагерь, но никогда не приходила за нами, и через

несколько дней мы решили прекратить на время свои визиты и посмотреть, как Пиппа будет себя вести.

Глава 5

Браконьеры и перемена лагеря

На следующий день Джозеф должен был отправиться во главе патруля выслеживать браконьеров вдоль по реке Ура, и я уговорила его взять меня с собой. Тана — самая большая река в Кении, и ширина ее возле устья Уры около трехсот ярдов. Оттуда мы и отправились в поход, потревожив небольшое стадо бегемотов, которые успели выразить свое недовольство громким сопением, изрыгая фонтаны воды, прежде чем их неуклюжие, блестящие тела погрузились в воду.

Мы тихо продвигались через густой кустарник вдоль берегов этой чудесной реки, где мне так много пришлось бродить когда-то с Эльсой. Ее лагерь находился в нескольких милях вверх по течению, и каждый шаг здесь был связан с горькими для меня воспоминаниями. Внезапно я споткнулась о поваленное дерево, упала и сильно ушибла ребра. Я попыталась не обращать внимания на боль в груди, но двигаться становилось все труднее. Делать, однако, было нечего, и я шла вместе со всеми, пока мы не увидели на противоположном берегу браконьера, который натянул лук, целясь в невидимую жертву. Чтобы помешать ему спустить стрелу, Джозеф выстрелил в воздух, а два егеря бросились вброд через реку. Следом пошел Джозеф, и они исчезли в густом кустарнике. Остальные, напряженно прислушиваясь, простояли в полной тишине, как мне показалось, целую вечность. Наконец все трое возвратились — они шли вброд, по пояс в воде, держа винтовки над головой.

Оказывается, когда егеря погнались за удиравшим браконьером, на них напал носорог. Должно быть, ему-то и предназначалась стрела браконьера. Люди мгновенно взобрались на дерево, и носорог продержал их в осаде так долго, что браконьер успел скрыться. Когда подошел Джозеф, он не увидел уже ни носорога, ни браконьера. Вскоре мы заметили еще троих браконьеров, расставлявших ловушки на крокодилов у дальнего берега; но прежде, чем егеря успели перебраться на тот берег, их и след простыл. Ускользнуть браконьерам помогла густая растительность. Когда же мы нашли еще ловушки, остатки недавних костров и следы людей за колючей оградой возле могилы Эльсы, Джозеф приказал патрулировать эту местность в течение недели.

Мне очень хотелось узнать, как поживает Пиппа, но для ее же пользы и из-за ноющей боли в груди я решила подождать еще сутки. И только тогда мы отправились к ней, захватив мясо зебры. Мы нашли ее в роще, очень голодную. Она подошла ко мне, а на Локаля и помощника не обратила никакого внимания; не взглянула на них она и тогда, когда они на прощание застрелили для нее птицу. После этого мы приехали только через два дня, и Пиппа опять ждала нас и опять очень исхудала. Было совершенно ясно, что она не охотится, целиком полагаясь на нас. Как ни тяжело мне было морить ее голодом, но это было единственное средство вернуть ее к свободной жизни. Даже если она не сразу научится добывать пищу, она все же узнает таким образом законы зарослей быстрее, чем оставаясь в лагере. Кстати, никто не мешал ей прийти в лагерь, если она проголодается.

Но мы все же решили навещать Пиппу ежедневно. Я очень любила часы, которые мы проводили вместе. Хотя Пиппа никогда не проявляла свою привязанность так открыто, как львы, я знала, что она довольна и

счастлива, когда лежит возле меня и мурлычет, пока я ее рисую.

Как это ни грустно, но мои ушибленные ребра давали знать о себе при каждом вздохе. Наконец у меня уже не хватило сил терпеть боль, и на самолете скорой помощи я вылетела в Найроби. Там, в больнице, меня продержали пять дней. Как только мне стало лучше, я пошла навестить Угаса. Он был собственностью Национального парка и жил в Питомнике для диких животных с тех пор, как закончились съемки фильма «Рожденная свободной». Меня он узнал сразу и с жалобным стоном стал тереться своим мягким носом сквозь решетку о мои руки. Он беспокойно шагал вдоль решетки, пока служитель рассказывал мне, что в Питомнике появилось много львов и их стало трудно содержать. Он намекнул, что теперь самое время попытаться снова забрать Угаса, тем более что никто не решается к нему подходить — таким он стал опасным. Несомненно, наш добряк Угас стал таким только из-за условий, в которые его поместили, да и кто из нас не вышел бы из себя в подобной обстановке? Как только я вернулась в Меру, мы с Джорджем стали добиваться разрешения выпустить Угаса на волю, и вскоре оно было получено.

Пока меня не было, Пиппой занимались мой помощник и Локаль. Они с гордостью сообщили мне, что Пиппа отличилась — показала шакалу, кто тут хозяин. Увидев, что он подбирается к ее мясу, она кинулась на него, он спрятался за машину, но она выгнала его оттуда, подбросила в воздух и заставила удирать во все лопатки — хотя ей ничего не стоило прикончить его. К сожалению, все это произошло слишком быстро, и они не успели ничего сфотографировать.

В начале июля мой помощник вынужден был оставить нас, чтобы приступить к работе, которую ему уже давно предлагали. Я была огорчена его отъездом,

но, пока Локаль охранял нас от всяких опасностей, помощник мне был не особенно нужен. В общем наши дни протекали мирно. В роцце, где жила Пиппа, мы слушали крики суетливых ткачиков, которые, очевидно, решив, что под нашей защитой можно жить, стали строить гнезда на соседних деревьях. Мы слышали визгливый лай зебр, следили за буйволами и слонами, которые забирались в болото по самое брюхо и спугивали стайки цапель, затаившихся в тростниках. В это время года у жирафов появляются малыши — восхитительные существа с непропорционально огромными плечами и коленями, короткими шейками и слишком большими головами, увенчанными пока только двумя мохнатыми шишечками, на месте которых потом появятся короткие, похожие на пеньки рожки.

Джозеф часто присоединялся к нам, и мне была очень по душе та жизнерадостная уверенность, с которой он разрешал все вопросы. Но он вскоре должен был уехать на двухгодичные курсы инспекторов по охране животных в Мвека-колледже в Танзании и дожидался только возвращения директора.

С недавних пор у Пиппы появилась кровоточащая опухоль возле одного из коренных зубов и стали шелушиться подушечки на лапах. Быть может, я кормлю ее неподходящей пищей? Если гепардам действительно необходимы перья, хрящи и другая грубая пища, то Пиппе этого явно недоставало, потому что Джордж обычно приносил ей мясо, а когда мы стреляли для нее птиц, она не притрагивалась к перьям и потрохам, предпочитая жир у основания перьев. Вообще она не знала, как обращаться с птицами, которых мы для нее добывали, и нам самим приходилось потрошить их для нее. Поэтому я просто увеличила дозу витаминов в ее молоке, надеясь, что это поможет ей быстро поправиться.

Но тут она снова исчезла на два дня, и мы нашли ее, очень похудевшую, возле Скалы Леопарда. На этот раз она впервые ушла от болота, где поселилась тридцать восемь дней назад. Я никак не могла понять, почему она отправилась путешествовать, но все объяснил свежий след самца гепарда, обнаруженный возле Скалы Леопарда.

Тем временем вернулся директор. Он посоветовал нам купить новый лендровер для заповедника на деньги, полученные за книгу об Эльсе. Для этого нам пришлось вылететь в Найроби, и я воспользовалась случаем, чтобы посоветоваться с ветеринаром. От болезни десен он прописал Пиппе таблетки ледеркина, на подушечки лап — мазь терракортрил, а чтобы она не слизывала лекарство, следовало взять в аптеке особый аэрозоль, который мгновенно высыхает. Когда мы вернулись, мне понадобилась вся моя хитрость, чтобы Пиппа разрешила обрызгивать подушечки лап ледяной жидкостью. Она сразу невзлюбила эту процедуру и старалась перехитрить меня, пряча лапы под брюхо или бросаясь в сторону, как только я появлялась с ненавистным лекарством. Когда эти хитрости не помогали, она вышибала пузырек у меня из рук и закапывала его в пыль. Но все же мне удалось продолжать лечение, и вскоре Пиппа совсем поправилась.

Я смотрела, как она гоняет конгоны и страусов, и думала, что она многому научилась с тех пор, как играла в прятки среди розовых кустов с детьми Данки. Теперь ей ничего не стоило цапнуть за ногу слона. Из всех живых существ ей внушали почтение только крокодилы — она так осторожно прыгала через реку, что было ясно, что она трусит. Она изводила меня, когда я хотела сфотографировать ее прыжок через речку, — принюхивалась и медлила до тех пор, пока я, потеряв терпение, не отворачивалась; тут-то она и

прыгала. Если мне хотелось снять, как она балансирует среди тонких веток пальмы дум, она усаживалась с безразличным видом, словно не замечая, что я уже навела на нее камеру; но как только, отчаявшись, я сдавалась, она принималась совершать головокружительные воздушные номера, да еще между делом шлепала меня по ногам, чтобы я осознала, как ловко меня одурачили.

Следующая отлучка продолжалась восемь дней. Когда мы ее искали, нам попало столько львиных следов возле рощи, а в самой роще столько поваленных слонами деревьев, что я уже стала опасаться, не перебралась ли Пиппа в более спокойное место. Вернулась она с равнины за болотом в отличном состоянии, хотя и голодная.

Слоны в последнее время повадились на кукурузные поля у подножия гряды Джомбени и нанесли фермерам такой урон, что те потребовали перестрелять их. Чтобы избежать этого, директор решил прогнать «мародеров» в заповедник, посыпая на них с самолета кукурузную муку, пропитанную «человечьим духом». В проведении этого хитроумного эксперимента он предложил участвовать и мне. Прежде чем поднять в воздух свой двухместный самолетик, он выдал мне несколько бумажных мешочков, наполненных толченой кукурузой, в которую были прибавлены лоскутки ношеной одежды африканцев. Пролетев над владениями Пиппы, мы оставили позади широкие болота, где было полно животных, и полетели к холмам. Там мы заметили несколько стад слонов; услышав треск самолета, который пронесся у них над головами, гиганты в панике бросились сквозь заросли. Быстро кружа над бегущими великанами, директору удалось направить их в сторону заповедника, а потом он прибавил им прыти, посыпав сверху «пахучей» кукурузой.

Вечером директор приехал к ужину, чтобы обсудить свои проекты по благоустройству заповедника, которые он хотел осуществить на средства из Фонда Эльсы. Лагерь освещался яркой лампой, и директор предложил мне устроить заслон из пальмовой циновки, чтобы скрыть свет. Когда я без особого энтузиазма велела поставить заслон, мне стало понятно, как действуют стены на настроение заключенных. Я так привыкла к открытым пространствам, что предпочитала проводить вечера с другой стороны заслона, в темноте — здесь я себя чувствовала частью окружающего мира, а там я была просто в освещенной клетке.

Пиппа оставалась возле рожи только четыре дня и снова пропала. Через два дня наша поисковая партия встретила ее на полпути между болотом и лагерем, но она опять ушла на три дня, а потом, 9 августа, окончательно исчезла.

К сожалению, именно на утро этого дня я назначила отлет в Найроби, к доктору, потому что меня мучили боли в почках. Отложить полет было невозможно, и я оставила Пиппу на попечение Локаля. В Найроби я зашла в Питомник для диких животных, чтобы узнать, когда можно забрать Угаса. Заодно я попыталась выяснить у специалистов по гепардам, почему Пиппа, которая так счастливо прожила три месяца сама по себе, внезапно вернулась к цивилизации. Мне сказали, что молодые гепарды обычно до двух лет не расстаются с матерью, которая учит их убивать добычу. Я усомнилась в этой теории — Пиппа казалась такой независимой — и рассказала знатокам, что она уже проявила интерес к самцу. По их мнению, это было весьма преждевременно, потому что период спаривания у самок гепарда, как правило, наступает только в возрасте двух с половиной лет.

То, что Пиппа до сих пор не убивала добычу, доктор объяснил, сравнивая ее с недоношенным ребенком.

Дело в том, что функция сосания у ребенка требует координированного действия пятидесяти шести мышц, а они развиваются только на седьмом месяце беременности, и, следовательно, младенец, рожденный до этого срока, сосать не способен. Должно быть, так же обстояло дело с Пиппой, когда ей давали цесарку: ее охотничьи инстинкты еще не проснулись. Но никто так и не сумел до конца объяснить мне ее поведение: три месяца провести на свободе в том возрасте, когда положено «сидеть у маминой юбки», а потом вернуться обратно. Но раз уж она нарушила «правила поведения» гепардов, я решила представить ей самой выбирать тот образ жизни, который ей нравится. При таких условиях ей будет хорошо, а я узнаю много нового о жизни гепарда на свободе.

Все три дня, пока я отсутствовала, Пиппа провела в лагере, но утром накануне моего приезда исчезла. На следующий день она объявилась возле Скалы Леопарда и я заманила ее в нашу машину, показав ей кролика. Мне его дали специалисты в Питомнике как особое лакомство для гепарда. Да, это действительно было лакомство! В косточках тушки находились необходимые ингредиенты, которые дает природная пища. Их не хватало в рационе Пиппы с тех пор, как директор запретил мне стрелять цесарок и я кормила ее только мясом. Пиппа съела кролика до последней шерстинки, а потом стала легонько трогать лапами мои ноги — так она всегда звала меня на прогулку. Теперь я знала, что ее охотничьи инстинкты еще дремлют, и спокойно наблюдала, как она катается в пыли, когда к ней подходит стадо газелей Гранта. Вожак плясал, приближаясь шаг за шагом, потряхивал великолепной головой и вызывающе фыркал, но она не обращала на него внимания, пока он чуть ли не наступил на нее. Тогда она села, и для газелей этого было достаточно —

их как ветром сдуло. А Пиппа даже не подумала за ними гнаться и опять весело купалась в пыли.

В это время Джордж с увлечением следил за своими двумя львами. Гэрл в первый раз убила добычу — газель Томсона — в возрасте семнадцати месяцев, как раз в то время, когда у львов просыпается охотничий инстинкт. Теперь, после пяти месяцев на свободе, она за одиннадцать дней добыла павиана, канну и зебру, и Джордж видел, что она проделала это мастерски. Интересно, что Бой не пытался присоединиться к сестре на охоте и всегда оставался дома, хотя звать его к убитой добыче не приходилось — он первый набрасывался на еду. Поведение львов подтверждало наши наблюдения над детьми Эльсы, в том числе и тот факт, что львицы меняют зубы около года, а у львов постоянные зубы вырастают на два-три месяца позже. По-видимому, львицы развиваются раньше, чем львы.

За эти дни в наш лагерь не раз приезжали гости, но Пиппа не обращала на них внимания или попросту уходила. Она признавала только Локаля и меня; но если раньше она была с нами очень ласкова, то теперь иногда проявляла агрессивность, грызла пол моей палатки и покусывала меня за ноги. Ясно, что она была раздражена и искала, на ком сорвать злость. После наступления темноты она всегда уходила из лагеря. Я вполне понимала, почему ей не хочется оставаться в лагере на ночь: последнее время Торопливый Лев повадился бродить вокруг. Однажды ночью он разгуливал между нашими палатками больше часа и пыхтел так громко, что мне показалось, что он вот-вот вломится ко мне. Наконец какие-то львы ответили на его призывы и отвлекли его от нас.

20 октября в полночь меня разбудил звук машины: в ней сидел Джордж с Угасом. Оба измотались после девятичасовой дороги, и пока мы праздновали прибытие Угаса за чашкой кофе, чтобы согреть

Джорджа, он сказал мне, что Угаса отпустили только на три дня. Это испытательный срок, и, если за это время он проявит свой «опасный» характер, его сошлют в зоопарк в Уи пснейд. Поведав мне эти новости, Джордж перешел с кофе на виски и, подмигнув мне, заявил, что Угас остался таким же добродушным существом, каким мы его знали, и ему эта опасность не грозит. И действительно, он уже терся о решетку, чтобы лизнуть мне руку, хотя долгая тряская дорога вполне могла испортить ему настроение. Позднее оба они уехали в лагерь Джорджа.

Примерно в это же время директор Управления национальных парков, Мервин Кови, прилетел посмотреть заповедник. Нам всем очень хотелось, чтобы заповедник был передан в ведение Управления национальных парков. Этот день омрачила гибель жирафа: рано утром нам сообщили, что животное увязло в болоте, но, когда мы подоспели с веревками, блоками и лебедкой, было уже поздно. Я очень люблю сетчатых жирафов, и, когда я увидела, что животное лежит на боку с мордой, погруженной в воду, мне показалось, будто умер мой близкий друг.

Наступила жара, которая особенно чувствовалась в лагере, защищенном от ветра. Из-за этого у меня снова разболелись почки. Я так отекала, что стала похожа на рекламу автомобильных шин. И Пиппа тоже чувствовала себя здесь неважно. Мы поговорили с директором парка, и он предложил нам перебраться в Кенмер-Лодж, где в одном из домиков жить будет гораздо удобней. Для Пиппы это тоже будет лучше, потому что почти все гепарды заповедника живут как раз в той местности и она сможет найти новых друзей. Наконец, он выразил надежду, что я помогу привести в порядок жилой дом, который сильно обветшал после отъезда управляющего.

Кенмер был построен для леди Кенмер как частная резиденция, за которой следил управляющий. Это было прелестное место, где деревянные хижины располагались вокруг главного дома, в котором была просторная столовая с гостиной и большая веранда. Отсюда гости могли смотреть на Ройоверу, одну из пяти крупных рек заповедника, которая протекала внизу среди живописных скал. В ее глубоких заводях было полно рыбы и крокодилов. Перед домом был устроен плавательный бассейн, окруженный тщательно подстриженным газоном и яркими цветочными клумбами. Группа акаций защищала бассейн от солнца. Недавно это имение поступило в продажу и было куплено на деньги, собранные в Америке моей приятельницей Алоизой Бокер, с тем чтобы передать их правлению заповедника Меру. Пока решалась судьба заповедника, имение служило охотничьим домом, где посетители получали все, кроме питания. За рекой была посадочная площадка, связанная с имением асфальтированной дорожкой, которая вела к одной из главных дорог парка, — сам Кенмер расположен в тупике.

Мы укладывали вещи, предвкушая более комфортабельную жизнь в доме, до которого было всего лишь одиннадцать миль. В этот последний вечер в лагере я сидела и смотрела на Пиппу при свете луны. Она казалась такой счастливой, и как чудесно она приспособилась к новой вольной жизни! А меня теперь начинало грызть беспокойство — мне предстояло взять ее в гостиницу, где она неминуемо превратится в приманку для туристов, и все, что она до сих пор приобрела, может быть потеряно. На следующее утро я уговорила директора разрешить нам разбить лагерь в двух милях от гостиницы. Вскоре мы отыскали идеальное место для лагеря возле маленькой речушки Васоронги. В этом месте через нее как мост было

перекинуто поваленное дерево, и можно было легко перебраться на равнину за рекой. Несколько больших деревьев давали густую тень. В какой-нибудь сотне ярдов выше по течению в Васоронги впадает Мулика, но теперь, в жаркий сезон, она высохла, так и не добравшись сюда от болота Пиппы. Многочисленные следы на песчаном берегу и среди прибрежной растительности показывали, что это место служит для отдыха многим животным. Через две мили Васоронги впадает в Ройоверу, которая ограничивает равнину, расположенную за рекой.

Единственным недостатком этого прекрасного во всех отношениях места была близость дороги, связывающей Скалу Леопарда с Кенмером; она проходила всего в трехстах ярдах от нас, но я надеялась, что нам удастся обеспечить себе относительный покой, если мы поставим все палатки «спиной» к дороге. Позднее я с той же целью водрузила два щита с надписями: «Экспериментальный лагерь — вход воспрещен». Наши палатки размещались под сенью двух величественных тамариндов; но их отполированные стволы, к сожалению, говорили нам, что не мы первые освоили это место. Пиппа влезала на деревья и наблюдала с высоты, как мы строим для нее небольшой вольер возле моей палатки, чтобы он служил ей убежищем по ночам, пока она не привыкнет к новой обстановке. Когда все было готово, она спустилась вниз, перебралась по упавшему стволу через Васоронги и исчезла на равнине. Мы пошли за ней и увидели, что она лежит на высокой ветке акации, опустив голову на передние лапы, и наблюдает за несколькими конгони. Солнце уже садилось, и я поторопилась поместить ее в вольер. Мне удалось заманить ее внутрь, но она в мгновение ока взобралась по сетке и очутилась на свободе. На ночь она устроилась возле моей кровати, но на рассвете исчезла. Мы пошли по следу и нашли ее на

термитнике возле Кенмер-Лоджа — она наблюдала за козами, которых мы привезли с собой в качестве аварийного запаса мяса. Их пасла старшая жена Локаля.

Мне удалось отвлечь Пиппу: окликнув ее, я быстро пошла по звериной тропе, густо испещренной следами разных животных, Пиппу очень заинтересовали запахи, и, принюхиваясь, она медленно шла за мной до самого водопоя. Перед речкой мы пересекли выход известняка, спускавшийся небольшим обрывчиком к воде. Пиппа обследовала это место и, грациозно прыгая с островка на островок, добралась до зарослей камыша. Она чувствовала себя в своей стихии. Потом она бросилась на землю рядом со мной и громко замурлыкала. Нельзя было не разделять ее чудесного настроения.

Некоторое время мы просидели в тишине, а потом появился молотоглав. Совершенно неподвижно, склонив свою похожую на молоток головку, он смотрел в воду, молниеносно выхватывал оттуда мелкую рыбешку, легко переступал через камни и повторял эту процедуру. Тем временем появилась цапля голиаф и тоже принялась рыбачить. Потешный молотоглав был самым маленьким из местных аистов, зато голиаф, элегантный, в голубовато-сером наряде, был самой красивой и крупной из обитающих здесь цапель. Рябки стайкой сели у воды и долго пили; к ним присоединились голуби, которые быстро искупались в песке, прежде чем напиться. Пиппа наблюдала за всеми, полузакрыв глаза. Она слишком удобно устроилась, чтобы заниматься охотой.

Почему-то считается, что только человек способен отдавать себе отчет в собственных чувствах — да, в этот момент я действительно с особой остротой ощущала счастье и покой в душе; но откуда мы знаем, что животные не осознают своих переживаний? Почему не допустить, что и Пиппа знала, как ей сейчас хорошо?

Потом мы пошли вниз по течению к Ройоверу. Эту чудесную реку я полюбила еще с тех пор, как мы жили на ее берегу с Эльсой. Она берет начало в холмах Джомбени, как и большинство рек заповедника Меру, и протекает по самым живописным местам, спускаясь с лесистых склонов на равнину. Есть на ней водопады и узкие стремнины; вот она медленно течет по песчаному руслу, а за поворотом уже спешит по перекаату. Завесы из лиан и ползучих растений, темно-красные стволы пальм рафий, склоняющих листья над заводами, где прячутся крокодилы, густая листва фиговых деревьев, оттеняющая кружевную сетку акаций, под которыми слоны скрываются от полуденного зноя, — все это можно увидеть на ее берегах. Как часто на склоне дня мы с Эльсой следили за стадом буйволов у водопоя или за осторожными маневрами малых куду и бушбоков — они всегда остерегались львов, которых привлекало наше появление.

Через густой колючий кустарник можно было ходить только по звериным тропам, и мы пошли по одной из них, пока не добрались до устья нашей речки. Здесь река ныряет в известняковый туннель, а потом впадает в одну из глубоких заводей Ройоверу. Я заметила много следов и помет бегемотов среди пальмового подростка и сообразила, почему Пиппа волнуется и идет сзади меня. Бесконечный шелест листьев пальмы дум у нас над головами, прерываемый то резким криком птицы-носорога, то робким голосом зеленой мартышки, заставлял ее нервничать еще больше. Наконец, когда на песке мне попался след питона в руку толщиной, я решила уйти подальше, от реки и вернулась на равнину, где Пиппа сразу успокоилась.

Мы пришли домой как раз вовремя: директор, кружа над лагерем на своем самолетике, сбросил какой-то сверток, который застрял в верхних ветвях тамаринда. Локаль не без труда вскарабкался на дерево, но Пиппа

в несколько прыжков обогнала его и, казалось, посмеивалась, наблюдая за его неуклюжими попытками высвободить сверток из листвы.

На этом наши развлечения еще не кончились: мы опять пошли с Пиппой на прогулку и наткнулись на свежий след гепарда. Отпечатки были гораздо крупнее, чем у Пиппы, — ясно, что это был след самца. Пиппа принюхивалась к нему с большим интересом. Когда стемнело, мы заторопились домой, но чуть не столкнулись с восемью слонами, которые шли в ту же сторону, что и мы, и преградили нам дорогу. Чтобы они не успели окончательно отрезать нам путь в лагерь, ничего не оставалось, как обогнать их и перейти реку раньше. Пиппе этот бег наперегонки ужасно понравился, и она носилась от нас к слонам и обратно. Только добравшись до лагеря, мы почувствовали себя в полной безопасности.

Когда взошла луна и все близкие кусты стали серебристо-серыми, Пиппа уселась, прижавшись ко мне, положила голову мне на колени и замурлыкала. Я снова подумала, как немного нужно для счастья — ощущать рядом существо, которое разделяет твои чувства. Как необходимо мне стало общество Пиппы, я поняла только, когда она вскочила и скрылась в темноте, оставив меня в необъятной африканской ночи наедине с моими мыслями. Должно быть, она отправилась по следу гепарда, который мы нашли сегодня вечером.

Я увидела ее снова только рано утром — она гналась по равнине за водяным козлом. Наверно, она проголодалась — ведь запас мяса у нас кончился уже два дня назад, — и я обрадовалась, когда Джордж привез к вечеру небольшую козу. Чтобы Пиппа научилась разделывать добычу, мы отдали ей тушу целиком. Ей впервые предстояло самой распотрошить дичь. Она начала с задней части, затем погрызла ребра — свой любимый кусок — и наконец закусила печенкой.

Потом она устроилась поблизости и приготовилась защищать добычу ночью, но я быстро подтащила тушу к своей палатке, чтобы к нам не лезли ни львы, ни гиены.

Я недавно достала холодильник, работавший на керосине. Без него нельзя было обойтись, потому что мясо портилось в этом жарком климате уже на второй день, а выбрасывать его было слишком накладно. На следующее утро я положила остатки мяса в холодильник и попробовала уговорить Пиппу прогуляться, но она перешла к маленькой хижине, где помещался холодильник, и продолжала нести свою вахту. Потом ей это надоело, и она разыскала старый футбольный мяч — игрушку, которая сохранилась еще с киносъемок в Наро Мору. Он где-то заваялся и сильно спустил воздух, но это как раз очень понравилось Пиппе — теперь его можно было держать в зубах.

Пиппа гордо носила мяч в пасти и явно предлагала поиграть. Пришлось нам с Локалем и поваром перебрасываться мячом, а Пиппа без устали гонялась за ним, пока он наконец не скатился в реку. Она рванулась вслед, но мочить лапы ей не хотелось; она дождалась, чтобы течением подогнало мяч поближе к берегу, и схватила его зубами. С победоносным видом она принесла мяч и положила у моих ног, прося поиграть с ней еще. К моему удивлению, Пиппа принесла поноску, как отлично вышколенная легавая, и мне захотелось проверить, сможет ли она повторить этот номер. Я снова бросила мяч в воду. Она тотчас же бросилась за ним. На этот раз она аккуратно подогнала его лапами к тому месту, где его удобно было взять, а потом побежала и снова положила его к моим ногам. Эта игра на несколько недель стала ее любимым развлечением. В дождливые утра Пиппа не раз притаскивала мокрый мяч и роняла его ко мне на постель — так ей хотелось, чтобы я встала и поиграла с ней. Вскоре она изобрела новый способ извлекать мяч из воды без особых хлопот.

Нужно было только дождаться, пока его принесет течением к низеньким мосткам, которые мы построили напротив кухни, а там уж достать его было легче легкого. Иногда Пиппа так дрожала от возбуждения, что мячик, зажатый у нее в зубах, тоже ходил ходуном.

Поразительно, что Пиппа, по классификации «причисленная» к кошкам, проявляла сильный инстинкт подавать вещи, который больше роднил ее с собаками. Когда я рассказала об этом одному другу в США, он ответил, что мое удивление вполне оправданно: ведь именно эту способность приносить брошенные предметы считают одним из двух основных качеств у тех щенков, которых Ассоциация помощи слепым готовит в поводыри, потому что это признак готовности собаки служить человеку. Он добавил, что, возможно, именно по этой причине гепард — единственная из диких кошек, которую можно превратить в домашнее животное.

Несмотря на то что Пиппа страстно полюбила игру с мячом, она стала проводить все больше времени вне лагеря. Сначала она уходила только днем, но потом стала исчезать и ночью. Я знала, что она держится поблизости, но все-таки волновалась, потому что ела она очень мало и казалась беспокойной. Однажды она даже проявила агрессивность — стала трепать полотнище моей палатки и свирепо зарычала, когда я подошла. Я отвлекла ее и выманила на прогулку. Когда стемнело, она незаметно отстала и не возвращалась до утра.

Я сговорила с Джорджем встретиться на следующее утро на полпути к лагерю Эльсы. По дороге я проезжала Кенмер-Лодж и заехала посмотреть на наше маленькое стадо коз. Как только я остановила машину, откуда ни возьмись появилась Пиппа, увидела пасущихся коз и напала на них как гром среди ясного неба. Мы побежали и с криками стали собирать

блеющих коз. Наконец нам удалось загнать их и запереть в загоне. Тем временем Пиппа носилась за курами наших егерей. А те, вместо того чтобы спасти обезумевших птиц, посмеивались, стоя в стороне, и, видимо, подсчитывали, сколько можно будет содрать с нас за каждую убитую птицу. Но Пиппа никого не собиралась убивать: ей просто хотелось поиграть, и, несмотря на то что я четыре дня не кормила ее, она только ненадолго придержала лапами орущего цыпленка, а потом отпустила его целого и невредимого, а сама стала игриво кататься по песку. Я попыталась заманить ее в машину, но она вскочила на крышу и, стараясь удержать равновесие, поехала стоя; не доезжая до лагеря, она спрыгнула на ходу и скрылась.

Все это сильно задержало меня — а Джордж уже ждал в зарослях, — поэтому я поехала дальше, попросив Локаля принести немного мяса из лагеря и подманить Пиппу. Мы с Джорджем часто приезжали в лагерь Эльсы после ее смерти. И у меня иногда появлялось странное ощущение: казалось, что Эльса здесь, рядом, и как бы я ни была расстроена, вскоре меня охватывало чувство такого умиротворения, что все снова становилось на место. Джордж был встревожен — у бедняги Угаса несколько дней назад воспалился глаз. Пока мы говорили о болезни Угаса, в кустарнике неподалеку раздался подозрительный шорох. Мы пошли на звук и чуть было не застали врасплох прайд из шести львов. Свежие следы и примятая трава говорили о том, что львы поспешно ретировались при нашем приближении. Потом мы прошли вдоль берега и видели, как ибисы хадада кормят двух птенцов в гнезде на дереве. Эти красивые птицы встречаются здесь довольно часто, но у гнезда мы наблюдали их впервые.

Я вернулась в лагерь к чаю одновременно с Пиппой. Она покивала головой, приглашая меня на прогулку. Пока мы гуляли, она часто прислушивалась к звукам,

которые доносились из зарослей, но ни разу не пошла посмотреть, что там такое. Все объяснилось, когда мы вернулись в лагерь и Локаль сказал мне, что видел поблизости льва. Я хорошо знала, как Пиппа боится львов, и удивилась, когда она опять ушла на ночь. Но это был хороший знак — Пиппа сделала еще один шаг к вольной жизни: предпочла сама избегать врага, как и полагается дикому гепарду, а не рассчитывать на мою помощь. Еще три дня она приходила очень ненадолго, чтобы поесть, но при этом ни разу не пропустила свою любимую игру в мяч. Мне стало жаль бедную Пиппу: у нее было так мало радостей в жизни по сравнению с дикими гепардами, она всегда была одинока — разве мы могли заменить ей родную семью?

Глава 6

Я попадаю в беду

23 сентября я получила записку от Джорджа: он сообщал, что глаз Угаса совсем разболелся, а температура поднялась до 40 градусов, и просил меня передать мазки крови ветеринару в Найроби, потому что ему не хотелось оставлять Угаса. Тем временем он сам сделает льву несколько инъекций беренила на случай, если это заражение от укуса мухи цеце. Я тут же отправилась в путь, оставив Пиппу на попечение Локаля. Ветеринар не нашел трипаносом, но обнаружил большое количество лейкоцитов, что указывало на воспалительный процесс, и прописал пенициллин. Я передала его совет Джорджу по радио, так как знала, что в его аптечке пенициллин есть.

Когда я вернулась через пять дней, меня встретил пустой лагерь: все, кроме повара, отправились искать Пиппу возле Кенмера. Я тоже включилась в поиски, звала ее несколько раз, и она скоро появилась, здоровая, но очень худая. Локаль сказал, что во время моего отсутствия она почти все время бродила на свободе с другим гепардом. Мы пошли по ее следу и дошли до равнины Гамбо, где Локаль видел ее в обществе самца. Здесь он нашел другой парный след и понял, что возле Кенмера есть еще одна пара гепардов, к которой Пиппа пыталась примкнуть. За все это время она только дважды поела в лагере.

Ничего удивительного, что Пиппа похудела после таких эскапад. Мне не пришлось долго уговаривать ее влезть в машину и вернуться в лагерь — мясная приманка сделала свое дело. В лагере она съела невероятное количество мяса, а потом прилегла рядом

со мной и громко замурлыкала: казалось, она очень рада, что я вернулась домой. Но это не помешало ей снова удрать, как только стемнело. Ночью она приходила два раза и терлась головой о мое изголовье сквозь противомоскитную сетку.

На следующую ночь я заметила какое-то похожее на нее животное на поваленном дереве; оно исчезло, как только я посветила фонарем. Наутро я нашла там след гепарда — но если это была Пиппа, то зачем ей было удирать от знакомого фонарика и от меня? Мы часа два понапрасну искали еще какие-нибудь следы, а вернувшись в лагерь, застали там очень голодную Пиппу. Кроме того, нас ждал помощник Джорджа с плохими вестями — глаз Угаса воспалился еще больше. Я посоветовала ему немедленно ехать в Меру и оттуда вызвать по телефону ветеринара из Найроби, чтобы он срочно вылетел в лагерь Джорджа и в случае необходимости сделал операцию.

Помощник отправился в Меру, а я поехала к Джорджу. Бедный наш Угас — глаз у него совсем побелел и, видимо, причинял ему сильную боль, но зато я была рада узнать, что температура упала. Хотя в мазках и не нашли трипаносом, Угас, безусловно, переболел трипаносомозом, и Джордж вылечил его инъекциями беренила. Вскоре прибыл ветеринар, он посоветовал продолжить курс пенициллиновых инъекций с добавлением кортизона, чтобы удалить белую пленку, закрывавшую глаз. Но он предупредил, что это сильное лекарство может сделать Угаса раздражительным — таково побочное действие кортизона.

Я знала, как Пиппа постоянна в своих привычках, и заторопилась домой, чтобы взять ее на вечернюю прогулку. Хотя она перед моим приездом наелась до отвала и едва могла двигаться, она все же пошла за мной. Вскоре ее заинтересовало что-то в зарослях, и она

несколько раз внимательно прислушивалась, глядя все время в одну сторону. Как только стемнело, она исчезла. Она всегда тщательно скрывала свои намерения и никогда не уходила из лагеря, если кто-нибудь мог ее видеть. Позже мимо нас проезжал помощник Джорджа — он возвращался из Меру и видел следы двух гепардов милях в двух от лагеря. Было ясно, что Пиппа наконец нашла товарища получше нас; каково же было мое удивление, когда она появилась на следующий день, чтобы поиграть в мяч. После игры мы пошли на прогулку и встретили выдру. Я впервые видела это животное на свободе и волновалась гораздо больше, чем Пиппа, следя, как выдра скользит в камышах вдоль берега и ее блестящий мех переливается на солнце. Потом заволновалась и Пиппа, обнаружив на дороге свежий след гепарда, который отпечатался поверх колеи грузовика, проехавшего всего полчаса назад. Она возбужденно принялась к следу, но вернулась со мной домой и плотно пообедала, перед тем как скрыться в направлении Кенмера. Еще три дня она исчезала с наступлением темноты, а потом пропала на двое суток. Все ее следы вели к Кенмеру, и один из егерей видел ее там однажды вечером. Мы отправились на место, которое он нам указал, и по дороге встретили трех гепардов, которые сразу же убежали. Вскоре с другой стороны появилась Пиппа. Мы показали ей следы гепардов, но они не произвели на нее никакого впечатления. Она вернулась с нами в лагерь, наскоро поела и опять ушла. Стояла прекрасная лунная ночь, и я почувствовала себя очень одинокой.

Но это вовсе не значило, что мне было нечего делать. Совсем наоборот. Часы, которые я проводила с Пиппой, были для меня отдыхом от возни с бумагами — моя переписка возрастала; мне приходилось писать письма в Найроби к членам Комитета Эльсы и в Фонд Эльсы, находившийся в Лондоне, а также письма

правительству Кении и Департаменту по охране диких животных. Мы старались помочь осуществлению различных планов по охране диких животных, но первоочередным делом был для нас заповедник Меру.

Однажды я давала распоряжение относительно наших коз жене Локаля. Вдруг подъехало несколько грузовиков с полицией, и один лендровер остановился возле моего лагеря — у них был приказ арестовать меня! Мое удивление не поддается описанию — совесть у меня была совершенно чиста, никакого преступления я за собой не знала. Но мне сообщили, что я дважды нарушила закон: во-первых, уклонилась от уплаты штрафа, когда меня задержали без прав на вождение автомашины; во-вторых, не явилась в суд, невзирая на повторные вызовы. Я объяснила, что полгода назад, когда мои права были признаны недействительными, я в присутствии дежурного офицера наньюкской полиции написала письмо своему официальному поверенному в Найроби с просьбой уладить дело, и добавила, что никогда не получала никакого вызова в суд. Я не хотела бросать лагерь, но мне дали понять, что меня насильно посадят в машину, если я добровольно не поеду в полицейское управление в Меру. Они обещали доставить меня обратно в тот же вечер.

Так, не успев ни поесть, ни переодеться, я втиснулась в полицейский лендровер, и меня увезли. Проехав тридцать миль, мы оказались у поворота к Мауа, деревушке, где квартировали полисмены. Она была в трех милях от дороги в Меру; к моему удивлению, они направились в Мауа. Я спросила, почему мы не едем в Меру, и мне ответили, что нужно сначала забрать кое-что на этом посту. Но как только мы приехали туда, лендровер сменили на допотопный грузовик. Мне объяснили, что, если я не хочу ехать на этой развалине, остается только одно — прогуляться пешочком пятьдесят миль до Меру.

Я сказала, что у меня нет шляпы и мне станет плохо, если я несколько часов проведу в кузове под палящим солнцем. Тогда мне разрешили сесть в кабину между шофером и конвоиром. Мы выехали, но вскоре остановились, и в перегруженный грузовик набились еще пассажиры.

Такие остановки оказались частыми, но мне это было на руку. Я знала, что помощник Джорджа поехал за покупками в Меру и должен был как раз сегодня вернуться. На очередной «остановке по требованию» я, наконец, заметила его машину и помахала ему. А он, увидев, что я путешествую в довольно необычных условиях, сообразил, что что-то случилось, повернул машину и поехал за нами в Меру. Там он остановился перед полицейским управлением. Я попросила разрешения выйти и размяться, но мне было приказано оставаться в кабине, так как предстояло проехать еще пятьдесят миль до Наньюки, где я буду заключена в тюрьму до слушания моего дела.

Я была ошеломлена. Недолго думая, я попросилась выйти «на минуточку». В этом мне отказать не смогли, хотя по пятам за мной следовал конвоир. Как только мы очутились в здании управления, я пошла прямо в кабинет инспектора, которого хорошо знала. Я объяснила ему, в какое положение попала, и он, извинившись, посоветовал мне оставить расписку на 500 шиллингов в его распоряжение, пока мне не сообщат официально, когда я должна явиться в суд в Наньюки. А пока он разрешил мне вернуться домой. Но перед этим я позвонила в Найроби, чтобы найти адвоката для защиты.

Наконец я и помощник Джорджа поехали домой. Но сначала у нас забарахлил мотор, потом погасли фары, а тут еще внезапный дождь сделал дорогу ужасно скользкой. В таких условиях нельзя было спускаться по крутому склону к заповеднику Меру, и мы поехали в

Мауа, надеясь найти ночлег в миссии методистов, где у меня был знакомый доктор. Мы подъехали к его дому поздно вечером, и я очень удивилась, услышав веселый шум, доносившийся из этого обычно тихого дома; очевидно, там шла вечеринка. Оказалось, что мой друг уехал, а его преемник не только руководил больницей, но еще и учил музыке африканский персонал. Шумная вечеринка на самом деле была просто уроком. Местные барабаны, самодельные флейты, ксилофоны, импортные гитары и губные гармоники сопровождали пение: голоса были прекрасные, и этот веселый урок становился все шумнее. Хотя дом был набит битком, доктор и слышать не хотел, что мы переночуем в другом месте, и чуть ли не насильно поместил меня в своей комнате, а сам перебрался на кухню.

Наутро, как только сквозь пелену морозящего дождя стало видно дорогу, мы выехали и к завтраку уже были дома. Я успокоилась, увидев, что в лагере все по-прежнему, а Пиппа встретила меня очень ласково. Я привезла для нее семь фунтов мяса из Меру; она проглотила их, как будто это была просто закуска.

Пиппа в эту ночь опять где-то гуляла; вместо нее мне составил компанию слон, который долго кормился в зарослях за рекой. Я и кричала на него, и пыталась напугать его вспышками фонаря, но это ему нисколько не помешало, и он продолжал спокойно обрывать листья с куста. Должно быть, это было какое-то особо лакомое растение, потому что слон из всего заповедника выбрал именно это место и приходил туда несколько ночей подряд, не давая мне уснуть.

Наконец меня известили, что мое дело будет слушаться 18 августа. Джордж сопровождал меня — для моральной поддержки. Потеряв целый день на плохих дорогах, мы проехали 180 миль до Наньюки и обедали с адвокатом, который должен был меня защищать. Он посоветовал мне признать свою вину —

действительно, по какой-то ошибке мои права не были оплачены с мая месяца. Он уверял, что никакого другого нарушения я не совершала и опасаться мне нечего.

В день суда зал был битком набит — для местных жителей это интересное и бесплатное развлечение. Когда появился судья, я почувствовала, что мое дело плохо. Он предъявил мне два обвинения: первое — вождение машины без надлежащих прав (в этом я признала себя виновной), второе — неуважение к суду, которое я проявила, написав письмо с отказом явиться в суд (в этом я себя виновной не признала). Мой защитник извинился за это письмо от моего имени и объяснил, что оно было написано директором заповедника, который, будучи сам почетным офицером полиции, ответил вместо меня на повестку, полученную в августе. Стиль этого письма не понравился прокурору, который и так уже был настроен не в нашу пользу; его отношение ко мне не улучшилось, когда мой защитник заметил, что мне вместо минимального законного срока — десять дней — дали только девять дней, чтобы явиться в суд, и поэтому второе обвинение несостоятельно.

На минуту воцарилась тишина. Я в первый раз в жизни попала в суд, не говоря уже о скамье подсудимых. Как зачарованная слушала я горячие дебаты, в которых участвовали судья — индеец, прокурор — африканец и адвокат — ирландец, защищавший меня — уроженку Австрии. Спор разгорелся о правильном толковании слов «десять дней со дня совершения преступления» — включается ли в это число день, когда совершено преступление. Были просмотрены несколько толстенных «сводов законов». Но наконец судья признал ошибку полиции и приговорил меня только к штрафу в размере 30 шиллингов за просроченные права.

Мы выехали из Наньюки в солнечном настроении — оно не померкло даже от проливного дождя. В лагерь мы приехали в полной темноте, в дикую грозу. Вскоре появилась Пиппа, приласкалась ко мне, позволила Джорджу себя погладить и осталась дома на всю ночь.

Ливень не прекращался несколько дней, и реки стали выходить из берегов. Пиппа ужасно боялась мутных потоков, в которых таились крокодилы и бегемоты, но зато шлепала по всем лужам, чтобы вдоволь нализаться грязи.

Ей было уже около двадцати месяцев, когда я увидела, что она серьезно охотится за теленком канны. Маленькая антилопа была в безопасности в середине стада, но Пиппа ловким маневром ухитрилась отделить теленка от матери и стала кружить около него, пока не подобралась почти вплотную. Тут на нее налетела мать, угрожающе встряхивая головой и пытаясь достать Пиппу рогами; Пиппа ускользала от нее до тех пор, пока все стадо не подоспело на помощь; когда она увидела, что окружена прыгающими антилопами, она решила отказаться от столь сложного способа добыть пропитание и вернулась с нами домой к честно заработанному обеду.

Конечно, Пиппе ничего не стоило узнать, когда в холодильнике есть мясо или когда помощник проезжает мимо лагеря, чтобы поохотиться за границей заповедника. Но однажды она почувствовала предстоящую кормежку, когда никто из нас даже не знал, что помощник отправился за добычей для нее. Целый день она не уходила из лагеря и только к вечеру прошла немного по дороге и остановилась. Она терпеливо сидела и смотрела на дорогу, словно чего-то ждала. И что же — вскоре появилась машина, а в ней, как и следовало ожидать, было мясо для Пиппы.

Такие же необъяснимые случаи предвидения происходили и с Эльсой: я рассказывала о них в своих

книгах. Предположим, что это было сверхчувственное восприятие, или телепатия, — почему же ничего подобного не случилось, когда Эльса со львятами или Пиппа исчезали и мы разыскивали их, полные тревоги?

Вот и теперь Пиппа ушла из лагеря на три дня, и когда мы в конце концов отыскали ее след, то рядом увидели отпечатки лап самца. Не он ли был виноват в том, что так называемая телепатическая связь между мной и Пиппой перестала действовать? Она была так поглощена им, что ей стало не до меня. В лагерь ее пригнал, без сомнения, голод, потому что она так торопливо заглотала мясо, что тут же его отрыгнула, но снова съела без промедления. Нам приходилось часто наблюдать такое поведение у диких гепардов: возможно, это стало причиной ошибочного утверждения, что гепарды отрыгивают пищу для своих детенышей.

Тем временем погода настолько испортилась, что всякое сообщение — пешком, машиной и даже самолетом — стало невозможным. Это было очень некстати: бедный У гас снова ужасно мучился от боли в глазу, который после недолгого улучшения опять воспалился и почти перестал видеть. С огромным трудом нам удалось переправить на самолете в лагерь Джорджа трех приезжих ветеринаров — из США, Англии и ФРГ. Они обнаружили на роговице две растущие язвы, но сказали, что операция не нужна и все вылечит пенициллин. Джордж опять начал делать Угасу уколы.

В начале ноября кусты на равнине часто бывают сплошь покрыты перелетными ласточками, которые останавливаются передохнуть после долгого пути из Европы. Они обычно сидят так тесно, что я различала отдельных птиц, только когда Пиппа кидалась на них и они тучей взмывали в небо. Очень интересно было наблюдать за скоплениями довольно крупных жуков:

они кружили над кустами, как пчелиный рой. Локаль сказал, что это могильщики. Я часто видела могильщиков на добыче, но мне еще не приходилось встречать такие скопления, и я подумала, не связано ли это с дождями. Но даже Локаль, который обычно мог объяснить все, что нам встречалось на прогулках, не знал ответа. Несколько раз он вовремя предупредил меня, чтобы я не наткнулась на буйвола или носорога: он заставил меня прислушаться к свисту еще невидимых встревоженных птичек, которые склеывают клещей с этих животных и подают сигнал тревоги и своим хозяевам и нам. Локаль не раз проявлял храбрость, когда перед нами неожиданно возникал буйвол, — быстро обращал его в бегство метко нацеленными камнями. Но что с ним творилось, когда мы встречали безобидного варана! При виде этой большой пятнистой ящерицы он терял самообладание и бросался бежать, словно по пятам за ним гналась смерть. Безумно боялся он и хамелеонов — африканцев вообще ни за что на свете не заставишь прикоснуться к этим совершенно безвредным существам. Зато, как это ни странно, он убивал всех улиток, которые попадались ему на глаза. На мой вопрос, зачем он это делает, он отвечал: «Потому что у них есть дом». Я никак не могла уловить смысл этого объяснения и взяла с него слово, что он больше не будет истреблять эти полезные существа — им ведь тоже хочется жить и радоваться жизни. Обычно мы шли молча, чтобы не спугнуть животных, следы которых встречались на звериных тропах. И даже если во время наших прогулок ничего особенного не случалось, я часто чувствовала себя глубоко счастливой. Возвратившись в лагерь, я любила сумерничать допоздна, чтобы увидеть, как загораются звезды. Слушая тишину, изредка нарушаемую львиным рыком в отдалении, я раздумывала о том, почему мне никогда не приходилось чувствовать такой же

душевный покой, живя среди людей. Может быть, близость к дикой природе приносила мне такое ощущение необъятности, вечности, что рядом с ним все остальное казалось мелким. Или причина в том, что мы слишком часто обманываем себя, придавая людям, которых любим, облик, созданный нашей фантазией, а потом сваливаем на них вину за собственное разочарование? И если некоторые из нас начинают любить животных больше, чем людей, то не потому ли, что на животных нельзя переносить человеческие свойства и в общении с ними ни самообман, ни разочарование нам не угрожают?

Чтобы внести немного комфорта в лагерную жизнь, мы построили с помощью Локаля небольшую пальмовую хижину, где разместился мой кабинет и столовая. Я приколола к стенам фотографии Эльсы с семейством и Пиппы и сделала несколько полок для книг и посуды. На полу мы разостлали брезент, чтобы уберечься от скорпионов, которые любят прятаться в закрытых помещениях.

Мне очень повезло, что такой славный, добродушный человек, как Локаль, помогал мне приглядывать за Пиппой, хотя у нас было не так уж много общих интересов, а вести долгие разговоры нам мешало то, что я плохо владела суахили, а Локаль — английским.

Однажды вечером мы гуляли в густых зарослях, Пиппа шла немного позади. Вдруг я услышала очень близко бурчание в животе слона. Локаль схватил меня за плечо и прошептал: «Беги!» Мы бросились назад по тропе и выбежали на открытое место, где к нам подошла Пиппа. Едва отдышавшись, Локаль сказал мне, что я наткнулась на трех львов, которые только что свалили водяного козла — его ноги еще дергались в предсмертных судорогах. Он очень убедительно восстановил всю сцену: точно показал, на каком

расстоянии от нас сидел большой темногривый лев, вероятно убивший козла; другой, моложе и со светлой гривой, сидел немного поодаль, а львица — почти у самой тропы, не более чем в шести ярдах от меня. Здорово нам повезло, что Локаль услышал ворчание львов, которое я приняла за бурчание в слоновьем животе. Добрый наш Локаль никак не мог успокоиться. Я чувствовала, что попала в дурацкое положение — я-то шла впереди и ничего не заметила! Пиппа с безразличным видом облизывала лапы, и это меня удивило: неужели мы были так близко от львов? Ведь при малейшем намеке на их присутствие Пиппа неизменно удирала.

Мы вернулись домой в сумерках. Внезапно Пиппа бросилась в заросли, и я увидела, как рядом с ее знакомой головой над травой появилась голова чужого гепарда. Они стали кружить друг за другом, а потом чужой гепард уселся примерно в пятидесяти ярдах от нас. Пиппа осторожно подошла к нему. Он заинтересовался ею, но, как только попытался пойти ей навстречу, она убежала и все время поглядывала на меня, словно спрашивая совета. Мы с Локалем стояли совершенно неподвижно. Оба гепарда вышли на дорогу и сели футах в шести друг от друга. Посидев несколько минут, Пиппа вдруг бросилась к дикому гепарду, он вскочил, но Пиппа тут же обхватила его сзади. Чужак зарычал, и она поспешно отступила. Я впервые видела так близко гепарда, который был гораздо крупнее Пиппы, — это был или самец с набитым брюхом, или щенная самка — в сумерках трудно было разобраться. Минут пятнадцать они ходили кругами друг за другом, причем Пиппа проявляла инициативу, хотя и видно было, что она нервничает. Наконец дикий гепард ушел с дороги и скрылся в кустах. К этому времени стало темно, и даже в бинокль мне трудно было разглядеть, что там происходило. Я только заметила, что Пиппа

вела себя нерешительно и посматривала то на гепарда, то на меня. Оба они прислушивались к чему-то, как будто еще один гепард скрывался в траве. В это время я услышала, что проезжает машина, и послала Локаля остановить ее. Гепарды опять вышли на дорогу, и дикий уселся всего ярдах в десяти от меня, а Пиппа двинулась ко мне. Я стала потихоньку пятиться к машине, надеясь, что она останется со своим новым другом, но они оба увязались за мной. Дикий гепард сохранял «безопасную дистанцию» в десять ярдов, а Пиппа прошла мимо меня и решительно направилась к лендроверу. Я прогнала ее, вскочила в кабину и попросила водителя, не включая фар, подбросить меня и Локаля до нашего лагеря.

Но моя попытка оставить Пиппу в обществе ее дикого соплеменника провалилась. Она появилась в лагере вслед за нами и потребовала, чтобы ее накормили. Я боялась, что эта кормежка помешает ей вести себя, как полагается вольному гепарду, и сделала вид, что не понимаю намеков. Немного погодя она ушла, а я осталась переживать свою варварскую жестокость. Около полуночи меня разбудило ее негромкое мурлыканье. На этот раз она своего добилась и, вволю наевшись мяса канны, опять ушла — но на рассвете была тут как тут, чтобы получить еще одну порцию. Как только рассвело, мы вместе с Пиппой вернулись на место, где разыгралась вчерашняя сцена. Там мы нашли следы двух чужих гепардов рядом со следами Пиппы. Потом она вернулась с нами в лагерь, но ушла, услышав приближение машины, на которой приехал Джордж, и мы не видели ее после этого два дня.

Я рассказала Джорджу последние новости и предложила пойти разведать место, где Локаль видел своих львов. В сопровождении Джорджа я ничего не боялась, даже если львы еще оставались возле добычи.

Локаль тоже отправился с нами, и мы с великими предосторожностями подкрались к опасному месту, но успокоились, не обнаружив грифов на соседних деревьях — верный признак, что львы уже ушли от добычи. Мы ожидали увидеть стаю этих жадных птиц, дерущихся из-за остатков туши, а рядом — массу шакальих и гиеновых следов, но не нашли ничего, если не считать следа слона, — значит, я все-таки не ошиблась: это действительно было бурчание в слоновьем животе! И никто, кроме слона, тут не побывал, только посреди кустарника валялся ствол с двумя торчащими кверху сучьями, которые Локаль и принял за брыкающегося в агонии водяного козла. Мы посмеялись над его чересчур живым воображением. Наше недоверие его очень обидело, и он продолжал настаивать на своем, утверждая, хотя и без всяких доказательств, что он все-таки видел трех львов у добычи. Мы не стали больше спорить и вернулись домой.

Глава 7

Тага

22 ноября мне пришлось съездить на несколько дней в Найроби с помощником Джорджа. На обратном пути мы заехали в Меру, и нам рассказали, что в католической миссии в Тайгании воспитывают маленького леопарда. Нам было по дороге, и, разумеется, мы поехали туда.

Малыш находился под присмотром отца Ботта — он очень любил животных и делал все возможное, чтобы поддержать крохотное существо; но у него было и без того много дел, поэтому он не мог постоянно находиться возле младенца, для которого это было просто необходимо. Мать бросила маленького леопарда, когда ему было всего два дня, и его нашли две недели назад на камнях, под проливным дождем. С тех пор его кормили коровьим молоком, но у него развился тяжелый кровавый понос, который отец Ботта не умел лечить. В моей лагерной аптечке были лекарства от поноса, и поэтому отец Ботта согласился отдать мне малыша на время лечения. Конечно, мне было жаль отнимать у доброго патера его любимца, к которому он был очень привязан, но у меня было больше свободного времени и больше возможности помочь, и он доверил мне малыша. Он принес молока, чтобы нам хватило на дорогу, обещал проведать нас в ближайшее время, и я уе хала с маленьким леопардом на коленях.

По дороге мы заехали в деревню и купили одеяло, бутылочку с соской и рыбьего жира вдобавок к сгущенному молоку и глюкозе, которые у меня были в лагере. Почти всю дорогу малыш сосал мои пальцы, а я поглаживала его очень пушистую, шелковистую

шерстку. В этом возрасте пятна сливались, так что мех казался почти черным, только на голове и на шее виднелся желтый пушок. Самой крупной частью тела у маленького животного были лапы, вооруженные хорошо развитыми, острыми коготками. Насколько я понимала, это была самочка, и я решила назвать ее Тага — сокращенное от Тайгания. Совсем недавно — когда ей было всего десять дней — у нее открылись глаза, и их все еще застилала голубоватая дымка. Но, несмотря на это, у нее была прелестная мордашка.

«Как Пиппа встретит новенькую в „своем“ лагере?» — думала я. Пробудится ли в ней материнский инстинкт или она увидит в малышке соперницу? На свободе гепарды боятся леопардов даже больше, чем львов, потому что легкость — леопард весит всего 120-150 фунтов, — поразительная ловкость, способность отлично лазить по деревьям и ночной образ жизни дают этой кошке все преимущества перед другими хищниками. Многие опытные охотники считают, что леопард — самое опасное животное Африки. Разглядывая прелестное беспомощное существо, которое лежало у меня на руках, я никак не могла поверить в такую репутацию и чувствовала, что эта будущая «гроза зарослей» уже завоевала мое сердце. Но как осторожно я должна проявлять свою любовь и заботу, чтобы не возбудить ревности Пиппы! К счастью, когда мы приехали, Пиппы не было дома, и мы спокойно занялись устройством Таги. Клетка, в которой мы перевозили Пиппу, прекрасно подходила для спальни, так что малышка могла ночевать рядом со мной. Для игры мы устроили загон — в нем Тага будет спокойно бегать, пока Пиппа не привыкнет к ней и они не начнут играть вместе. Локаль, повар и слуга приступили к работе с огромным рвением — Тага понравилась им с первого взгляда, хотя они обычно побаивались всех опасных животных. Разве можно было устоять перед

пушистым комочком, который ползал у наших ног, а иногда и кувыркался через эти живые «камни».

Я кормила Тагу каждые два часа, разбавляя одну часть несладкого сухого молока двумя частями воды и добавляя туда каплю поливитаминов, три капли рыбьего жира, немного соли и чуть-чуть сульфатуанидина — от поноса. Тага массировала лапками бутылку, как будто это был материнский живот, — ей хотелось выжать побольше молока; и я приделала дощечку к горлышку бутылки: это все-таки больше походило на живот, чем скользкая бутылка.

Пиппа вечером не пришла, и я сидела в сумерках возле хижины, держа малышку на коленях. Уже почти стемнело, когда я вдруг увидела, что к моим ногам из-под стола выползает кобра. Держа Тагу в одной руке, я схватила палку, всегда находящуюся под рукой на всякий случай, и убила змею, уже готовую напасть. Это происшествие меня встревожило: я боялась не за себя — я могу защищаться, — а за Тагу. Пока она так беспомощна, ее нужно охранять от змей. В десять часов я накормила ее в последний раз и уложила рядом со своей кроватью в клетку, на дно которой я положила свежей травы, чтобы Тага привыкала к природе. Клетку я накрыла одеялом, и мы уснули.

В шесть часов утра меня разбудило мурлыканье Пиппы. Полчаса она не замечала накрытого одеялом ящика, а потом обнаружила Тагу и стала с мурлыканьем принюхиваться. Я поскорее принесла ей молока и возилась с ней, пока она наконец не уселась у входа в палатку, откуда спокойно смотрела, как я кормлю Тагу. Первое знакомство, кажется, сошло удачно. Еще больше меня обнадежило, что Пиппа не изменила своим привычкам: получив свое мясо, она опять исчезла на целый день.

Утро я провела в «кабинете», разбирая корреспонденцию. Тагу я держала на коленях, чтобы ей

было теплее. Как только я переставала печатать, она сосала мой палец, выражая свое удовольствие звуком «уа-уа-уа», а недовольствие — пискливым мяуканьем. Потом она неуверенно ползала вокруг и даже выбралась за порог кабинета, но тут же нашла свою спальню, которую я поставила поблизости, залезла внутрь и уснула. Пиппа вернулась к чаю и стала обнюхивать Тагу через сетку, но та в ответ на дружеское мурлыканье только огрызнулась.

Чтобы загладить эту грубость, я взяла Пиппу на прогулку и старалась быть как можно ласковее, но стоило мне к ней притронуться, как она с рычанием отбегала, а потом и вовсе скрылась. Я подумала, что ей не нравится запах леопарда, который сохранился на моей одежде, и решила всякий раз переодеваться, пока она не привыкнет к Таге. По дороге домой мы увидели Пиппу, которая гналась за шакалом и почти догнала его, но тут они оба исчезли из виду. Вскоре я услышала лай шакалов и подумала, не убила ли Пиппа какую-нибудь дичь. Но этого я так и не узнала, потому что Пиппа не приходила два дня.

А маленькая Тага тем временем завоевала все сердца. Даже повар, который никогда не отличался любовью к животным, предложил брать на себя роль няньки в тех случаях, когда меня не бывает в лагере, и мирно дремал возле нее, пока она исследовала свой вольер и устраивала уютное логовище под густым кустом. Тага всегда искала укромное местечко для отдыха, и мне пришлось осматривать кабинет в поисках скорпионов, потому что она всегда совалась во все темные углы. Маленький леопард был чистоплотным от рождения и всегда отходил от своего дома, чтобы оправиться. Однажды ночью я услышала, что Тага, хныкая, пытается выбраться по сетке из своей спальни. Я бросилась к ней и увидела, что там мокро. С тех пор я внимательно прислушивалась к звукам, которые

показывали, что ее надо выпустить. Покончив с делами, она снова засыпала, предварительно немного покружившись, чтобы примять траву.

Через несколько дней у меня появилась новая забота: желудок у Таги не действовал без слабительного. Я пробовала массировать ее брюшко, чтобы усилить перистальтику, но это не помогало. Только потом я узнала — и, к сожалению, слишком поздно, — что нужно было потереть под хвостиком мокрой тряпкой, потому что все животные в таком раннем возрасте не могут сами освободить кишечник и мать всегда вылизывает у них под хвостом.

Каждое утро после кормежки я обирала с Таги клещей. Просто невероятно, какую массу клещей она успевала набрать; мне удавалось удалить их только пинцетом. Вообще же она была поразительно чистоплотна и часто вылизывалась.

Тага была страшная плутовка. Нельзя было не расхохотаться, когда она, наевшись, лежала у меня на коленях кверху круглым, как мячик, брюшком, размахивая всеми четырьмя лапами, и, поглядывая на меня своими голубоватыми глазками, улыбалась во весь рот. Но ее коготки даже в таком нежном возрасте были острее бритвы и оставляли царапины, которые легко воспалялись. Я пробовала заставить ее убирать когти, но она только отбивалась с удвоенной энергией. Говорят, что во сне освобождаются подавляемые эмоции, — интересно, какие же чувства подавляла Тага, потому что во сне она иногда отчаянно царапалась, словно сражаясь не на жизнь, а на смерть. Она стала такой непоседой, что один из нас должен был постоянно находиться при ней, чтобы она не попала в беду.

Из всех диких животных, которых мне приходилось воспитывать, Тага безусловно была самоймышленной и развивалась быстрее других. Лагерь она успела изучить

всего за один день, отлично ориентировалась и ни разу не заблудилась. Еще не умея как следует ходить, она при виде меня уже взбиралась на сетку своего вольера. Когда ей было всего двадцать дней, я заметила, что у нее появляются верхние резцы. Через два дня показались нижние, а еще два дня спустя прорезались и клыки. В тридцать четыре дня стали видны нижние коренные, а в сорок два дня у Таги был полный набор молочных зубов. Когда ей исполнилось три недели, розовый нос и подушечки на лапах потемнели, а желтая опушка на шее и голове стала заметнее. К этому времени она уже умела с невероятной силой вцепляться во все, что ей нравилось: она так впивалась мелкими, но очень острыми зубами и когтями в мою руку, что приходилось сразу сдаваться, несмотря на то что на мне были брезентовые перчатки до локтя. Она, безусловно, понимала, что может добиться чего угодно, но как она умела вознаградить меня за лишнюю царапину! Она так ласкалась и подлизывалась, что устоять было невозможно и все обиды мгновенно забывались.

Поначалу Пиппа удивительно хорошо относилась к Таге и часто пыталась потереться об нее носом сквозь сетку. Но у зверей настроение меняется, как и у людей: сегодня Пиппа очень приветлива с малышкой, а на следующий день даже запаха ее не выносит и убегает прочь. Иногда она вдруг начинала ревновать; правда, это была благородная ревность: она никогда не вымещала обиду на сопернице, а просто не замечала моего присутствия. Я держала животных врозь до тех пор, пока не убедилась, что Пиппе можно доверять. К счастью, ждать пришлось недолго — очень скоро я смогла брать на колени Тагу, когда Пиппа, мурлыкая, лежала рядом, и гладить сразу обеих.

Жизнь у нас была чудесная. Все звери и птицы, которые жили здесь раньше, привыкли к нашему

лагерю, и я часто видела, как две агамы принимали солнечные ванны на поваленном дереве, по которому Пиппа переходила реку. Ярко-бирюзовый самец вскидывал оранжевую голову при малейшей тревоге, а буроватая пятнистая самочка скрывалась от опасности в дуплистом стволе — их жилище. Они очень любили муравьев и кусочки мяса и подходили за этими лакомствами совсем близко. Была еще одна нарядная пара — прелестные нектарницы, которые очень редко встречаются в этой части Кении. Они построили гнездо из перьев и листьев с настоящим козырьком у входа и подвесили его при помощи травинки к кусту над самой рекой. Под этим же кустом жил варан, и я часто слышала, как он шуршит по ночам в траве возле моей палатки. Хотя вараны не прочь полакомиться яйцами птиц, опаснейшим врагом нектарниц был не варан, а красноголовый ткач. Эта птица появилась в лагере внезапно и напала на нектарниц с такой яростью, что они бросили свое гнездо и стали строить другое, тоже над самой рекой. Я думала, что ткач займет покинутое гнездо, но он исчез так же неожиданно, как и появился. Мы часто видели гнезда колонии ткачиков на кустах, свисавших над водой, — должно быть, для защиты от таких хищников, как генетта. Конечно, это было хитроумное приспособление, но я никак не могла понять, как не тонут птенчики, впервые слетевшие с гнезда: ведь они почти наверняка планируют прямо в воду. Возможно, некоторые ткачи тоже понимали эту опасность, и поэтому стали селиться на деревьях, под которыми стояли наши палатки, явно рассчитывая на наше покровительство.

В следующий гнездовой период красивые нектарницы тоже построили гнездо над моей палаткой. Пока что это были единственные птички, поселившиеся на большом тамаринде, и каждое утро я просыпалась от их радостного щебета, пока самочка не села на яйца. Но

однажды утром я услышала тревожные крики: красноголовый ткач вернулся и снова напал на них. Несколько часов подряд он свирепо пикировал на самку, а она мужественно защищала гнездо. Наконец ткач убрался, и все успокоилось. Я считала, что моя птичка выиграла сражение, но это была преждевременная радость: красноголовый ткач возвратился с целой оравой черноголовых. В конце концов весь тамаринд так и кишел этими ярко-желтыми агрессорами, которые принялись строить гнезда рядом с обезумевшими от горя нектарницами. Мой рабочий стол стоял под деревом, но печатать было невозможно — не только из-за оглушительного шума, а и потому, что я была огорчена этим вторжением не меньше бедных пичуг. Я швыряла камни в ткачей и целый день держала их на расстоянии, но на следующее утро мне нужно было ненадолго уйти из лагеря, а когда я вернулась, меня встретила мертвая тишина. Ни ткачей, ни нектарниц. Я нашла только сброшенное на землю гнездышко и рядом — разбитое яйцо. Должно быть, ткачи только притворялись, что строят гнезда, чтобы напугать и вытеснить нектарниц, — потому что теперь, добившись своего, они не достроили своих гнезд, и те болтались, как травяные кольца, на всех ветвях. Эта война ткачей и нектарниц была мне непонятна. Ткачи не могли претендовать на территорию, потому что нигде поблизости они никогда не жили, и нектарницы, питающиеся нектаром, никак не могли помешать этим зерноядным и насекомоядным птицам. Откуда эта непонятная жажда разрушения?

Тут мне придется признаться, что я и сама почти каждый день убивала змей, что в сущности также неоправданно. Но никогда ни в одном лагере мне не пришлось испытывать такого нашествия кобр, жабьих гадюк, древесных змей. Вечером я всегда клала ноги на стул, чтобы не наткнуться на змей. Я знала, что змеи

обычно ищут убежища и только, но доверять им не следовало, а из-за Таги приходилось быть особенно осторожной.

У нее развивалась инстинктивная потребность скрываться, так что иногда мы не могли отыскать ее. Я обнаружила ее логово только случайно, когда пролила воду возле ящика с продуктами в пустой палатке. Тут откуда ни возьмись появились две лапки и из-за ящика, цепляясь за гладкую металлическую поверхность, вылезла Тага, торопливо полакала грязь из лужицы и быстро юркнула обратно в свое убежище. Я уже знала, что Пиппе грязь полезна для здоровья, и решила, что леопарды тоже едят ее. С этих пор я всегда устраивала маленькие лужицы возле любимого убежища Таги, делая вид, что не знаю, где она. Я не хотела мешать ей прятаться и звала ее только издали. Она спешила к нам со всех ног, только бы мы держались подальше от ее тайника, — это было очень трогательное зрелище.

Пока Тага получала сульфатуанидин, поноса у нее не было, но стоило прекратить лечение, как все начиналось снова. 5 декабря к нам завернул наш друг, ветеринар, доктор Тони Харторн, который ехал к Джорджу посмотреть больной глаз Угаса. Я рассказала ему о болезни Таги, и он прописал диету — рисовый отвар, молоко и стрептоцидные таблетки. Два дня пришлось уговаривать Тагу, но наконец таблетки были проглочены, и она окончательно излечилась от поноса. Тони видел причину ее беспокойства в том, что у нее режутся зубы, и посоветовал мне давать ей грызть что-нибудь твердое. Мои пальцы оказались тоже подходящими предметами для жевания, хотя Тага получала деревянные палочки, которые тут же превращала в кашу. Много времени спустя мне прислали фотографию леопарда, ровесника Таги, который рос в зоопарке. Несомненно, и у него была потребность грызть предметы, чтобы чесать десны, но

он не мог этого делать, потому что на шею ему надели специальный воротник величиной с большую тарелку. Если детеныш восстанет — и совершенно справедливо — против такого обращения, ему, конечно, тут же наклепят ярлык опасного зверя, а виноваты в этом люди, которые мешали ему проявлять природные инстинкты. Таге не пришлось переносить никакого насилия, ей были предоставлены все возможности для свободного развития.

Ей очень нравилось взбираться по сетке вольера, и нам все время приходилось следить, чтобы она не выбралась наружу. На стулья влезать было гораздо труднее: нужно было подтянуться до сиденья, и тут очень мешало толстое брюшко, так что иногда она кувыркалась вниз, но не отступала до тех пор, пока не взбиралась на стул. Усевшись, Тага победоносно улыбалась нам и самодовольно произносила свое «уа-уа-уа». Только на тридцать четвертый день она перестала неуклюже ковылять и ее движения приобрели гибкость и ловкость. Примерно в это же время она научилась высоко подпрыгивать, увертываясь от меня. Мы очень полюбили эту игру, в которой Тага неизменно выигрывала.

Часто у животных, в том числе и у человека, вырабатывается рефлекс на привычную обстановку, а не на то, что они обычно в этой обстановке получали. Например, я всегда кормила Тагу на стуле возле кабинета. Когда ей хотелось есть, а стула на месте не было, она взбиралась по пальмовым листьям, которыми была покрыта стена хижины, и ждала. Раз пищу всегда дают на возвышении, значит, если захотелось есть, надо забираться повыше. Точно так же, когда убирали ее клетку, она засыпала на голой земле — на том месте, где была «спальня». Я и себя не раз ловила на том, что, например, ищу какую-нибудь вещь там, где она была раньше, даже если знаю, что сама же положила ее в

другое место. Как видите, условные рефлексы вырабатываются не только у животных.

Круглая головка Таги со временем удлинилась, а ушки, которые раньше были посажены очень низко, что придает особое обаяние детенышам, теперь торчали почти на макушке, и кожа за ушами стала черной, так что Тага превратилась в настоящего маленького леопарда. Она быстро росла, казалась вполне здоровой и постоянно двигалась, обследуя свои владения или карабкаясь по сетке вольера. В одном ей не везло: у нее был хронический запор, так что приходилось ставить вазелиновые клизмы. Набегавшись, она часто прижималась к Пиппе, которая ложилась у самой сетки вольера. Я видела, как они ласково облизывают друг друга; Пиппа мурлыкает, а Тага старается дотянуться до нее лапами сквозь сетку. Эта взаимная привязанность была очень трогательна.

С тех пор как Эльса прославилась на весь мир, моя жизнь очень изменилась. Мне приходилось часто сдерживать свои чувства — слишком я была на виду. Конечно, я привязалась к Пиппе, но только появление беспомощной маленькой Таги захватило меня врасплох. Она попала ко мне в таком же возрасте, как и Эльса, и снова пробудила во мне материнский инстинкт. С Пиппой я встретилась, когда она уже вышла из детского возраста, и потому она стала для меня просто товарищем.

Пиппа не приходила в лагерь 7 и 8 декабря. Ничего особенного в этом не было, но ее шерсть стала удивительно шелковистой и держалась она так отчужденно, что я подумала, не появился ли у нее самец. Я взяла на заметку эту дату и, отсчитав 93 дня — срок беременности — отметила день 9 марта как возможный день рождения малышей.

Она по-прежнему ходила со мной в далекие прогулки, по-прежнему играла в прятки, покусывала

мои руки или в шутку толкала меня лапами, но никогда нельзя было предвидеть, как она станет вести себя, вернувшись в лагерь: то она проходила мимо Таги не глядя, то злобно бросалась на нее, а иногда, наоборот, ласково обнюхивала ее и ложилась как можно ближе, прижимаясь к ней через сетку.

Однажды вечером навестить Тагу приехал отец Ботта вместе с компанией туристов. Все они стали восторгаться Пиппой, а та обратила внимание на маленькую четырехлетнюю девчурку и принялась толкать ее носом и ловить лапами ее ножки, явно показывая свое расположение к новой подруге. Девочке Пиппа тоже понравилась: они ни капельки не боялись друг друга и играли с большим удовольствием. Потом мы пошли в лагерь. И Таге полюбилась малышка, а та вела себя с ней так же доверчиво, как с Пиппой, не обращая внимания на беспокойство родителей. Этот случай лишний раз доказывает, что у человека нет никакого врожденного страха перед дикими животными — он появляется только после того, как ребенку внушат, что дикие звери опасны. Если внимательно расследовать все несчастные случаи, в которых замешаны так называемые опасные звери, очень часто оказывается, что человек сам раздражил животное и тому просто пришлось защищаться. Отец Ботта был так доволен видом и поведением Таги, что предложил мне оставить ее у себя и потом выпустить на волю.

Позднее, под вечер, я видела великолепного темного гепарда и узнала в нем приятеля Пиппы. Он бежал в том же направлении, куда днем ушла она. Пиппа не приходила двое суток, потом забежала только поесть и опять исчезла. Когда я увидела след второго гепарда, ведущий в ту же сторону, я перестала сомневаться: Пиппа нашла себе пару.

Пока Пиппы не было в лагере, я могла отдавать все внимание Таге. Глаза маленького леопарда совсем освободились от голубой мути, но все еще сильно косили, так что казалось, что Тага не может их правильно сфокусировать. Чтобы исправить этот недостаток, я сделала бумажный мячик, обмотала его бечевкой и подвесила над ее ящиком. Тага увлеклась этой новой прыгучей игрушкой и, промахнувшись несколько раз, научилась доставать мячик, куда бы я его ни подвешивала. Кроме того, я соорудила небольшой полотняный мешочек, набитый бумагой, — она запускала в него когти и мотала из стороны в сторону; по-моему, это хорошее упражнение для сухожилий, втягивающих когти. Потом Тага сама обнаружила корзину для бумаг и так вдохновенно расправилась с ее содержимым, что весь мой лагерь, словно снегом, был засыпан бумажными обрывками. А как здорово было лазить по ящику с пивом, чтобы бутылки звенели! Единственное, что мне в Таге не нравилось, — это ее острые когти; я никак не могла научить ее прятать их во время игры. Я даже пробовала подпиливать их пилочкой для ногтей, но скоро бросила это занятие, потому что за один день у нее отрастали еще более острые когти. В конце концов пришлось просто носить с собой порошок стрептоцида, чтобы засыпать многочисленные царапины. А вообще Тага была совершенно неотразима; я очень любила заглядывать ей в глаза — они так часто искрились от смеха и радости; но зато, когда она злилась, эти глаза смотрели с убийственной жестокостью.

Я постоянно снимала с Таги клещей, которых она набирала в огромном количестве: меня это беспокоило, потому что клещи обычно в таком множестве нападают только на больных животных. Но Тага казалась вполне здоровой, если не считать неполадок с пищеварением и легкого недомогания, вызванного появлением зубов.

Мне хотелось стимулировать деятельность ее кишечника, и я обнаружила, что она лучше освобождает его, если ее привести на место, где она уже оставила помет. Это напомнило мне привычки дикдика и носорога, которые по разным причинам тоже приходят на одно и то же место, пока куча помета не становится слишком высокой.

21 декабря Тага плохо ела, все время чесала челюсти, и я решила, что у нее режутся зубы. Тут приехал помощник Джорджа, которому приходилось выкармливать маленького леопарда, и он посоветовал мне начать давать ей мясной фарш. Мясо она съела с жадностью, и оно ей так понравилось, что вечером я дала ей еще одну порцию; всю ночь она проспала спокойно. Но на следующий день она была какая-то скучная, отказывалась от еды и только лизала грязь. В этот день ей исполнилось шесть недель и у нее прорезались последние коренные зубы. Я окунула палец в глюкозу и дала ей пососать, надеясь, что она захочет после этого пить и попьет молока. Но она только приоткрыла рот, вздохнула, но пить не стала. За последние два дня она сильно похудела, стала жалкой, но мне казалось, что все это из-за зубов. Я пыталась утешить ее, гладила и брала на руки, когда она выходила из своего убежища, а к ночи взяла к себе в постель. Она обхватила мою шею и крепко прижималась ко мне, когда я шевелилась, — а клещи и блохи тем временем расползались по мне во все стороны! Всю ночь она сосала мои пальцы, трогала мои веки и лизала лицо, негромко попискивая. Эти звуки были так непохожи на ее обычную болтовню, что я внезапно поняла: Тага серьезно больна.

Я ловила все ее движения, боясь, что они вот-вот затихнут, и молилась, чтобы она осталась жива. На рассвете, когда небо стало розоветь, возвратилась Пиппа. Она уселась рядом с нами и не сводила с нас

глаз. Когда я встала, оставив Тагу под защитой противомоскитной сетки, Пиппа сбила меня с ног и убежала за реку. В это утро у Таги впервые подействовал желудок без слабительного. Я подумала, что это действие мяса, и попробовала скормить ей еще немного фарша, но от этого ей стало хуже. Тогда я решила отправиться в Меру, к ветеринару, который уже однажды вылечил Пиппу от бабезиоза. Я знала, что Тага привыкла к повару, и взяла его с собой, чтобы он держал ее на коленях, потому что мне надо было 80 миль вести машину по очень плохим дорогам. Но при каждом новом толчке бедная Тага пыталась вырваться и перебраться ко мне.

Наконец мы приехали в Меру. Было одиннадцать часов утра. Доктор взял мазок крови. Кровь не сворачивалась, а текла, как вода. Он определил анемию (десны у Таги были совсем бледные) и поставил диагноз: *Babesia felis* — кошачий бабезиоз, который убил Эльсу. Заметив мое отчаяние, он постарался уверить меня, что Тагу можно вылечить, потому что болезнь пока еще в первой стадии. Нужно было ждать результатов анализа крови, и я села с Тагой на газон возле лаборатории. Она так обессилела, что не могла стоять, и, совсем ослабев, лежала у меня на коленях, но следила за всеми движениями ветеринара. Он безуспешно пытался заставить ее проглотить раствор глюкозы, вливая его ей в рот из шприца. Я смерила ей температуру. Она была почти нормальная — 38,9 градуса. Ветеринар заверил меня, что сильное средство — фенамидин — обязательно исцелит Тагу, и пошел готовить инъекцию.

Я смотрела на Тагу и гладила ее шелковистый мех. Она крепко уцепилась за мои пальцы. Ветеринар вернулся со шприцем, в котором был один кубик фенамидина из расчета пять процентов к общему весу тела, который он принял равным шести фунтам. Мне

показалось, что это слишком много, потому что Тага весила никак не больше четырех фунтов, но ветеринар настаивал на своем. Мне никогда не забыть, какими тревожными глазами Тага глядела на ветеринара, пока он делал укол. Казалось, в этом взгляде сосредоточилась вся ее жизнь. Вскоре она крепко заснула. Сердце у нее билось очень быстро, а дыхание стало прерывистым. Ветеринар приготовил еще несколько ампул, чтобы я сама сделала инъекцию в лагере, а потом закрыл лабораторию на обеденный перерыв. Я видела, что Тагу невозможно везти в таком состоянии по ужасной дороге, и решила подождать два часа — посмотреть, как подействует лекарство. В это время появился отец Ботта. Увидев Тагу и услышав ее частое дыхание, он, как и я, усомнился — выдержит ли ее сердце. С волнением ожидая возвращения ветеринара, я решила заночевать в Меру.

Я зашла к одному из друзей и, пока он распоряжался нашим устройством на ночь, сидела в прохладном кабинете с Тагой на руках. Вдруг она тихонько пискнула, судорожно вытянулась и вся обмякла. Мы бросились к ветеринару, он сделал ей укол против действия фенамидина, но все уже было кончено, Я оставила трупик Таги у ветеринара для вскрытия и уехала домой. Это было 23 декабря. Какой грустный сочельник ждал меня...

Глава 8

Вымирать или жить?

Вернувшись в лагерь, я убрала все, что напоминало о Таге, разрушила весь ее маленький мир. Мне было очень плохо, а тут еще Пиппа исчезла. На следующее утро егерь сообщил, что ее видели возле Кенмера. Несколько часов мы напрасно проискали ее, а потом надо было позаботиться о рождественской елке — на сочельник я пригласила к обеду Джорджа с помощником, молодого индийца Арана Шарма, который работал в заповеднике на общественных началах, и трех друзей из Найроби. Наряжая елку, я все время видела перед собой смеющиеся глаза Таги, готовой к новым плутовским проделкам. Сколько было бы возни со сверкающими игрушками, которыми я украшала шипы небольшого деревца баланитеса! При жизни Тага занимала все наши мысли, и теперь, когда ее не стало, она как будто еще больше напоминала нам о себе. Я чувствовала себя очень несчастной и даже обрадовалась, когда наконец появились гости и нужно было их занимать. Они привезли очень вкусную свежую рыбу и цыпленка; конечно, не обошлось без вина и традиционного сливового пудинга. Вечер начался удачно; позднее я зажгла свечи на елке и стала раздавать подарки — для африканских рабочих у меня были сигареты, сахар и деньги. Мне хотелось, чтобы всем было весело, и я была очень благодарна, что никто не упоминал о Таге.

Когда гости разъехались, я споткнулась и, упав, ушиблась об угол деревянного ящика. К счастью, Джордж еще не уехал и помог мне встать. На следующее утро я все еще не могла двигаться, и Локаль

сам отправился искать Пиппу, но не нашел. После обеда приехали гости: доктор Джон Расселл с женой и доктор Пол Мартин из Таксонского университета в Аризоне (США). Они путешествовали по Африке, чтобы узнать, почему многие виды, давно исчезнувшие в Америке, все еще процветают на африканских равнинах. Особенно они интересовались слонами и специально заехали поговорить о наших наблюдениях над этими животными.^[6] В разговоре я похвалила оригинальный серебряный браслет миссис Расселл, заметив, что это, должно быть, работа индейцев навахо. Она очень удивилась моей догадке, и мне пришлось объяснить, что я интересовалась жизнью и бытом индейских племен во время своего путешествия по США и привезла несколько индейских украшений и книг об их обычаях. Миссис Расселл сказала, что это подлинный литой браслет навахо и что она очень его любит и носит не снимая вот уже десять лет.

Вдруг послышался шорох и появилась Пиппа. Я очень удивилась, что она пришла в лагерь, где было так много гостей; несомненно, ее заставил прийти только голод, потому что, основательно подкрепившись, она тут же исчезла.

Хотя я изо всех сил старалась скрыть, как я горюю по Таге, миссис Расселл, должно быть, почувствовала мое отчаяние, потому что на следующий день вечером, когда я сидела в темноте и думала о Таге, мне привезли записку и драгоценный индейский браслет, который она оставляла мне в подарок. Я была глубоко тронута; с этого дня браслет стал «браслетом Таги» и я его надевала каждый раз, когда мне приходилось официально выступать в защиту диких животных. Разве я могла предугадать, что меньше чем через два года мне придется участвовать в нью-йоркской телевизионной передаче об охране диких животных

вместе с Моной Дейтон, которая незадолго до этого события была признана лучшей учительницей США. Во время беседы она не сводила глаз с «браслета Таги» и наконец спросила, как он попал ко мне. Я рассказала ей всю историю, и оказалось, что она — близкий друг миссис Расселл и этот браслет она сама помогла ей достать в одной из индейских резерваций штата Аризона. Поэтому она и была так удивлена, увидев его у меня.

Пиппа вернулась на следующее утро. Но прежде чем приняться за еду, она долго обнюхивала все места, где любила играть Тага. Я совсем не могла нагибаться, и поэтому Локаль причесал Пиппу и обобрал с нее клещей, что очень удивило ее. Потом он пошел с ней на прогулку, но она все время оглядывалась на меня, ожидая, когда я пойду с ними; в это время подъехала машина, ее шум спугнул Пиппу, и она убежала за реку. Приехал доктор — я послала за ним в Мауа. Он определил перелом ребер и сказал, что я слишком много двигаюсь и мне нужен покой. Волей-неволей пришлось оставаться на месте несколько дней; в эти дни Пиппа приходила очень часто.

Локаль попросил отпустить его домой, потому что у него серьезно заболел один из детей. Через два дня он вернулся с печальным известием: ребенок умер. Он стоически переносил свое горе — на все воля Мунгу (бога), — его самообладание было поразительно, но, когда мы пошли с Пиппой на прогулку и они стали играть, я вдруг заметила, что он вытер глаза и поцеловал Пиппу, чего никогда раньше не бывало. По-видимому, его горе было гораздо глубже, чем он показывал, и я поняла, что ему стало легче, когда он поделился своей болью с Пиппой.

Стемнело, и Пиппа стала то и дело прятаться от нас и наконец притворилась, что гонится за жирафом, — это был просто способ тактично удалиться на ночь.

Несколько дней она почти не приходила в лагерь и даже при встрече в зарослях ловко пряталась от нас, совершенно утопая в густой траве. Мы чувствовали, что она совсем близко, начинали тщательно обыскивать местность и находили ее всего в каком-нибудь метре от нас. Она лежала, застыв и прижавшись к земле, а ее пятнистая шерсть сливалась с пожелтевшей травой. Иногда нам так и не удавалось обнаружить ее, хотя мы точно знали, что она здесь. Дикие животные всегда замирают, когда нельзя убежать, — это лучший способ спрятаться. Помню, как я однажды наткнулась на жабью гадюку; казалось, что она раздавлена и только голова торчит вверх. Из любопытства я стала бросать в нее камни, приблизилась на три фута — она все еще была недвижима. И только когда наконец один из камней попал в змею, она метнулась прочь.

В другой раз я застала врасплох земляную белку, которая стояла на задних лапках, приподняв одну переднюю. Она увидела меня и мгновенно замерла. Я засекала время: земляная белка сохраняла полную неподвижность в этой неудобной позе пятьдесят минут; но тут уж у меня лопнуло терпение, и я ушла. Другие животные не просто замирают: они притворяются мертвыми. Я очень хорошо помню молодого филина, который валялся на земле с подшибленным глазом и без признаков жизни. Он был еще теплый, и я подняла его, стараясь не касаться мощных когтей, положила в машину и привезла домой. Когда мы приехали, птица казалась совершенно мертвой, но мы все-таки не были в этом окончательно уверены и потому поместили ее в большую клетку, положив рядом с ней подстреленного зайца. Когда мы пришли через несколько часов, филин был по-прежнему «мертв» и только от зайца ничего не осталось, кроме нескольких клочков шерсти. Тогда мы подложили филину голубя и снова ушли. Некоторое время спустя мы осторожно подкрались к клетке с

другой стороны и увидели, как филин энергично расправляется с голубем, но стоило ему нас заметить, как он тут же свалился «замертво». Эта игра продолжалась три недели, пока филин окончательно не выздоровел и его можно было выпустить. Был еще случай с двумя птицами-носорогами величиной с индейку, которые спаслись от неволи, так убедительно изобразив смерть, что их оставили лежать на земле, и они воспользовались этим, чтобы удрать. Я пишу эти строки и смотрю на маленького геккона, который прилепился к стене хижины в двух футах от меня. Он так неподвижен, что его невозможно было бы обнаружить, если бы не темные глаза. Есть у геккона и еще один надежный прием: он может не только замирать, но и менять свой цвет в зависимости от фона, так же как хамелеон и агама.

Все они дикие животные — у них есть веские причины избегать людей, но даже у Пиппы, моего друга, очень быстро пробуждался природный инстинкт, который заставлял ее ускользать и прятаться. Это был хороший признак — значит, она начинает дичать. Но когда она исчезала, я всегда волновалась — а вдруг ее укусила змея или произошло какое-нибудь несчастье? Я жила в постоянном напряжении, в страхе за нее. Оставалось одно — ежедневно разыскивать ее следы.

Поэтому я очень обрадовалась, когда она появилась вечером 31 декабря и осталась со мной встречать Новый год. Она отдыхала, лежа рядом, а я думала: как она будет себя вести, когда у нее появятся малыши? Приведет ли она их в лагерь, может быть, даже окотится здесь, или, наоборот, совсем одичает? Если у нее появятся котята, это будет первый случай, когда вскормленная человеком самка гепарда даст дикое потомство, и я смогу узнать много нового о привычках диких гепардов. А вдруг Пиппа поможет мне найти

ответ на вопрос, почему гепарды так плохо размножаются в неволе?

Несколько дней спустя Локаль опять отпросился домой. Вернулся он с новой женой — по моим подсчетам, это была пятая. Поступок вполне разумный после недавней потери, но я просто диву далась, как ему в его возрасте удалось уговорить такую хорошенькую девушку выйти за него замуж. Я надеялась, что она не уйдет от него: три последние сбежали, оставив его с разбитым сердцем. Он сказал, что отдал за девушку 200 шиллингов наличными и быка впридачу, — это был тонкий намек на свадебный подарок. Я обещала ему подарок — но не раньше чем через три месяца. Мы оба рассмеялись и пошли погулять с Пиппой к Ройоверу.

Она была тоже очень рада, что Локаль вернулся, и мурлыкая увивалась вокруг него, пока мы не дошли до реки. Там она спугнула самку бегемота с крошечным детенышем, еще совсем светленьким. Они испугались нас и заспешили через мелкие перекаты. Мать проталкивала малыша между скалами, пока они не добрались до глубокой заводи, где можно было нырнуть. Тут выплыл еще один бегемот — примерно в трех ярдах от нас. Разинув свою бездонную пасть и выпучив глаза, он медленно проследовал мимо. Берег здесь почти не поднимался над водой, и я с опаской посматривала на бегемота, но у Пиппы хватило смелости рычать на него, пока он не скрылся под водой. За всем происходящим наблюдал еще один бегемот, который прятался под кустами у противоположного берега. Хотя Пиппа обычно очень волновалась возле реки — боялась крокодилов, — на этот раз она ничуть не трусила: наоборот, уселась у самой воды и свирепо рычала не только на выпуклые глаза бегемотов, возникающие над водой, но и на каждую маленькую волну. Наверное, ей часто попадались навстречу эти

неповоротливые толстяки, выходявшие по ночам кормиться на равнину, — она не проявляла к ним ни малейшего уважения; точно так же она относилась и к слонам. Она продолжала рычать на бегемотов и подходила к ним так близко, что я предпочла уйти от реки. На обратном пути она разогнала стаю цесарок и вдруг стала кружиться на одном месте, как овца, больная «вертячкой». Я подбежала и увидела, что она играет с маленьким цыпленком, которого уже подранила. Я свернула ему шею и заставила Пиппу съесть его — чтобы она знала, с какой целью убивают дичь.

Вечером я, как обычно, принимала ванну позади своей палатки. Мне нравилось, сидя в брезентовой ванне, смотреть на звезды, а иногда я видела силуэт слона, пасущегося за рекой. Так приятно было отдыхать! Но в этот вечер у меня появилось странное ощущение, будто на меня кто-то смотрит. Я включила фонарик и увидела, что ярдах в пятидесяти, возле моей машины, сидит лев. Я быстро оделась и сказала мужчинам, чтобы они не выходили из своей палатки.

Утром меня разбудило мурлыканье Пиппы, а потом она ткнулась головой мне в лицо через противомоскитную сетку и улеглась возле моей кровати. В первый раз после смерти Таги Пиппа вошла в палатку. Когда я встала, мы осмотрели землю возле моей машины и нашли следы крупного льва. Позднее мы видели следы льва и двух львиц на дороге в Кенмер. Пиппа не приходила ни днем ни ночью, явно избегая встречи со львами. Кроме того, было полнолуние, а в такие ночи она всегда вела себя беспокойно.

Тяжелый топот по крыше Пиппиной хижины, которая стояла в десяти ярдах за моей палаткой, разбудил меня среди ночи. Пиппа обычно всегда, когда бывала в лагере, пользовалась крышей как наблюдательным пунктом, и мне был хорошо знаком

звук, с которым она вскакивала на нее. Но сейчас оттуда слышался куда более увесистый топот: я напряженно прислушивалась к звукам, потом услышала шаги крупного зверя, и у входа в мою палатку появился огромный лев. Я в ужасе закричала, но он стоял как ни в чем не бывало. Немного помедлив, он повернулся и пошел к реке, оглядываясь на меня, а потом возвратился к Пиппиной хижине. Я позвала Локаля. Когда он вышел из своей палатки, лев перешел к кухонному навесу, который помещался между палаткой мужчин и моим кабинетом. Локаль направил на льва фонарь, но он только стоял и жмурился от яркого света. Дикий лев не мог себя так вести. И вдруг меня осенило: это же У гас! Он четыре дня назад ушел из лагеря Джорджа. Я решила, что он ищет пару и идет по следу львов, который мы видели на дороге. Наверное, и вчера меня напугал У гас — вот и теперь он подошел к машине и уселся на том же месте. В конце концов он скрылся в темноте.

Я быстро оделась, велела слугам запереться в кабинете (эт о была единственная постройка с дверью) и оставаться там до моего возвращения. Потом я взяла немного мяса и вместе с Локалем пошла к машине, повторяя: «Угас, Угас!» Лев вскоре появился и подошел к лендроверу — несомненно, это был наш старый добрый У гас. Я бросила мясо, надеясь, что это удержит его возле лагеря, пока я съезжу за Джорджем. Потом я повела машину по узкой неровной колее, потому что хорошая дорога проходила мимо Кенмера и мне не хотелось среди ночи тревожить егерей в Кенмер-Лодже.

Через несколько миль колея подошла к густым зарослям и стала петлять между деревьями, так что уже в нескольких ярдах ничего нельзя было разглядеть. Земля была покрыта свежим слоновым пометом, и в воздухе держался его характерный запах. Я испугалась

— ведь если эти великаны вздумают преградить мне путь, я ничего не смогу поделывать. Еще больше я встревожилась, когда колея вдруг исчезла и мне пришлось ориентироваться только по далекой двойной вершине Мугвонго. Моя машина, как бульдозер, прорывалась через норы трубказубов и нагромождения камней, пока не выбралась наконец к лагерю Джорджа. Джордж всегда спал очень крепко, и мне далеко не сразу удалось растолковать ему причину моего полуночного визита. Потом ему нужно было еще починить лендровер, и к моему лагерю мы подъехали только в 4 часа утра. К счастью. Угас все еще был поблизости и, услышав знакомый голос Джорджа, выскочил из кустов ему навстречу. Хотя я очень любила Угаса, я все-таки с облегчением вздохнула, когда он вскочил в кузов лендровера и принялся за приманку, которую мы туда положили. Джордж крепко запер двери клетки и отвез домой истосковавшегося по любви льва. Мне было очень жалко Угаса — при его добродушии у него не было ни малейшего шанса поухаживать за Гэрл, которую ревниво охранял Бой.

Что же нам было делать с Угасом? Ему нужна была пара, потому-то он и шел за дикими львицами, когда забрел в мой лагерь. К этому времени он, должно быть, проголодался и, когда узнал мою машину (не говоря уже обо мне самой в моей ванне), естественно, зашел ко мне в палатку в надежде немного подкрепиться. Конечно, у него были самые мирные намерения, но откуда мне было знать, что лев, вломившийся в мою палатку, — всего-навсего У гас?

Джордж придумал выход из положения: он согласился взять группу из трех львиц и одного льва — им было по четыре месяца, — которых ему недавно предложили. Сначала этот «детский садик» будет Угасу просто для компании, а потом львицы вырастут и составят его гарем. Джордж послал своего помощника

за львятами, и через несколько дней они прибыли в лагерь.

Глава 9

Первый помет

Пиппа, видимо, решила, что теперь можно без опасений возвратиться в лагерь, — она пришла и принялась жадно обгладывать остатки козьей туши. Я понимала, что регулярная подкормка помешает ей окончательно привыкнуть к вольной жизни, но мне не хотелось морить ее голодом во время беременности.

Когда мы выходили на прогулки, я всегда с завистью смотрела, как она вынюхивает что-то в высокой траве, доходившей мне до плеч, — выглянуть из нее она не могла, — и думала, как много я потеряла оттого, что плохо чувствую запахи. Для хищника обоняние — самое важное чувство, и обычно оно развито лучше, чем зрение или слух, какой бы остроты они ни достигали. Любое животное, которое находится с подветренной стороны, могло скрыться от Пиппы, сохраняя неподвижность. (Однажды я даже ухитрилась пристроить в безопасное место — в траве под ветром — трех птенчиков цесарки, пока Пиппа гонялась за храброй матерью, которая перепархивала, чтобы отвести ее от своих малышей.)

Некоторые считают, что гепарды не очень умны. Нам всегда хочется судить об уме животных по своим, человеческим понятиям. Это очень большая ошибка. У каждого вида развился тот ум, который оказался наиболее подходящим для него в борьбе за существование. То, что в определенных условиях животные ведут себя не так, как мы с вами, вовсе не говорит об их глупости — просто они руководствуются другими способами восприятия, которые нам неизвестны. Некоторые пресмыкающиеся, почти не

меняясь, существуют на Земле уже 200 миллионов лет, морские млекопитающие — 60 миллионов, а вся история человека насчитывает каких-нибудь два миллиона лет. Сколько бесконечно интересных открытий может принести внимательное изучение чувств, которыми наделены животные, — ведь до сих пор они остаются непостижимыми для нас. Если бы мы занялись этим, то, может быть, нам удалось бы прожить, не истребляя другие виды и в конечном счете свой собственный вид, самих себя.

Пиппа всегда добивалась того, что ей было нужно. Она знала, что ей необходимо, и очень часто проявляла редкостный такт, чтобы не огорчать меня и все же настоять на своем. Какой бы своевольной, независимой или холодной она ни казалась подчас, ей все-таки очень нужна была поддержка. Она не любила проявлять свои чувства — разве что помурлычет или поиграет моей рукой, — но мы с ней прекрасно знали, что любим друг друга.

На прогулки она по-прежнему ходила со мной и Локалем. Мне всегда стоило большого труда прекратить болтовню Локаля, который говорил даже в тех случаях, когда надо было помолчать, чтобы не спугнуть животных. Но зато, добравшись до лагеря, он с лихвой вознаграждал себя за вынужденное молчание и весь вечер повторял рассказы о происшествиях дня, украшая факты все новыми подробностями.

Мы разыскивали Пиппу, и однажды перед закатом молча пробирались по узкой звериной тропе через густой кустарник к реке. Я, как обычно, шла впереди и смотрела себе под ноги, как вдруг, подняв глаза, увидела сбоку два носорожьих рога, которые палками торчали из кустов. Носорогу потребовалась всего секунда, чтобы развернуться, но она дала мне возможность обратиться в бегство. Однако на узкой тропинке тяжелый зверь выиграл в скорости и уже

нагонял меня, когда я чуть не сшибла с ног Локаля, с лихорадочной быстротой зарядившего винтовку. В мгновение ока он выстрелил в воздух. Носорог шарахнулся, а потом принялся крутиться на месте, словно расходуя оставшийся завод. Воспользовавшись моментом, мы выбежали на открытое место и оказались в безопасности.

Не успев отдышаться, мы стали хохотать. Локаль, заикаясь от возбуждения, разразился потоком слов: «Я вел себя как мужчина, а? Что было бы, если бы я не стрелял? Я думаю, вас бы он сразу убил — вы были ближе. А второго носорога вы видали — он бежал следом за первым, пока я не выстрелил?» Я была очень благодарна Локалю и похвалила его за храбрость и присутствие духа. На обратном пути он обнаружил стадо слонов и показал мне трех маленьких слонят, спрятанных в сером кустарнике, — без него я бы их ни за что не заметила. Он знал, что я боюсь слонов, и попытался ободрить меня, уверяя, что эти великаны совсем не такие опасные, а вот носороги — это да, от них у него всегда поджилки трясутся. Только теперь я поняла, почему он так гордился своим поведением при встрече с носорогами, и набралась терпения, чтобы выслушать все вариации на эту тему до самого лагеря. Но рассказов ему хватило не на один день.

Наступил сухой сезон, и в заповеднике появилось множество туристов, которые заглядывали иногда и в мой лагерь, несмотря на щиты с объявлениями. Конечно, я понимала, что им интересно посмотреть на Пиппу, но ведь моя главная задача — помочь ей возвратиться к дикой жизни, и поэтому мне не хотелось показывать ее чужим людям. В последнее время она все неохотнее позволяла мне дотрагиваться до себя и удалять клещей. Это было особенно заметно, когда поблизости находился самец. А потом она и вовсе

скрылась от нас, и мы видели только ее след рядом со следами ее супруга.

Вот уже несколько дней она не появлялась. Весь вечер я прислушивалась, не раздастся ли знакомое мурлыканье, но все было тихо, даже слишком тихо. Через пять дней она наконец появилась, сытая и здоровая, ласково потерлась об меня головой и растянулась на земле, громко мурлыкая. Она казалась очень счастливой. Я понимала, что она рассказывает, как ей теперь хорошо, но что меня она тоже не забывает и рада провести со мной часок-другой. Поглаживая ее, я провела рукой по набухшим соскам, но ей это не понравилось. К моему удивлению, сосков оказалось целых тринадцать — почему-то нечетное число. Потом Пиппа устроилась возле моей постели, и мы уснули под глухое уханье совы.

На следующий день я пекла именинный пирог Джорджу. Ума не приложу, как это африканцы ухитряются готовить на трех камнях — в лагере других печек нет; я же вовсе не претендую на звание хорошей поварихи даже в более цивилизованной обстановке, а потому и постаралась скрыть жалкие результаты своих усилий под толстым слоем крема, который я разукрасила вишнями, так что пирог по крайней мере хоть выглядел прилично. Пиппа весь день провела в лагере, наблюдая за моим необычным занятием.

Когда стемнело, я поехала в Кенмер за козой для Пиппы. Там я встретила доктора Гржимека и его невестку, приехавших осмотреть заповедник, чтобы затем собрать средства на его содержание. Мне и прежде доводилось встречаться с доктором Гржимеком, который занимался вопросами охраны дикой природы, и я пригласила его вместе со спутницей в гости; вечер они провели в моем лагере. Пиппа лежала рядом с нами. Доктор Гржимек — директор Франкфуртского зоопарка, поэтому его особенно

заинтересовала жизнь Пиппы; он просил сообщать ему все новости о том, как идет ее возвращение к жизни на свободе, и обязательно написать ему, когда появятся малыши.

Он очень оживился, узнав, что директор заповедника недавно уехал в Южную Африку, чтобы привезти три пары белых носорогов. Мы надеялись, что они приживутся в заповеднике и будут размножаться. В Африке и в Азии количество носорогов угрожающе падает в основном потому, что препарат из их рогов считается в Азии возбуждающим средством, и, хотя на самом деле он состоит из того же вещества, что и волосы, незаконная торговля этим ценным трофеем процветает и ставит под угрозу существование носорогов. Из двух африканских видов в Кении встречается только черный носорог, а белые носороги сохранились теперь лишь в Южной Африке. Кстати, это название — чистое недоразумение, потому что цвет у всех носорогов одинаковый: «белый» — это искаженное сокращение названия «широкогубый» носорог.^[7]

На следующее утро я повезла Гржимеков к Джорджу — не только за тем, чтобы отпраздновать день его рождения, но и для того, чтобы обсудить его работу со львами. Доктор Гржимек очень ею заинтересовался, так как сам положил начало исследованиям поведения животных в национальном парке Серенгети в Танзании и продолжал их поддерживать за счет благотворительности. Все утро мы проговорили на интересные и очень важные для всех темы. Перед отъездом я показала им несколько уголков заповедника, которые произвели должное впечатление, и нам была обещана помощь. Это было очень кстати, так как немного облегчило бы наше финансовое положение — до сих пор на содержание

заповедника шли в основном гонорары за книгу об Эльсе.

Когда я возвратилась в лагерь, Пиппа подбежала ко мне с явным намерением поиграть, но я чувствовала, что заболеваю, измерила температуру: 40 градусов — так и есть, очередной приступ проклятой малярии! Он вывел меня из строя на несколько дней.

Как-то ночью я услышала очень близко сопение и храп двух крупных животных; я позвала Локаля, и он сказал, что это пара носорогов. Когда они подошли очень близко, он выстрелил в воздух, но они и ухом не повели, и нам пришлось еще целый час слушать пыхтение и треск сучьев. Утром мы видели поле битвы ярдах в шестидесяти от лагеря: они там вытоптали траву и перепахали всю землю. Место им явно пришлось по вкусу, потому что на следующую ночь они опять пожаловали и подошли так близко, что были видны при свете наших фонариков. Мы и светили им прямо в глаза, и кричали, и стреляли над их головами — а им хоть бы что! Они продолжали свою борьбу — а может быть, любовную игру. То, что они дважды пришли на одно и то же место, заставило меня думать, что они справляют медовый месяц; но как бы то ни было, я обрадовалась, когда они убрались восвояси.

Пиппа почти все эти дни не отходила от меня, покусывая мои руки и время от времени пытаюсь выманить меня на прогулку. Теперь ее приходилось основательно кормить два раза в день, но, если я не придерживала кость, на ней оставалось много недоеденного. Львы всегда придерживают добычу, чтобы получше обглодать ее, а гепарды грызут или отрывают большие куски, не помогая себе лапами.

Пиппа недавно отыскала отличное логово, где можно было проводить день: на стыке высохшего русла Мулики и нашей речки, недалеко от лагеря. Кусты

затеняли ее и защищали стрех сторон, оставляя только узкий лаз к воде.

Она очень старательно скрывала свое убежище, и я решила, что оно выбрано для будущей детской. Она норовила спрятаться, неохотно двигалась, злилась, когда я дотрагивалась до ее живота, и очень много ела — все это явно говорило о беременности, которая, по моим подсчетам, длилась уже полтора месяца. Хотя она и держалась поблизости от лагеря, но ухитрялась очень ловко скрываться от нас и избегала нашего общества, изо всех сил стараясь нас провести. Я впервые почувствовала себя исключенной из ее мира и держалась в стороне, раз ей так хотелось. 25 февраля я впервые уловила движения у нее в животе.

В этот день я получила приглашение киностудии «Коламбия пикчерз» на первый в мире показ фильма «Рожденная свободной», который должен был состояться в Лондоне 14 марта. Я была бы счастлива принять это приглашение, но мне не хотелось оставлять Пиппу как раз в то время, когда она должна была родить. И я решила уехать, только если у Пиппы все будет в порядке до самого последнего дня моего пребывания в лагере. Предстояло лишь попросить помощника Джорджа переехать ко мне, чтобы приглядывать за Пиппой в мое отсутствие. Хотя она его хорошо знала и была с ним дружна, надо было дать ей время привыкнуть к нему. День его приезда совпал с первым ливнем. Пиппа где-то гуляла, а вернувшись на следующее утро, не обратила внимания на новую палатку и приветливо обнюхала помощника. Она давно считала его своим человеком, и я поняла, что с ним ее вполне можно оставить и пора вылетать в Лондон. Мы договорились, что он пришлет мне телеграмму, когда появятся малыши, и напишет подробный отчет обо всех событиях.

В Лондоне меня сразу же захлестнул водоворот бурной деятельности. Надо было подготовиться к путешествию в США — меня попросили присутствовать на тамошних премьерах, которые начнутся через несколько дней после показа в Лондоне. Когда настал день премьеры, все, кто делал фильм, ужасно волновались. Фильм имел потрясающий успех, но для меня это было больше, чем успех, — это было настоящее торжество, посвященное памяти Эльсы.

Разве я знала, что в это самое время где-то в глубине зарослей в Кении, совсем одна, Пиппа произвела на свет трех гепардов, рожденных на свободе. Это был венец всего, что для меня означали слова: «Рожденная свободной».

Я не получала никаких известий, кроме телеграммы от 13 марта: «Ничего нового, Пиппа здорова». В это время в своем дневнике помощник регистрировал ежедневные приходы Пиппы. 13-го она появилась на рассвете, съела огромное количество мяса зебры (он а его любила больше всего) и, несмотря на свою беременность, была очень игрива. Она пробыла в лагере два часа, а потом перешла за реку к термитнику, на котором часто отдыхала. К обеду она опять вернулась поесть, но трогать себя не позволила. К этому времени уже было ясно, что она вот-вот окотится: она ходила с трудом, ее влагище расширилось, а по движениям в животе мой помощник определил, что детеныши появятся вечером или на следующее утро. Около семи часов вечера Пиппа перешла за реку, но было уже слишком темно, чтобы идти за ней следом. Шесть дней она не приходила. Он подолгу искал ее, но найти не мог, видел только ее супруга возле реки. Вечером 20-го Пиппа вернулась; выглядела она уже нормально, только похудела и была очень голодна. Она съела козу почти целиком, а потом с удовольствием поиграла с помощником, причем он заметил, что из

двенадцати сосков малыши сосали, а тринадцатый усох. Полчаса пробыла она в лагере, а потом перешла через дорогу и углубилась в густой кустарник. Она часто уходила туда еще до моего отъезда в Лондон. Помощник и Локаль попытались пойти за ней, но она явно этого не хотела. Она уселась на месте как вкопанная и не пошевелилась, пока они не повернули назад. Мгновение — и ее уже и след простыл. Целый день она не приходила, но помощник видел, как ее супруг прошел туда, где она, по его мнению, скрывала малышей. На следующий день она вышла из тех же кустов, где исчезла накануне, наелась до отвала, проверила, не идут ли за ней, и снова ушла в заросли.

22 марта я получила известие, что у Пиппы малыши, возможно трое. Я собиралась в этот вечер лететь в Австрию, но вернула билет и попала на вечерний рейс в Найроби. Наутро я сразу же заказала маленький самолет и, сбросив по дороге записку в лагерь Джорджа, уже к ленчу была в своем лагере. В Найроби на аэродроме было довольно сыро, но здесь, очевидно, шли очень сильные ливни, и я застала своих помощников за починкой повреждений в размытом лагере. У меня оставалось только три дня до вылета в США, и я даже не надеялась увидеть малышей, но мне хотелось повидать Пиппу. Прошел весь первый день, а она не появлялась. От грустных мыслей меня отвлек приезд Джорджа, и я стала пересказывать ему лондонские новости. Он тоже оживился, но его очень беспокоил бедняга У гас — у него опять распух и воспалился глаз. Весь вечер мы обсуждали последние события во всех подробностях. Хотя помощник и пытался меня убедить, что с Пиппой все в порядке, я провела ночь без сна, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. На рассвете она наконец появилась, но прошла мимо меня прямо к приготовленному для нее мясу буйвола. Она торопливо глотала еду, а я сидела

рядом и чувствовала себя счастливой — приятно было видеть, что она здорова и явно спешит поскорее вернуться к малышам.

Как только она наелась и хорошенько напилась у реки, мы пошли к дороге. Там Пиппа села, громко мурлыкая, и, пок а я ее гладила, лизала мне руки и лицо, все время внимательно следя за дорогой — не идет ли кто за нами. Потом мы пошли дальше и полчаса продирались сквозь густой кустарник, причем Пиппа трижды останавливалась и ждала меня, пока я вынимала колючки из своих сандалий. Наконец мы вышли на поляну; посреди рос большой куст медоносной акации, которую называют еще «погоди немного» — ее загнутые назад шипы так злодейски впиваются в одежду и кожу, что поневоле остановишься. Внезапно мне показалось, что где-то треснул сучок; мы остановились и прислушались; звук повторился. Пиппа мгновенно оказалась около куста, но подождала меня, а потом скрылась в густой листве. И вот тогда в самой середине куста, на площадке около девяти ярдов в диаметре я увидела трех малышей. Поближе к ним земля была очищена от больших сучьев, и несколько вмятин в песке показывали, где расположилось семейство. Пиппа уже проползла под ветвями и легла между мной и детьми. Крохотные детеныши сидели, опираясь на дрожащие передние лапки; увидев меня, они стали ворчать, шипеть и издавать тот самый звук, который я приняла за треск сучка.

Один малыш казался мельче остальных, но все они были очень подвижны для своих десяти дней, и глазки у них уже открылись. Они были гораздо крупнее, чем Тага в четырнадцать дней (двенадцати дюймов в длину), но она в то время уже почти свободно ходила, а они только и могли, что приподниматься на передних лапках и пытаться ползти. Верхняя часть тела от хвоста до лба у

них была покрыта густым серым мехом, но глаза и мордочка оставались открытыми, а нижняя часть была совсем гладкая, гораздо темнее, чем у Пиппы, и вся густо усеяна пятнами. Граница между длинным мехом и гладкой шерстью была хорошо заметна.

Через несколько минут они утихли, и Пиппа легла так, чтобы им было удобно сосать; малыши неуклюже полезли к соскам, и самый большой растолкал остальных, но в конце концов все сосредоточенно зачмокали. Вдруг огромная многоножка толщиной с мой большой палец выползла из куста и направилась к малышам. Пиппа тут же вскочила и зашипела на непрошеную гостью, но вскоре успокоилась и только следила за многоножкой, извивавшейся среди детенышей; на прощание насекомое проползло у Пиппы под хвостом. Спокойствие Пиппы меня очень удивило — укусы многоножки вызывает сильное раздражение кожи, но, по-видимому, они, так же как и муравьи, не трогают гепардов. Все это время котята удовлетворенно мурлыкали, и это удивительно нежное мурлыканье было гораздо звонче, чем у Пиппы. Целый час я наблюдала за ними. Они часто переставали сосать и начинали переползать, а Пиппа вылизывала их с головы до хвостика, пока наконец они не задремали; я никогда прежде не видела у нее такой нежности в глазах. Когда же она взглянула на меня, я почувствовала, что наши отношения не изменились, хотя теперь она стала матерью диких гепардов.

Я тихонько отошла, раздумывая о том — здесь ли Пиппа окотилась или где-нибудь в другом месте. У двух соседних кустов следов не было, но в одном из них я с ужасом увидела огромную серую кобру. Мне нечем было убить ее, и оставалось только надеяться, что она не нападет на гепардов. Следующие кусты были ярдах в трехстах — слишком далеко, чтобы Пиппа стала перетаскивать оттуда новорожденных. Поэтому я

решила, что они родились на том месте, где лежали и сейчас. Это было очень удачное убежище, позволяющее Пиппе заметить опасность издалека. Единственным его недостатком была удаленность от реки, но в прибрежных кустах малышей беспокоили бы многочисленные животные, идущие на водопой, да и поднявшаяся в период дождей вода постоянно угрожала бы их жизни. Пиппа ходила к своему логову очень запутанным путем, а по прямой от лагеря сюда было не больше десяти минут ходу.

На следующий день она не появилась. Я волновалась из-за кобры и к вечеру пошла вместе с помощником и Локалем по звериной тропе, которая вела к логову напрямик. Мы молча прошли полпути, как вдруг появилась Пиппа и загородила нам дорогу, очень недвусмысленно давая понять, что дальше идти не стоит. Я попросила мужчин уйти и стояла возле нее, пока они не скрылись из виду. Видимо, Пиппа хотела утаить короткий путь к своему логову. Досыта наевшись, она опять повела меня тем же длинным путем, что и в прошлый раз. Мы прошли примерно четырехста ярдов, как вдруг она прыгнула в заросли и исчезла. Я поняла намек и возвратилась в лагерь.

На следующее утро Пиппа опять не появилась в лагере, и я, понимая ее вчерашнее поведение, не очень-то хотела тревожить ее в убежище; но это был последний день перед моим отъездом, и поэтому во второй половине дня я отправилась одна навещать семейство. Недалеко от логова я несколько раз негромко позвала Пиппу, а подойдя к кусту, увидела, что она лежит и рядом спят малыши. Она спокойно смотрела, как я, присев возле куста, фотографировала семейство. Немного погодя котята проснулись и, стараясь переползти к Пиппе, долго кувыркались друг через друга, устроив «кучу малу» из лапок, хвостов и толстых животиков. Она ласково вылизывала их, а они

отвечали тоненьким мурлыканьем. На ногах они держались уже более уверенно и даже пытались проползать между ветками.

Я пробыла с ними полтора часа, и Пиппа дважды за это время уходила посидеть в тени того куста, где я видела кобру, а детей оставляла на мое попечение. Само собой, я не пыталась даже войти в логово, не только что прикоснуться к маленьким гепардам. Когда я через некоторое время подошла к Пиппе, она забрала в пасть мою руку, лизнула меня несколько раз и вообще казалась такой же счастливой, как и я. Немного погодя она вернулась к малышам и легла, чтобы накормить их, но только один из них лениво пососал, а потом присоединился к остальным, и они играли и ползали по своей матери, пока их не сморил сон. Вдруг Пиппа насторожилась. Она села, прислушалась и скачками понеслась через высокую траву. Вскоре она скрылась в зарослях. Я поняла по ее поведению, что она почуяла своего супруга. Сталкиваться с ним мне не хотелось, поэтому я пошла домой.

Глава 10

У Пиппы снова роман

Стояла духота, и тяжелые серые тучи угрожающе громоздились на горизонте. Я очень надеялась, что погода не помешает мне улететь. На следующее утро за мной должны были прислать самолет, чтобы доставить меня в Найроби, а оттуда мне нужно было лететь через Лондон в США. Но уже с вечера начался такой потоп, что к утру все мои надежды пошли прахом, или, вернее, были унесены потоками воды. Приготовившись к тяжелой дороге, мы с помощником выехали на лендровере. Немало нам пришлось повозиться в грязи, прежде чем мы добрались до посадочной площадки у Скалы Леопарда. На ее месте было озеро. Мы позвонили в Найроби и попросили перенести заказ на более поздний срок. Нам ответили, что аэропорт в Найроби тоже затоплен и все международные рейсы отложены.

Снова наш верный лендровер стал пробиваться сквозь грязь, скользя и кренясь на скверной дороге. Только поздно вечером мы добрались до Найроби, и я едва успела попасть на самолет, вылетающий ночью в Лондон. Тут мне наконец повезло: я совсем забыла, что в этот день все рейсы переходили на летнее расписание и лишний час, который я при этом выиграла, позволил мне успеть к самолету на Вашингтон.

Дальше полетели недели постоянных переездов, интервью, приемов, банкетов, выступлений по радио и телевидению — как все это было непохоже на мир, где осталась Пиппа!

Я очень волновалась за нее и за малышей, но меня успокаивали письма помощника: он писал, что все идет прекрасно и я могу спокойно продолжать свое

путешествие; в случае чего он вызовет меня телеграммой. И я странствовала целый месяц. Пересекла с востока на запад Соединенные Штаты и вернулась в Кению через Австрию, ФРГ и Швейцарию. (Все это было связано с рекламной кампанией фильма «Рожденная свободной».)

Печально встретил меня наш лагерь. О малышах никто ничего не знал. Сама Пиппа появилась возле Скалы Леопарда, но ее оттуда прогнали, и несколько дней она держалась около лагеря, однако вот уже три дня ее никто не видел. Я тотчас же отправилась искать ее, но так и не смогла найти следов и вернулась ни с чем.

В лагере Джорджа меня ожидало еще большее огорчение: бедный Угас потерял глаз. Когда у него уже почти прошли обе язвы и рогавица стала прозрачной, его угораздило налететь на острый шип, который повредил сетчатку. Угас чуть не обезумел от страшной боли, и наши друзья Харторны срочно удалили безнадежно поврежденный глаз. Операцию сделали всего несколько дней назад, и швы очень беспокоили Угаса. Он не мог найти себе места и, стараясь почесать зудящий глаз о что-нибудь твердое, два дня назад сломал загородку и вырвался из своего вольера. Необходимо было как можно скорее поймать его, пока он не навредил себе еще больше. Мы помогли Джорджу починить вольер и мясом заманили туда Угаса.

В свой лагерь я вернулась уже на закате. Там меня ждал егерь с сообщением, что Пиппу видели возле Кенмер-Лоджа. Это было самое неподходящее для нее место, и я не мешкая поехала туда, купив по дороге цыпленка, чтобы заманить ее в лендровер.

Звать ее мне пришлось недолго. Она вышла из зарослей — в сумерках она казалась маленькой и растерянной. Все время беспокойно оглядываясь назад,

она словно не знала, как ей быть. Что же случилось с ее детьми?

Вдруг она замурлыкала, лизнула мне руку и прыгнула в машину. На цыпленка она не обратила никакого внимания, не сводила тревожного взгляда с кустарника и наконец выскочила в окно и исчезла. Я положила цыпленка на траву и стала ждать. Уже почти стемнело, когда мне удалось разглядеть, как Пиппа снова вышла из кустов и быстро утащила еду. Больше ничего не было видно, и оставалось надеяться, что она понесла цыпленка малышам. Я взяла козу из нашего кенмерского стада и поехала домой, надеясь, что утром Пиппа вернется в лагерь.

Она явилась на рассвете, когда мужчины еще не успели забить козу, повалила ее на землю и очень умело разделалась с ней: сомкнула челюсти на ее морде, так что она задохнулась. Когда Пиппа съела почти всю козу, я пощупала ее соски: молока в них не было. В тот день малышам исполнялось семь недель. Смогут ли они жить без молока? Все утро Пиппа пробыла в лагере, мурлыкая и облизывая меня; обычно я очень радовалась этим проявлениям любви, но на этот раз они меня тревожили. Почему она не возвращается к малышам? Наконец она пошла вдоль реки, и мы с Локалем последовали за ней, но она очень ясно дала понять, что Локаль ей неприятен. К сожалению, он должен был сопровождать меня, потому что иногда выстрелы в воздух спасали от серьезной опасности: можно наткнуться на спящего зверя или на мать с детенышами, и животное, не зная куда деваться или стремясь защитить детей, часто нападает. Поэтому Локаль все-таки пошел за нами, правда, на некотором расстоянии, старательно прячась за прибрежными кустами. Пиппа наконец успокоилась, даже уселась, и я играла с ней, пока ей не вздумалось напиться. Тут она и обнаружила Локаля. В другое время она бы подбежала

к нему, приласкалась, но сейчас зарычала, явно недовольная тем, что он оказался так близко. Перейдя реку, она пропала в зарослях. Я терялась в догадках. Если малыши еще здесь, она вряд ли бросила бы их на такое долгое время, а если они погибли, почему она так опасается Локаля?

Я попросила его остаться в моем лагере и показать мне те места, где Пиппа прятала своих малышей. Но напрасно мы брали ее в длинные прогулки по местам, где, как уверял Локаль, могло быть ее семейство, — она всегда возвращалась с нами домой. Трижды мы видели след молодого гепарда вместе со взрослым, и я стала надеяться, что это уцелевший котенок с самцом, но Пиппа всем своим поведением показывала, что она окончательно бросила свой выводок. Пришлось привыкать к мысли, что бедные малыши погибли.

Несколько дней Пиппа не отходила от меня и была гораздо ласковее, чем обычно. Можно было подумать, что она и меня боится потерять. Как раз в это время мой помощник отпросился на два дня в Найроби — и больше не вернулся. Потом он совсем уехал из Кении. Его заменил молодой индеец Аран Шарма. Пиппа и Аран были давно знакомы, даже дружны, и он, приезжая к нам, никогда не пропускал случая укрепить эту дружбу.

Вскоре мы опять увидели след самца гепарда на равнине возле Кенмера и, судя по частым отлучкам Пиппы, решили, что это ее друг. Мы, конечно, попытались выследить ее, но она редко попадалась нам на глаза, зато рядом с ее следом мы всегда находили след этого самца. Заходя в лагерь после очередного загула, она далеко не всегда брала мясо, которое я ей предлагала: похоже было, что она просто забежала сказать: «Привет!» Неужто она снова влюблена? И правда, завести новых детей было бы для нее лучше всего. Судя по всему, Пиппа не теряла времени даром: скоро стало совершенно ясно, что она опять беременна.

На одной из прогулок мы наткнулись на гадюку, убитую медоедом. Судя по следам борьбы, даже этому энергичному и бесстрашному зверьку пришлось нелегко, пока он не расправился с ядовитой змеей. Он прокусил гадюке шею позади головы, распотрошил ее и съел внутренности, а остальное не тронул. Это был один из редчайших случаев, когда я видела, что млекопитающее съело змею — да еще гадюку! После смертельно опасной мамбы я считаю гадюку самой опасной из африканских змей. Но я должна сказать, что всеобщий ужас перед змеями безусловно преувеличен: по статистике из всех укушенных змеями людей в Восточной Африке гибнет всего один процент. За тридцать лет, которые я провела в Кении (по большей части — в пеших сафари и в легких сандалиях на босу ногу), у нас была всего одна потеря от укуса змеи — и то это был мул. Змей я не люблю и стараюсь держаться от них подальше или убивать их, если это необходимо, но считаю, что мы, люди, вполне заблаговременно предупреждаем змей о своем приближении — они слышат шум, чуют наш запах и, как правило, стараются убраться с дороги. А ленивая гадюка слишком инертна, чтобы спасаться бегством, и, если на нее нечаянно набредешь в густой траве, разит, как молния. Пиппа всегда помнила о змеях и часто узнавала о них каким-то непонятным мне образом, потому что никогда не попадала в беду, хотя все время вынюхивала что-то в траве.

Примерно в это время меня пригласили на встречу с правлением парка Меру и чиновниками Департамента по охране диких животных и Управления национальных парков, в котором принимали участие члены Комитета Эльсы и директор парка. Речь шла о будущем заповедника Меру. До сих пор правление Меру делало все возможное для его развития, но не хватало средств да и опыта было маловато, и парк все еще считался на

последнем месте в стране. Мы надеялись, что положение исправится, если правление согласится передать заповедник в ведение Управления национальных парков. Председательствовал на собрании недавно назначенный директор Управления Перес Олиндо, которого я встречала несколько лет назад в США в Мичиганском университете, где он учился. Уже тогда мне очень нравилась его искренность. Перес принадлежит к племени мараголи, и его живой ум и сообразительность чрезвычайно помогли нам всем убедить правление в пользе перемены. Хотя пришлось разрешить несколько довольно каверзных вопросов, собрание в общем закончилось нашей победой. Конечно, на разные формальности уйдет несколько месяцев, но пока что все мы были довольны. А я чувствовала себя просто счастливой. Фонд Эльсы поддерживал заповедник уже три года, и на этом собрании мы постановили продолжать помощь еще два года, но теперь мы были убеждены, что этот чудесный парк вскоре не только сможет сравниться с другими национальными парками, но и станет лучшим в Кении, а благодаря своим водным ресурсам и экологическому разнообразию будет настоящей приманкой для туристов.

Моя радость объяснялась еще и тем, что у Скалы Леопарда появилась Пиппа. Она пропадала десять дней (если не считать короткого визита в лагерь шесть дней назад) и была голодна, но выглядела отлично — несомненно, ее кормил самец или же она сама научилась охотиться. Она с готовностью прыгнула ко мне в машину, и мы поехали домой. Там она плотно пообедала, а потом стала обнюхивать все знакомые места; казалось, она вне себя от радости, что мы снова вместе, — все время лизала мне руки и мурлыкала нежно и ласково. Но как только стемнело, Пиппа

исчезла, а егерь сообщил, что видел большого темного гепарда возле Кенмера.

Было уже 1 июня, и я попыталась вычислить, когда ожидать нового выводка. Пиппа часто убегала к своему другу, так что определить время зачатия было довольно трудно, но у меня получалось, что она должна родить где-то в середине августа. Поэтому я очень огорчилась, когда директор парка заявил, что забирает Локаля на несколько месяцев для выполнения особого задания, заменяя его на это время Гаиту. И хотя мне очень хотелось, чтобы Локаль был с нами, когда появятся малыши, делать было нечего. Оставалось только надеяться, что его преемник тоже полюбит Пиппу и станет ее другом.

Гаиту оказался красивым малым из племени тарака. Это племя живет на границе заповедника и славится браконьерством. Гаиту уверял меня, что он лишь изредка лакомится подвернувшимся птенчиком, хотя всю жизнь, не считая лет, проведенных на войне в Индии, был браконьером. Он рассказал мне о своих приключениях и даже о том, как несколько лет назад, когда мы с Джорджем жили в лагере Эльсы, он следил за нами, стараясь не попадаться нам на глаза, чтобы Джордж не посадил его в тюрьму за браконьерство. Теперь же, по его словам, он совершенно исправился, женился и стал честным егерем. Впрочем, его темное прошлое пошло мне на пользу: он оказался почти таким же прекрасным следопытом, как Локаль.

Первые три дня, когда Гаиту поселился в лагере, Пиппа приходила только поесть и недоверчиво обнюхивала его. Через четыре дня она как будто привыкла к Гаиту и на прогулке ему в первый раз удалось дотронуться до нее. Потом она повела нас в лесок возле Кенмера и села, ласково заигрывая с нами, даже лизала ноги Гаиту. Недалеко был каменистый откос, на котором росли высокие деревья; под одним из

них мы несколько раз видели следы друга Пиппы. Когда мы попытались подойти к этому дереву, Пиппа уселась у нас на пути, не глядя в нашу сторону. Нам стало ясно, что туда нас не приглашают, и мы пошли домой. Четыре дня она не появлялась, а после ее возвращения мы по следам узнали, что она пришла из того леса, где распростилась с нами в прошлый раз. Все последующие дни она оставалась в лагере только на время обеда, но постоянно держалась поблизости. Иногда, правда, она приходила на вечерние прогулки, но большей частью мы гуляли без нее. Она уже совсем привыкла к Гаиту, и я была уверена, что она пропадает не из-за него.

Недалеко от нас, возле известнякового порога, поселились три молодых питона по 8 футов длиной. Они были очень красиво расцвечены и подолгу лежали не двигаясь в мелкой воде, но молнией исчезали в камышах, стоило только нам подойти чересчур близко. Пиппа старалась держаться от них подальше. Если нам нужно было перейти реку, она перемахивала с камня на камень, только бы не замочить лапы. Питоны так привыкли к нашим визитам, что оставались в этом месте до самых дождей. Когда река вышла из берегов, они куда-то пропали.

Однажды вечером, когда мы собирались на прогулку, приехал один из наших друзей. Я пригласила его пройтись с нами, но ничего хорошего из этого не вышло: Пиппа как сквозь землю провалилась. Так что на будущее я приняла жесткое правило: никакие гости не допускаются в лагерь, если Пиппа поблизости, — как бы мне ни было скучно и одиноко.

В свое время я обещала двум друзьям из Англии показать некоторые заповедники Восточной Африки. И так как они должны были скоро приехать, я тщательно составила план нашей поездки, чтобы вернуться к тому времени, когда ожидался второй помет Пиппы. Аран согласился присмотреть за Пиппой и лагерем во время

моего отсутствия. Пиппа любила играть с ним, когда бывала в лагере, и я надеялась, что все будет в порядке. Мы договорились, что, если что-нибудь случится, он свяжется со мной по радио. Во время нашего путешествия сигнала SOS не было, так что я смогла отсутствовать целых три недели, впервые за несколько лет позволив себе отдохнуть. Но, как говорится, «таксист весь отпуск катался на такси» — мне нужно было посмотреть, как идут дела в заповедниках. Мои друзья никогда не бывали в Восточной Африке, и я с интересом следила, какое потрясающее впечатление производили на гостей великолепные пейзажи и дикие животные на свободе. Но я все больше начинала осознавать трудности, ожидающие нас с увеличением числа туристов.

Конечно, мы радовались, что все больше и больше людей приезжают посмотреть на диких животных, да и доходы от туризма очень нужны, но как сохранить в целостности ту атмосферу Африки, ради которой, собственно, и стремятся сюда все эти люди? Я имею в виду ту полную жизни тишину зарослей, которую только изредка нарушают шорохи или голоса диких зверей. Но стоит седокам одной машины заметить животное, как к этому месту несутся десятки других машин и животное оказывается в кольце — впрочем, оно давно уже привыкло считать этих безвредных четвероколых уродов частью окружающего пейзажа. Как можно приветствовать этот неуклонно растущий поток туристов и в то же время не дать им превратить парки в огромную помойную яму? Пока что с этим удается справляться, потому что в комфортабельной гостинице может остановиться не больше сотни гостей, пристанищ подешевле, куда нужно ехать со своей провизией, не так уж много, а мест для палаточного лагеря и совсем мало.

А долго ли ждать того времени, когда туристы наводнят заповедники и те превратятся в зоопарки без решеток? Единственное, что может предотвратить это, — организация новых заповедников.

Национальные парки Кении в настоящее время могут обеспечить сохранность только 50 процентов существующих там видов, и хотя бы по этой причине совершенно необходимо увеличить их число. Я твердо решила, что средства из Фонда Эльсы пойдут в первую очередь на создание новых парков. Каждый раз, возвращаясь в свой лагерь, я все больше и больше радуюсь при виде нетронутой природы. Мне удивительно повезло, что я живу (конечно, ради Пиппы) в парке Меру, на этой пока еще девственной земле, которая ждет того времени, когда сможет сравняться с другими парками.

Вскоре после моего возвращения в лагере появилась и Пиппа. Она громко мурлыкала, пока я чистила ее щеткой, ласково лизала мою руку, а потом схватила щетку и стала с ней играть. Соски у нее были очень тяжелые, живот тоже — окотиться она должна была не позже, чем через три недели.

Мы пошли пройтись, но скоро она отстала и исчезла. Аран сказал мне, что у нее теперь такая привычка. Хотя она приходила в лагерь почти каждый день, но никогда не задерживалась, управившись со своей порцией мяса. Она, безусловно, была в прекрасном состоянии, и я горячо поблагодарила Арана за то, что он о ней так хорошо заботился. Пока меня не было, он однажды встретил Пиппу с ее другом и шел за ними некоторое время; видел, как она гналась за буйволом, а другой раз — за шакалом. Он часто находил ее след вместе со следом самца возле речки Мулики; дважды эти следы приводили к тому дереву, где она родила первых малышей, но в последнее время все чаще — в лесок на

полпути от лагеря к Кенмеру; там же встречались и следы самца.

Два дня Пиппа не показывалась. Вернулась она как раз в то время, когда Гаиту нашел возле Кенмера отпечатки лап ее друга. После основательной трапезы она пошла вниз по реке, прямо на двух слонов, — я подумала, что она это делает нарочно, с расчетом, что слоны помешают мне пойти за ней, и вышла попозже, но нашла ее на том же месте. Она охотно пошла гулять, привела меня к лесочку возле Кенмера, а там почти сразу же удрала. Я не очень удивилась — вся земля была покрыта свежими следами самца; меня даже позабавили ее уловки: она кралась в высокой траве, почти доставая брюхом до земли, и мгновенно испарилась, когда заметила, что я ее вижу.

С этого времени мне стало ясно, что она мирится с нашим присутствием только потому, что мы ее кормим; она почти не позволяла мне прикасаться к ней. Иногда, затаившись, она ждала, пока мы уйдем искать ее, а потом быстро пробиралась в лагерь и успевала поесть до нашего возвращения. Ей было уже трудно двигаться; она никогда не уходила далеко от лагеря, а однажды появление льва заставило ее даже провести несколько дней с нами. Я заметила в ее экскрементах членики ленточного глиста — возможно, этим и объяснялся ее чудовищный аппетит. Не очень-то мне хотелось гнать глистов, пока она была на сносях, но они могли ей повредить, и я написала ветеринару, чтобы он порекомендовал лекарство, безопасное для кормящей матери. Тем временем я кормила ее до отвала. Она снова ушла на два дня, судя по следам, на равнину за лесом. Это место, видимо, казалось ей достаточно безопасным, и она часто там бывала.

17 августа Пиппа явилась в лагерь в семь часов утра, съела сытный завтрак и ушла через дорогу на равнину. Немного погодя мы увидели ее совершенно в

другой стороне, ниже по реке, на стволе дерева. Часов в пять она подошла к лагерю и осталась сидеть на термитнике, следя за нами, а как только мы подошли поближе, убежала. Но она, должно быть, была голодна, потому что вернулась в лагерь вместе с нами. Шла она на некотором расстоянии и была очень раздражена. Я попыталась заговорить с ней и услышала в ответ рычание. Тогда мы решили оставить ее в покое.

Ночью к моей палатке совсем близко подошел слон; я включила фонарь, и он совершенно бесшумно исчез. Утром я нашла жалкие обломки щита с объявлением «Экспериментальный лагерь — вход воспрещен». Как будто мне хотели напомнить, кто здесь на самом деле распоряжается всеми входами и выходами.

Мы пошли по следу Пиппы — он вместе со следами ее друга вел в лесок. Почва здесь была каменистая, и следы потерялись. Мы их так и не нашли. Прошло еще несколько дней, а мы все никак не могли разыскать следы. Я стала волноваться и поехала к Джорджу — просить его помочь нам найти Пиппу. Он напомнил мне, что после первых родов Пиппа не приходила восемь дней, а сейчас прошло только четыре.

Потом он показал мне телеграмму из Лондона. Нас обоих просили приехать в Найроби, чтобы встретиться с председателем Комитета Эльсой и обсудить по телефону какой-то важный контракт. Мы должны были сообщить наше решение в Лондон не позже 23-го. А сегодня уже 21-е. А так как мое присутствие было совершенно необходимо, то мы решили, что Джордж заедет за мной завтра пораньше и, если нам повезет, мы вернемся в лагерь в тот же день — хотя дорога туда и обратно должна занять не менее 14 часов.

Чтобы успокоить свою совесть, я вместе с Гаиту на рассвете пошла искать Пиппу. Не успев далеко уйти, мы встретили грузовик, ехавший из Кенмера. Шофер сказал, что вдоль дороги к нашему лагерю идет Пиппа.

Я оставила Гаиту встретить ее, а сама быстро села в машину, съездила за мясом и приехала как раз тогда, когда она появилась. Она казалась очень тощей и маленькой. Я гладила ее, а сама все время беспокоилась о малышах. Тут Пиппа довольно бесцеремонно показала мне, что хочет есть и ей не до нежностей. К несчастью, мясо было несвежее, и она его не тронула. Не захотела она и прыгнуть в машину. Поэтому я поехала одна, чтобы приготовить для нее еду, когда она с Гаиту придет в лагерь. Но как только я уехала, Пиппа пошла к реке напиться, а потом вернулась в лесок по своему следу.

Гаиту рассказал мне об этом, когда приехал Джордж; мы отложили на несколько часов выезд в Найроби и пошли искать Пиппу. Джордж — отличный следопыт, и мы втроем просмотрели каждый камешек, каждую сломанную ветку или листок, прочесали дюйм за дюймом всю местность, где должна была скрываться Пиппа, повторяли ее имя, пока не охрипли, — и все напрасно. Так и не найдя ее след, мы прекратили поиски.

Глава 11

Второй помет

Мы вернулись из Найроби на следующий день к вечеру. Гаиту рассказал, что Пиппа вскоре после нашего отъезда приходила в лагерь, съела чуть ли не целую козу и ушла. Он попытался идти за ней, но она уселась прямо перед ним и пришлось оставить ее в покое. Утром он пошел по следу, который привел его за лесок, но Пиппы там он не увидел; вечерние поиски тоже оказались безрезультатными, хотя на следующий день около пяти часов вечера Пиппа появилась снова. Больно было смотреть на нее — так она отощала. Но меня удивило другое — несмотря на мои уговоры, она почти ничего не ела. Очень скоро она ушла обратно в заросли. Я двинулась было за ней, следом Гаиту с моей камерой. Пиппа как будто ждала этого — повела нас по прямой примерно мили две к тому самому месту, где мы искали ее перед отъездом в Найроби. Она осторожно подошла к кусту терновника, прислушалась, замерла, потом обошла его кругом, осмотрелась несколько раз и только тогда проскользнула в густую листву.

Тут-то я и увидела четырех малышей. Крошечные, с еще не открытыми глазками, они неуверенно поползли к соскам — им, по-видимому, было не больше пяти дней от роду. Один был особенно маленький и жалкий. Он и двигался-то еле-еле и проспал почти все время, пока остальные сосали. Я стояла в двух ярдах от семейства. Пиппа посмотрела на меня, счастливая и довольная собой. Но она удручающе похудела, должно быть из-за глистов, и мне не верилось, что она сможет выкормить четверых малышей.

Как ей помочь? Надо по крайней мере приносить сюда воду и мясо — это избавит ее от длинных переходов в жару (до лагеря было четыре мили), кроме того, ей не придется оставлять своих беззащитных детей.

Только сумерки оторвали нас от семейства Пиппы и прогнали домой. Я долго не могла заснуть в этот вечер и, не зажигая света, глядела на звезды, которые становились все крупнее и ярче. Какой удивительный сегодня день! Когда Пиппа привела меня к своему первому выводку, к десятидневным малышам, я была поражена, а теперь меня глубоко тронуло ее доверие — ведь она показала мне слепых беззащитных детенышей. Это было событие огромной важности; дело в том, что все животные в свои первые дни, недели или месяцы (это зависит от вида) совсем не проявляют интеллекта — они только едят, переваривают пищу и спят. Любой, кто завладеет маленьким существом в этом беспомощном возрасте, особенно до того, как у него откроются глаза, автоматически будет принят как один из родителей. Вот почему новорожденные животные так легко приручаются. И то, что Пиппа, сдержанная и скрытная, доверила мне своих малышей, пока они были еще слепыми, укрепило мое решение: бороться за их жизнь на свободе.

Эльса и Пиппа проявили ко мне такое доверие и любовь, что для меня открылся новый мир, недоступный большинству людей. И чем больше я жила в этом мире, тем яснее для меня становилось, как опрометчиво мы отгораживаемся от дикой природы; как много людей окончательно позабыло, что все мы — только частица необъятного мира и нам принадлежит лишь малая его доля. Страшно подумать, что человек старается обойти вечные законы природы вместо того, чтобы приспособиться к ним. Человек — самое высокоразвитое и разумное существо, на Земле и при этом

единственное, которое варварски нарушает равновесие в природе только ради собственного благополучия. Хотя научные исследования ясно показали, что все живое на Земле экологически связано (то есть существует тесная взаимосвязь живых организмов), это не мешает сметать с лица Земли все, что нам кажется лишним или неудобным. Быть может, мы тем самым подписываем свой смертный приговор. Но как разрешить проблему, которая становится все более насущной? Нам все время нужно помнить, что многие виды животных прожили на Земле гораздо дольше, чем проживем мы, если будем продолжать упорно отрекаться от родства с другими живыми существами. Как ни странно, но, может быть, само существование человека зависит от того, насколько быстро мы сумеем снова войти в контакт с дикой природой, чтобы отыскать непреходящие ценности и глубокие корни нашего бытия. Эльса и Пиппа уже помогли нам хоть немного понять истинный характер диких животных и познакомиться с их привычками.

Чтобы облегчить жизнь Пиппы, мы с Гаиту выехали утром из лагеря, нагрузившись корзиной с мясом и бидоном с водой; я взяла еще фотоаппараты, кинокамеру и бинокль. Мы проехали всего милю, а потом пошли через кустарник прямо к тому месту, где вчера оставили Пиппу. Не доходя ярдов триста до логова, я остановилась и осмотрела местность в бинокль: нет ли рядом самца. Мне не хотелось мешать ему навещать свое семейство. Потом я окликнула Пиппу. Ответа не было. Я подошла поближе и снова позвала — молчание.

Оставив Гаиту с провизией ярдах в пятидесяти позади, я тихо пошла к кустам и увидела, что Пиппа кормит малышей. Меня обрадовало, что самый маленький тоже захватил сосок и сосал так же жадно, как и другие. Примерно полчаса они толкали

носишками мягкий материнский живот, потом один за другим отвалились и уснули, а Пиппа перекатилась на другой бок. Тогда я показала ей мясо, и она не очень охотно вышла из куста, при этом не раз оглянувшись на детей. Она была слишком измучена жаждой и есть не могла, но отказалась пройти пятьдесят ярдов до того места, где я оставила воду. Мне пришлось подтащить воду поближе к кусту. Напившись, она стала есть, а я держала мясо на весу, чтобы на земле не оставалось запаха — он мог привлечь хищников. По той же причине я подвесила корзинку с мясом на дерево, подобрала до мельчайшего кусочка все, что упало на землю, и унесла с собой. Этот порядок я соблюдала неизменно.

Я сделала несколько фотографий. Как только я «попалась на глаза» слепым котят, трое подняли мне навстречу головы и зашипели; лишь «заморыш» спал как ни в чем не бывало... Просто непостижимо, как эти пушистые комочки бессознательной жизни, слепые, недавно появившиеся на свет, чувствовали приближение невидимой и неведомой им опасности. Они уже могли отличить запах чужого животного от запаха гепардов — это значит, что обоняние развивается у них раньше зрения и является, безусловно, основным чувством у хищников. Малыши шипели и фыркали на меня. Наконец Пиппа легла рядом, подставив им соски, и с мурлыканьем принялась нежно вылизывать их. Постепенно они успокоились, а мы тихонько отошли.

К вечеру мы вернулись с новой порцией мяса — Пиппа слишком мало поела утром. Она оставила котят и попила воды, но к мясу не притронулась. За последние восемь дней она съела всего три четверти козьей туши. После этого она лишь глодала остатки. Не заболела ли она? Я держала мясо у нее перед носом, стараясь соблазнить ее, но это не помогло — она вернулась к малышам и легла, чтобы покормить их. Эти крошки,

несмотря на свой нежный возраст, отчаянно дрались, чтобы захватить лучший сосок. До самой темноты, когда мы собрались уходить домой, Пиппа не переменяла позы. Мне оставалось только надеяться, что ее кормит отец малышей и этим объясняется ее плохой аппетит.

На следующее утро Гаиту вышел вперед, чтобы посмотреть, нет ли поблизости самца, а я поехала следом на машине. Это вошло у нас в привычку, потому что мы не хотели беспокоить семейство, когда находили свежие следы самца, ведущие к логову. Джордж прислал мясо зебры; я знала, что Пиппа очень его любит, и надеялась, что она хорошенько поест. Но она почти не тронула мяса и даже пить не стала. Мы пробыли там час, и все это время Пиппа вылизывала младенцев. Они уже более уверенно ползали, но самый маленький не сосал. Вернулись мы вечером. Пиппа опять возилась с малышами. Только когда они отвалились от сосков, она подошла к нам и не отрывалась от воды целую вечность. А потом по-настоящему поела и стала прогуливаться у своего куста, внимательно осматривая все вокруг. Я пошла рядом, и она несколько раз трогательно лизала мне руку, чтобы показать, что благодарна за помощь. Эта прогулка продолжалась всего десять минут, и Пиппа снова вернулась к своему семейству.

Утром следующего дня Гаиту заметил свежий след гепарда у дороги и мы решили не тревожить Пиппу до обеда. Приехав, мы нашли в логове мирно спящих малышей. Пиппа появилась минут через десять со стороны Ройоверу — там, примерно в полутора милях, был ближайший водопой. Я думала, что она ходила пить, и была удивлена той жадностью, с которой она вылакала всю принесенную нами воду. Может быть, она услышала, что мы подъезжаем, и сразу же вернулась? Малыши двигались как будто увереннее, но все еще

нетвердо стояли на ногах. На мой с Гаиту шепот они настороженно приподняли головы. С этих пор я только предупреждала о нашем прибытии окликом издалека, а возле логова мы молчали.

На другой день я увидела след гепарда, который уходил к реке в направлении, противоположном тому, где было логово. Я была уверена, что Гаиту, как всегда, впереди и разыскивает следы, но возле поворота его не оказалось, так что пришлось мне пойти по его следу, который привел в Кенмер-Лодж, где он весело болтал с женами егерей. Гаиту был хорош собой и очень нравился девушкам, но в этот момент я никак не разделяла их симпатий. В полном молчании мы подошли к логову Пиппы; она кормила малышей. Когда они наелись, настала ее очередь поесть и попить. Потом она опять прошлась вокруг своего куста, чтобы поразмяться. Тем временем я смотрела на маленьких: они перекатывались друг через друга и иногда ухитрялись встать на все четыре лапы. Как только мать вернулась, они стали тереться об нее носами и, приподнимаясь на дрожащих задних лапках, гладили и лизали ее морду. Им было десять дней.

Вернувшись к Пиппе в пять часов, мы увидели, что она перенесла малышей в куст, который рос ярдах в тридцати от первого и почти совсем не давал тени, так что котята задыхались от жары. Она долго пила, а потом принялась искать новое место для «детской» и наконец устроилась в тени шиповатого куста. Я приняла это за намек и решила помочь с переездом: взяла двух малышей и перенесла к ней. Она тут же схватила одного из них за загривок и понесла его, как собака, обратно в редкий куст. Я поспешила вернуть второго малыша, и она немедленно принялась тщательно вылизывать его, словно стараясь стереть мой запах; потом легла на бок и стала кормить. Где-то поблизости были львы, и я, с тревогой прислушиваясь к их

ворчанию, начала беспокоиться за свое семейство. Немного погодя я протянула Пиппе мясо. Она поднялась было, потом передумала и вернулась к малышам — словно хотела показать, что не собирается оставлять их в моем присутствии, а чтобы я окончательно прочувствовала, как нехорошо без спросу трогать чужих детей, она легла между мной и котятами и стала смотреть в другую сторону, не обращая на меня внимания.

Весь вечер меня тревожило появление львов и то недоверие, которое я вызвала у Пиппы. Как будто я не знала, что малышей нельзя трогать, пока они слепые и беспомощные. Но этого было мало: шесть слонов почти всю ночь паслись в своих любимых кустах за рекой, всего ярдах в пятидесяти от меня. Когда я включала фонарь, они переставали есть, но стоило мне вернуться в палатку, как все начиналось снова. Эта игра со слонами продолжалась до рассвета.

Рано утром мы обнаружили, что Пиппа перенесла малышей в еще более редкий куст, где их мог увидеть любой гриф, но ей как будто до этого и дела не было. Она напилась и наелась, а потом позволила мне обобратить с нее клещей.

После обеда мы увидели, что она вновь перетащила выводок, на этот раз в более подходящий куст. Пиппа была удивительно ласкова. Конечно, я очень хорошо понимала, что это ежедневное кормление — палка о двух концах: с одной стороны, наши визиты могли испортить ее отношения с самцом и она опять становилась слишком зависимой от нас, а это могло пойти во вред семейству; но, с другой стороны, мне казалось, что сейчас это был единственный выход.

Вернувшись в лагерь, я нашла там директора парка и ветеринара Джона Кинга и решила посоветоваться с ними. Доктор Кинг часто приезжал в парк, чтобы проследить за акклиматизацией шести белых

носорогов, и был известен как замечательный знаток диких животных. Он решительно посоветовал мне продолжать подкармливать Пиппу и ни в коем случае не гнать у нее глистов, пока она не кончит кормить. Когда же это произойдет, никто из нас не имел понятия.

Наш утренний визит оказался знаменательным: малыши открыли глаза. Им было всего одиннадцать дней, и глазки у них еще были подернуты голубоватой мутью, но уже смотрели на меня серьезно и даже испытующе. Удивительно, как внезапно изменились эти невинные детские мордочки: теперь они напоминали маленьких старичков. Когда открылись большие темные глаза, черные полосы, шедшие от внутреннего края глаз к углам рта, стали похожи на глубокие старческие морщины. Ушки у малышей все еще были на уровне глаз и плотно прижаты к голове. Это придавало им еще большее сходство с человечками. Казалось, они совершенно огорошены количеством новых вещей, открывшихся перед ними. Но движения их стали более точными, и, когда им случалось отвешивать друг другу оплеухи, они уже довольно метко били своими мягкими лапками. Они так оживленно возились, что Пиппе с трудом удавалось вылизывать у них под хвостиками. Мне стало понятно, почему она переносила малышей в разные места: в детской должно быть чисто. Эти «переезды» она начала, когда им исполнилось девять дней и они достаточно набрались сил.

Возможно, малыши были так потрясены открытием нового, видимого мира, что это их измотало, потому что на следующий день они казались сонными и слабыми. Пиппа не отходила от них все два часа, пока мы были рядом. Только раз она подошла к воде, быстро напилась, а мясо мне пришлось поднести почти вплотную к котяткам, чтобы Пиппа хоть немного поела. За последнее время она поправилась и выглядела хорошо, так что я решила навещать ее только утром,

чтобы дать возможность отцу почаще бывать со своим семейством.

Поэтому в следующий раз мы приехали через двадцать четыре часа и я пришла в ужас: малыши возились у самого края куста, где их мог увидеть любой хищник. Пиппы с ними не было. Я воспользовалась этим, чтобы пощупать, нет ли у них зубов, но челюсти были совсем гладкие. Мохнатая шерстка помешала мне определить их пол. Минут через двадцать появилась Пиппа с окровавленной мордой и грудью. По ее поведению я поняла, что она не ранена, — это была кровь жертвы. Она долго пила, а потом повела нас ярдов за триста к маленькому дереву, на котором сидели грифы. Под деревом лежала туша дукера.

Пиппа не спеша вспорола ему брюхо между задними ногами и принялась вытаскивать внутренности, время от времени поглядывая на меня, словно говоря, до чего она гордится собственной добычей. Она наелась до отвала и лежала, отдуваясь и следя за грифами, которые сотнями кружились над нами, ожидая своей доли. Но я поскупилась — не хотелось оставлять им на растерзание Пиппину добычу — и собрала все до последнего кусочка. Она спокойно наблюдала за мной и не мешала Гаиту относить мясо к нашей корзине, но, когда грифы стали тяжело плюхаться на землю, она их разогнала. Отовсюду слетались все новые стаи этих нахальных птиц, и я подумала, что теперь все хищники в округе оповещены о добыче Пиппы. Я попросила Гаиту проследить за безопасностью детской, пока я отвезу остатки мяса в лагерь, — таким образом я надеялась избавиться от грифов. Когда я вернулась, Гаиту восседал высоко на дереве, осматривая окрестности в мой бинокль. Он не заметил ни одного хищника, но за это время Пиппа сумела перетащить малышей под новый куст.

Я села и стала смотреть на котят. Один из них был очень любознателен и кидался на все, в том числе и на меня. Моя рука лежала на земле; малыш осторожно обнюхал ее, а потом положил головку на мою ладонь и стал лизать мои пальцы, глядя на меня большими глазами. Я не отважилась погладить малыша, боясь приручить его. Пиппа следила за нами, мурлыкала и тоже лизала меня.

В эти дни я видела огромные стаи квелий. Это самые мелкие ткачики, образующие самые крупные птичьи колонии. Они истребляют растительность не хуже саранчи. Я сняла на кинолентку несколько стай: одна из них летела мимо меня минуты три, потом расселась на дереве и очень скоро поднялась, обнажив голый ствол. К счастью, квелии не появлялись возле логова гепардов, и Пиппе все еще удавалось находить тенистые кусты для новых «квартир», а переселялась она почти ежедневно. Два раза мне удалось снять на кинолентку такой переход; тут уж зевать не приходилось, потому что Пиппа двигалась очень быстро. Она всегда несла котенка за загривок, иногда опуская на землю, чтобы ухватить поудобнее; при этом она пробегала с ним около 200 ярдов. А чтобы сфотографировать Пиппу на такой скорости, мне приходилось забегать вперед, так что я едва успевала навести камеру. К тому времени, как малышам исполнилось три недели, она переселялась таким способом девять раз; позднее они научились ходить и перебирались сами. В возрасте шести недель семейство уже в двадцать первый раз сменило квартиру.

Малыши росли не по дням, а по часам и поэтому, наверное, почти все время спали. Они были в прекрасном состоянии, но Пиппу необходимо было подкормить — ей недешево обошлось воспитание четверых детенышей. Однажды я услышала высокий чирикающий звук и приняла бы его за птичий щебет,

если бы не видела, что «чирикают» трехнедельные котята. Они звали Пиппу, и та появилась через десять минут; тогда малыши навалились на нее со всех сторон, стали обнимать ее голову и облизывать ее. Один особенно нежно ласкался и наконец уютно устроился у нее под подбородком. Он препотешно защищал свое место, фыркая и шипя, когда другие подходили слишком близко. На следующее утро мы видели супруга Пиппы, когда он шел к детской, а потом четыре дня подряд нам попадались его следы на обочине дороги. Иногда, подъезжая, мы не заставали Пиппы. Два раза она настороженно прислушивалась, пока ела, а потом уходила на равнину; может быть, затем, чтобы встретиться с отцом котят, хотя мне кажется, что он не кормил ее, потому что она всегда была голодна.

Теперь семейство поселилось в очень колючем кусте, за 600 ярдов от своего последнего логова, и я подумала, что там малыши будут в полной безопасности даже в отсутствие Пиппы. Когда она была дома, они весело играли и носились вокруг, но если она уходила, смирно сидели на месте. Чтобы как можно меньше мешать самцу, мы стали приезжать около полудня, потому что ни один гепард не станет разгуливать в самую жару.

Когда малышам исполнилось четыре недели, я заметила, что у них показались белые кончики клыков. А через два дня зубки стали такими острыми, что бедная Пиппа, должно быть, немало намучилась во время кормления.

Теперь у котят были сильные плечи, длинные ноги, и двигались они удивительно грациозно. Они уже набрались смелости и бегали сами по себе; затаивались в траве, играя в прятки, боролись и шлепали друг друга передними лапами. Потом они вдруг все сразу бросались к Пиппе, прыгали около ее морды, дразнили ее и увертывались от трепки, забираясь на сучья своего

куста. Только теперь я сумела определить их пол: среди них оказался всего один самец. Как ни странно, это был маленький «заморыш», но зато он был ласковее других и все время старался прижаться к Пиппе.

Однажды она очень удивила меня, когда вдруг не захотела, чтобы я держала перед ней мясо, и даже довольно сильно прихватила мою руку, но все стало понятно, когда на обратном пути я заметила самца на верхушке белого термитника возле Кенмера. Около этого известнякового термитника был солонец, который привлекал многих животных. На следующий день мы не застали Пиппы, зато нашли поблизости след самца. Малыши в ожидании матери сидели так тихо и были настолько хорошо замаскированы своими сероватыми гривками, что мы ни за что не нашли бы их, если бы не знали, где они находятся. На закате я начала беспокоиться — как же оставить малышей одних в сумерках, когда все хищники выходят на охоту? Я попросила Гаиту побыть с ними, пока я съезжу в лагерь и посмотрю, не там ли Пиппа. Вернулась я без нее, но прихватила два фонарика, и мы стали ждать. Уже совсем стемнело, когда она пришла, по-видимому, со стороны реки; пить она не стала, но сразу набросилась на мясо. Чтобы мясо не валялось на земле, пришлось подождать, пока она кончит есть. Темнота была — хоть глаз выколи, и я не очень-то уютно чувствовала себя, пока мы добирались до машины, оставленной в миле от логова. Особенно я боялась слонов, потому что они двигаются совершенно бесшумно; но, как оказалось, бояться следовало не их, а львов — они попались нам на дороге через несколько минут после того, как мы сели в машину.

Всю ночь я беспокоилась за своих гепардов, утром отправилась на поиски — и никого не нашла. Мы бродили часа три, а потом стало невыносимо жарко. На обратном пути мы переезжали через небольшую поляну

возле лагеря и увидели Пиппу, которая следила за газелью Гранта. Я подъехала и предложила ей мясо, но брюхо у нее было набито, и смотреть на нашу еду она не пожелала; вместо этого она игриво прикусила мою руку. Мне не терпелось увидеть малышей, и мы пошли за Пиппой.

Она очень медленно шла к логову и останавливалась почти у каждого дерева — было ясно, что она хочет от нас избавиться. Сообразив, что таким способом от нас не отвязаться, она пошла дальше, обнюхивая каждый куст, как будто там были котята, хотя прекрасно знала, что они далеко отсюда. Стало ужасно жарко, мы измучились и хотели пить, но я решила не сдаваться, и мы тащились все дальше, пока не оказались позади того самого куста, где семейство оставалось вчера вечером, — утром мы его тщательно обыскивали. Пиппа заставила нас пройти по кругу. Тут я едва не наступила на малышей, — они так сливались с травой, что увидеть их было совершенно невозможно, пока они сами не вскочили и не бросились к Пиппе.

Я взяла с собой небольшой кусок мяса, чтобы проверить, не станут ли они есть, потому что в последнее время они с интересом принюхивались к Пиппиной еде. Но малыши зафыркали на меня, брезгливо сморщили носы и отскочили в сторону. Я положила мясо на землю и отошла немного, чтобы дать им время освоиться. Минут через десять я вернулась: мясо было цело, а семейства и след простыл. Мы искали очень долго, но следов так и не нашли. Это внезапное исчезновение пяти животных было похоже на чудо — да, Пиппа все-таки выиграла этот раунд. После обеда мы опять искали и наконец нашли все семейство под небольшим кустом. Малыши встретили нас шипением, но скоро успокоились, не переставая, однако, с отвращением морщиться при виде мяса: оно им явно не нравилось.

На следующий день мы увидели своих гепардов на поляне — они грелись на солнышке. Немного погодя Пиппа подошла попить, а потом бросилась за котятами, которые куда-то исчезли. Через несколько секунд мы их увидели сквозь траву: они неслись наперегонки, прыгая друг через друга и толкаясь лапами; под конец они покатались по траве, сцепившись в клубок, но тут же вскочили и начали новую гонку. Пиппе не сразу удалось их урезонить. Она позвала их резким «прр-прр», совсем не похожим на ее обычное мурлыканье; этот звук напоминал прерывистый треск погремушки. Но малыши не очень-то слушались, так что ей приходилось хитрить: Пиппа носилась вокруг них, словно приглашая поиграть, а когда они бросались за ней, вела их туда, куда ей было нужно. Когда все наигрались, я дала Пиппе мясо. Пока она ела, котята принюхивались к мясу, а потом, несколько раз опасливо лизнув его, вдруг вцепились в кусок и стали рвать его в разные стороны, отвешивая оплеухи направо и налево. Только вчера они с презрением отворачивались от мяса, а теперь пожирали его с такой жадностью, что я была поражена. Под конец Пиппа разогнала их, должно быть опасаясь, что малыши получат слишком большую порцию твердой пищи, тем более в первый раз. Им было всего пять недель от роду.

Теперь нам предстояло таскать более тяжелый груз, и я стала брать с собой еще рабочего Стенли. Он не только помогал нести мясо, но и сторожил его, где-нибудь в тени под деревом, пока мы с Гаиту налегке искали гепардов. Несмотря на удивительную худобу, Стенли был очень вынослив и трудолюбив и часто приносил невероятно тяжелые вязанки дров. Он прекрасно умел отслеживать зверей и совершенно не знал страха. Но все же я старалась выбрать для него такое место, чтобы в случае чего он мог забраться на дерево. Когда он был с нами в первый раз, я оставила обоих мужчин в 200 ярдах от семейства и пошла

дальше одна, потому что мне не хотелось, чтобы зверей встревожило появление Стенли. Но гепарды нас уже заметили. Они держались очень недоверчиво и удрали даже от меня. Мне пришлось бросить мясо, и Пиппа взяла его только после того, как я отошла, и понесла его к малышам, прятавшимся в кустах. Я наблюдала за ними в бинокль и подошла, когда они наелись. На этот раз они стерпели мое присутствие; один только маленький самец не переставал фыркать и шипеть, защищая свою семью. Этим он меня пленил, и я окрестила его Дьюме, что на суахили значит «мужчина». Самую светленькую самочку мы стали звать Уйти (Белянка); двум другим я еще не придумала имен — их пока было невозможно отличить друг от друга. Малыши не желали подходить ближе, да и Пиппа была настороже, так что мы вскоре ушли.

На следующее утро мы нашли следы самца, ведущие к логову, и я подумала, что настороженность Пиппы может быть вызвана не только недоверием к Стенли, но и близостью ее друга. На этот раз мы оставили Стенли еще дальше и проискали Пиппу до самых сумерек, но никого не нашли. Впервые со времени рождения котят я не видела их целый день. Я очень волновалась и стала советоваться с Джорджем и директором парка, которые заехали к нам. До сих пор семейство держалось в двух милях от лагеря и гепарды жили на свободе как дикие животные, если не считать, что я их кормила. Теперь, когда котята стали есть мясо, им, кроме молока Пиппы, обязательно понадобится вода и, если я не научу их пить из миски, им предстоят длинные переходы к реке, где их могут подстеречь другие хищники. Они были полны жизни, но росли так быстро, что лишнего жира на них не было, и с каждой неделей им будет нужно все больше еды. Подкармливать животных — значит вмешиваться в их дикую жизнь, но зато я могла быть уверена, что

малыши будут в хорошей форме, пока не наберутся сил для самостоятельной жизни. Как же мне поступить? Джордж предложил мне держать малышей все это время в лагере, но мы с директором решили, что лучше уж рискнуть и пренебречь опасностями, зато предоставить маленьким гепардам возможность развиваться в природных условиях. Я, конечно, постараюсь подкармливать их, насколько это будет возможно.

На другой день мы привезли для малышей козью тушу целиком, им предстояло впервые попробовать неразделанную добычу, как после настоящей охоты. Они тщетно дергали тушу, пока Пиппа не вспорола козе брюхо. Тогда они с жадностью съели печень, почки и сердце, а потом стали обгладывать хрящи с ребер; Пиппа тем временем расправлялась с позвонками и ребрами. Все они охотно ели кожу, отгрызая и отрывая от туши целые куски. А я закопала таз с водой в землю, чтобы они его не перевернули, и стала ждать, как они будут на это реагировать. Сначала они недоверчиво фыркали, потом попытались сунуть лапу в воду и отскочили, напуганные всплеском. Но тут подошла Пиппа и показала им, как надо пить; тогда они сообразили, что эта непонятная «живая» штука вовсе не опасна, а скорее наоборот — приятна, и стали лакать так жадно, что не могли оторваться. Под конец вся четверка оказалась по уши в воде: они шлепали лапами, дрались и брызгались, пока не вымокли насквозь.

Пиппа с каждым днем уводила семейство все дальше от лагеря, и нам становилось все труднее таскать к ним тяжелые припасы. Если бы мы немного поморили Пиппу голодом, она, конечно, сама переместилась бы поближе, но мне совсем не хотелось, чтобы молодые гепарды жили рядом с людьми и становились ручными.

Я очень уважала Стенли за то, что он не только безропотно таскал наши тяжелые грузы, но и все больше привязывался к гепардам. Малыши действительно были очень привлекательны. У них все еще были большие глаза и огромные лапы, хотя в общем они уже вполне сформировались. Двигались они с неизменной грацией — и когда носились сломя голову по равнине или влезали на деревья, запуская когти в толстую кору, и когда возились с шариками слоновьего помета. Пиппа оказалась превосходной матерью — разве что иногда проявляла эгоизм. Я, например, не могла постигнуть, как ей удавалось заставить детенышей сидеть и дожидаться, пока она поест. И они были удивительно послушны: как бы им ни хотелось есть или пить, они только вытягивали шейки, глядя, как она ест, и мне не удавалось соблазнить их, даже если я клала мясо им под нос, — они не трогались с места, пока Пиппа не подавала сигнал: «Прр-прр».

Однажды я услышала у Пиппы новый звук — это было в начале октября. Когда я привезла еду, она была одна, и я пошла искать котят. Наевшись, она произнесла «прр-прр» и стала ходить вокруг, принюхиваясь. Явно не понимая, где они, она забеспокоилась. Наконец она стала звать их очень тихо, еле слышно: «И-хн, и-хн, и-хн». На этот зов малыши откликнулись сразу — они появились на том месте, где я проходила уже четыре раза. Подбежав к поилке, они шлепнулись в воду, со зверским аппетитом набросились на еду и стали радостно носиться вокруг, то и дело подбегая ко мне и даже покусывая мои ноги. Казалось, их поведение целиком зависит от настроения Пиппы. Если она спокойна, ко мне относились как к товарищу, нет — на меня фыркали.

Малыши выражали свое настроение разными звуками. Когда им было хорошо, они мурлыкали, в ответ на голос Пиппы издавали нежное чириканье, но если

они были напуганы, их голоса звучали пронзительно, как резкий свист. Сражаясь за лучшие куски, они издавали длинные вибрирующие вопли или угрожающе шипели, прижимая уши.

Без участия Пиппы нам никогда не удавалось обнаружить ее детенышей, а она далеко не всегда соглашалась помочь. Однажды мы проискали их целых два часа, а потом наткнулись на семейство, мирно спавшее под кустом. Мы не раз проходили мимо, и Пиппа прекрасно слышала, что о я ее зову, но не сочла нужным показаться. В другой раз она издали пошла к нам навстречу и с жадностью напилась, а потом уселась и отказалась проводить нас к детенышам. В следующий раз мы ничего не дали ей и пошли в ту сторону, откуда она появилась. Тыкаясь носом в корзину с мясом, она шла за нами от куста к кусту, делая вид, что тоже ищет детей. Потом, поняв, что ничего не получит от нас, пока мы их не увидим, тут же привела нас к ним.

6 октября мы совсем не видели гепардов. Меня это волновало, так как на следующий день мне надо было вылетать на собрание в Найроби. На прощание Гаиту обещал мне обязательно найти их и накормить. Когда я вернулась, его не было в лагере и Стенли сказал, что утром Гаиту не нашел гепардов и после пяти часов опять отправился на поиски. Когда стемнело, я вышла навстречу, но было слишком опасно уходить далеко одной и без ружья. Тогда я поехала в Кенмер, надеясь, что он окажется там: никто его не видел. Стало уже совсем темно, и выходить на поиски было бессмысленно; я не спала всю ночь, воображая, что с ним случилось несчастье.

Рано утром я опять поехала в Кенмер, чтобы организовать поисковую партию. Но там был только один егерь — остальные накануне уехали в Меру за покупками. Егерь пытался успокоить меня — Гаиту знает заросли, как никто другой, а с ружьем он будет в

полной безопасности. Тем не менее я настояла, чтобы егерь пошел со мной и Стенли искать Гаиту; но тот как сквозь землю провалился. Я поехала к Скале Леопарда, чтобы сообщить о его исчезновении и попросить помощи. Там мне сказали, что он уехал с компанией за покупками и их ожидают к вечеру.

Когда мы вернулись в лагерь, нас приветствовал Гаиту с окровавленной повязкой на голове. Он поведал нам, что, пока он искал гепардов, ему в лоб вонзился шип, который он не мог вытащить, так что пришлось поехать на грузовике с егерями к доктору. Он даже предъявил мне медицинскую справку — кусок потрепанного картона без печати. По слогу и грамматическим ошибкам я поняла, что это подделка, и попросила Гаиту снять повязку. Он морщился и делал вид, что ему страшно больно, но я не обнаружила решительно никаких повреждений. Однако, обличать его во лжи я не стала — Пиппе это все равно не помогло бы. Поэтому на следующий день мы, как всегда, отправились ее искать. Но ничего, кроме ее следа, ведущего к водопою, мы не нашли, следов молодых гепардов рядом тоже не было. Что же они пили в эти дни?

Прошло целых четыре дня с тех пор, как я накормила их в последний раз, и я очень тревожилась. Все утро мы опять проискали напрасно, и только на шестой день нашли следы гепардов, ведущие к лагерю. Вернулись мы одновременно с Пиппой, которая была голодна и набросилась на мясо зебры, а потом повела нас примерно за три мили от лагеря, где навстречу нам из-под большого дерева выскочили малыши. Я очень обрадовалась, что они были здоровы. Им было уже семь с половиной недель, они сильно подросли за эти несколько дней, и серая гривка оставалась у них только на плечах. Черный цвет их помета — следы переваренной крови — говорил о том, что Пиппа кого-то

добыла. А может быть, папаша наконец-то стал кормить свое семейство?

Самой робкой из молодых была Уайти — она всегда последней подходила к мясу, когда другие давно уже дрались за добычу. Несмотря на молодость, они защищали свою долю даже от Пиппы и намертво вцеплялись в мясо, если она пыталась оттащить его в сторону.

Как правило, пока они ели, я держалась поодаль, и только потом подходила ближе, особенно когда они начинали дремать, — тогда можно было даже снять с них несколько клещей, конечно, если Пиппа оказывалась рядом.

Шесть дней гепарды оставались под большим деревом, где их было очень легко найти. Они так полюбили это дерево, что мои спутники прозвали его Отелем. Маленький Дьюме охранял свой прайд и был самым живым из малышей. Когда все уже валились с ног, он продолжал носиться вокруг, дергая сестер за хвостики или подпрыгивая вверх — просто от избытка сил. Он всегда следил, чтобы я не смела гладить его мать: когда же я делала попытку нарушить запрет, он бросался на меня, быстро и часто делая выпады обеими передними лапами сразу — довольно хороший способ защиты, если принять во внимание его острые коготки. Постепенно нападение превращалось в игру: он доставал меня одной лапой, не царапая, и шлепал по руке, а потом даже оставлял лапку у меня в ладони и разрешал мне гладить ее. Уайти была самой любопытной из четверых. Она всегда дотошно разведывала все вокруг. Ворча на меня, она все-таки подходила поближе и ждала, пока я до нее дотронусь, — как будто ей хотелось узнать, что же такое я делаю с Пиппой. Ела она меньше всех, но, несмотря на это, чувствовала себя отлично. В последнее время соски у Пиппы уменьшились почти до

нормального размера и, по-видимому, усыхали. Котята были уже совсем большие, им исполнилось восемь недель, но это не мешало им сражаться за лучший сосок.

Однажды утром мы увидели след самца, ведущий к Пиппе. На следующий день мы издали заметили стаю грифов примерно в полумиле от дерева Отель. Покормив семейство, мы пошли на то место и нашли почти целую тушу газели Гранта. Было ясно, что газель убита гепардом — кругом были его следы. Кроме того, если бы добыча принадлежала львам, от нее не осталось бы ни косточки. Я не сомневалась, что эту газель убил отец малышей, но волчий аппетит семейства ясно показал нам, что родитель никого не пригласил разделить с ним трапезу.

Глава 12

Пожар в зарослях

Наступила засуха, и трава стала сухой как солома. Обычно траву периодически сжигают до начала дождей — это убивает всех паразитов и удобряет почву для свежей поросли; если растительность не сжигать, она превращается в непролазную чащобу и животные могут уйти в другие места. Большую часть парка Меру уже выжгли, оставались только участки возле моего лагеря и логова Пиппы. Сезон дождей приближался, директор парка уехал, и я решила, что ничего не случится, если мы поможем сжечь растительность на другом берегу речки. Предыдущий пожар остановился примерно в миле вверх по течению; оттуда мы и собирались начать. Первым делом мы вырыли траншеи двенадцати футов шириной с трех сторон вокруг нашего лагеря, предполагая, что речка послужит заслоном от огня с четвертой стороны. Вскоре затрещал огонь, и я сфотографировала наш лагерь на фоне бушующего за рекой пламени. Огонь прокатился, оставив за собой тлеющий пепел, и мы сели завтракать.

Было воскресенье, Гаиту и Стенли пошли после завтрака рыбачить на Ройоверу, а я взялась за письма. Внезапно я услышала крик повара — огонь подобрался к моему лендроверу, стоящему под деревом примерно в ста ярдах от палатки. Переменившийся ветер занес на наш берег несколько искр, и трава занялась. Я со всех ног побежала к машине и в мгновение ока вывела ее на дорогу. А тем временем неистовое пламя переметнулось через защитные траншеи и с ужасающей скоростью приближалось к лагерю. Мы отчаянно носились с ведрами, стараясь залить огонь, и

ломали сучья, чтобы сбить его. Палатки нам удалось отстоять, хотя мы едва не задохлись в дыму и совершенно изнемогли, но вот джип, который Джордж оставил в полуразобранном виде, погиб. Мы не смогли его вывести из огня и теперь смотрели, как он пылает. Правда, нам сказочно повезло: в баках не было бензина. Тут вернулись наши рыбаки, и мы работали еще часов пять, судорожно ловя остатки воздуха в удушливом дыму, обожженные, с опаленными волосами. Руки у нас покрылись волдырями, ноги ужасно болели; наконец к закату мы справились с пожаром. Но долго еще в темноте мы поливали тлеющие головешки и курящийся слоновый помет.

Когда я свалилась в полном изнеможении, небо было алым и густой дым клубился над землей. Я видела огромные стаи птиц, спасавшихся от огня, который переметнулся через дорогу и растекался по равнине. Что я могла поделать? Мне оставалось только надеяться, что пожар не повернет в ту сторону, где была Пиппа с малышами. Уже появились марабу, склевывавшие обгорелых насекомых, и я с горечью подумала о черепахах и улитках, которые не умели спастись в подземные норы, как грызуны, ящерицы и змеи. Внезапно я услышала пронзительный рев слонов — они выбежали из пылающих зарослей и, громко трубя, побежали к реке. Их силуэты мелькали на фоне огня. И снова я стала молить судьбу — только бы все животные сумели вырваться из этого огненного ада. Я бесконечно устала, но в эту ночь не смыкала глаз, следя за догорающими деревьями, которые мы не сумели потушить, и прислушиваясь к малейшему подозрительному треску.

Как только забрезжил рассвет, мы пошли к Пиппе. Слава богу, степь возле ее логова была нетронута. Два с половиной часа мы не могли найти семейство, и вдруг Гаиту заявил, что гепардов надо искать вон там — это,

мол, ему подсказало сердце! Он уверенно повел нас вперед — и что же! — мы действительно нашли наших гепардов на пятьсот ярдов ближе к лагерю от того места, где видели их в последний раз. Малыши вели себя очень настороженно — возможно, побаиваясь двух слонов, которые все время держались поблизости.

Возвратившись, мы нашли в лагере директора парка. Он сообщил мне, что Джорджа ранил буйвол. Мы сразу же выехали, захватив лекарства. Бедняга Джордж сидел на кровати весь окровавленный и стонал. Лечь он не мог, потому что у него болели ребра. Я обмыла кровь и заставила его немного поесть. Он рассказал, что хотел подстрелить для львов буйвола, который всем мешал, дважды подранил его, но тот скрылся в зарослях. А когда Джордж разыскивал подранка, тот вдруг вывернулся из зарослей в двух ярдах от него и сбил его с ног. К счастью, буйвол пал, не успев заporоть Джорджа рогами. Раненого буйвола считают самым опасным животным, так что Джордж чудом уцелел, счастливо отделавшись несколькими царапинами, парой сломанных ребер и небольшим переломом ноги. Наутро самолет скорой помощи забрал его в Найроби. Я не полетела с ним: мне лучше было оставаться здесь, чтобы присмотреть за львами в его отсутствие, в случае необходимости мы всегда могли связаться по радио. Джордж вернулся через несколько дней: он ужасно беспокоился за Гэрл — пока его не было, она родила двух львят, и отцом их был Бой.

Вскоре Джордж, все еще ковылявший с палочкой, улучил время, когда Гэрл была в лагере, и повел меня к ее логову возле холма Мугвонго. Отсюда открывался великолепный вид на широкие равнины, простиравшиеся до далекого гребня Джомбени; вокруг громоздились крупные обломки, отколовшиеся от скалы, у подножия которой Гэрл нашла идеальное логово: под нависшей скалой была такая глубокая и

узкая щель, что львята могли полностью скрыться в ней от всяких хищников. Джордж позвал: «Мхм-мхм», подражая голосу львицы, и вскоре один из малышей подполз к выходу и бесстрашно уставился на нас своими большими голубоватыми глазами. Ему было двенадцать дней от роду. Я в жизни не видела такого маленького львенка, и меня рассмешил его длинный нос. Джордж окрестил его Сэмом. Тут показался второй львенок и вытолкнул брата на открытое место. Сэм растянулся на солнышке и без малейшего смущения принялся нас разглядывать. Его явно удивило, что здесь оказались мы, а не мать, которая его только что звала. Обычно глаза у львят проясняются не раньше чем через шесть недель, и меня поразил огромный интерес, с которым этот крохотный львенок воспринимал окружающий мир: он вглядывался в нас, наблюдал за ящерицей, следил за жуком, проползавшим у его лапок.

Когда Сэму исполнилось четыре недели, он окончательно поработил всю семерку львов Джорджа. Пока они оказывали ему почтение, он играл с ними, но если кто-то осмеливался обойтись с ним грубо — протестующе мяукал и раздавал пощечины, совершенно недвусмысленно показывая большим львам, кто тут главный. Он отлично понимал, что стал всеобщим любимчиком, и делал все, что ему заблагорассудится, никого на свете не боясь. Невозмутимая самоуверенность юного «царя зверей» была совсем не похожа на нервную настороженность молодых гепардов, и он меня окончательно очаровал.

Тем временем Пиппа переводила свою семью все ближе к моему лагерю. Но искать их становилось труднее — начались дожди, смывавшие все следы. Один раз мы не могли найти гепардов целую неделю, а потом Пиппа пришла в лагерь однажды вечером очень истощенная и голодная. Я поняла, как она изголодалась, когда она набросилась на несвежее мясо,

к которому гепарды обычно не притрагиваются, — есть падаль они не привыкли. Потом она повела нас через дорогу в лес, к группе больших акаций. Стволы их были до блеска отполированы слоновыми боками, а земля скрывалась под слоем навоза. Мы прошли примерно в тридцати ярдах от серого гиганта, и мне пришлось вести себя так, словно я гораздо храбрее, чем на самом деле, чтобы поспеть за Пиппой, которая быстро уходила, не обращая внимания на слона. Под конец она рванулась вперед, остановилась, прислушалась — «прр-прр» — и я увидела малышей под одним из деревьев. Они тоже страшно исхудали, и у них дрожали задние лапки. Я очень огорчилась, что мне нечего им дать, кроме испорченного мяса. Как только они наелись, маленький Дьюме игриво прикусил мои пальцы и начал шлепать меня лапами, но его сестры предпочли поиграть с матерью.

Пиппа перевела малышей на расстояние по крайней мере двух миль от дерева Отель в этот слоновий рай. Пожар тут ничего не тронул, почва здесь была в основном черноземная, и среди роскошной травы попадались участки грязи, намытой недавними дождями, что заставило некоторых слонов перебраться в более сухие, песчаные места, но буйволы как-то ухитрились не вязнуть, и, судя по их следам, им это место очень нравилось. Пиппе оно тоже пришлось по душе, и она поселилась здесь на целый месяц.

Довольно скоро нам удалось привести все семейство в приличный вид. Кругом было множество сломанных поваленных стволов, и малыши с наслаждением балансировали на упавших деревьях. Когда им случалось забраться в опасное место, Пиппа сама показывала, как поворачиваться на трудных углах. Теперь малыши были настроены мирно, и хотя они постоянно настораживались в ожидании опасности, Стенли и Гаиту никакой тревоги у них не вызывали.

Одна из самочек оказалась особенно привязчивой. Она была самая худенькая из четверых, и почти всегда на ней было множество клещей и верблюжьих мух-кровососок, которых она позволяла мне выбирать из шерсти. (Не знаю, почему эти бурые мухи получили такое название — потому ли, что питаются в основном верблюжьей кровью, или просто их выносливость сродни верблюжьей — раздавить их совершенно невозможно, и даже когда я разрывала их надвое, обе половинки начинали ползти обратно к пище, пока я не обрывала им ноги.) Уайти получила имя раньше всех, поэтому я назвала худышку Мбили, на суахили это значит «два», а третья самочка получила имя Тату, что значит «три». Тату всегда держалась поодаль и была особенно нелюдима, но очень сильна и своевольна и во время еды никогда не зевала. У каждого из молодых был свой особенный характер. И в это время мне было легче различать Тату и Мбили не по внешности, а скорее по поведению. Уайти превратилась в очень красивое создание — у нее были выразительные глаза, живая мимика и удивительная окраска. Она стала любимицей Гаиту, а я больше всех привязалась к маленькому Дьюме.

В один прекрасный день наши «сердца», как сказал бы Гаиту, проявили необычайное согласие. Мы целое утро проискали свое семейство совершенно напрасно, пока «сердце» Гаиту не подсказало ему, что надо вернуться к дереву Отель. Мы принялись искать там, но не нашли ни единого следа и отправились завтракать, вспотевшие и замученные. Я безумно устала от бесконечной ходьбы и уже предвкушала близкий отдых, как вдруг у меня возникла непреодолимая уверенность, что Пиппа находится в слоновьем лесу, и я уговорила Гаиту пойти туда. Когда мы пришли, я позвала Пиппу, она вышла на зов и повела нас обратно к дереву Отель — ровно на полдороге она произнесла свое «прр-прр», и

молодые оказались тут как тут. Как «сердце» Гаиту почуяло, что семейство перешло сюда? Откуда мне пришло в голову, что Пиппа вернулась в слоновий лес, и как она догадалась, что мы будем искать ее именно там и что нас можно будет привести к голодным малышам? Несмотря на то что наши «сердца» звали нас троих в три разные стороны, все вместе они помогли нам найти семейство Пиппы.

Интересно, что Эльса всегда приводила молодых в лагерь, чтобы мы их кормили, а Пиппа оставляла своих детей в зарослях и приходила за нами только в тех случаях, когда детям нужна была подкормка. В последний раз малыши сосали при мне в возрасте восьми недель. Теперь им было уже десять недель, но шерсть вокруг сосков у Пиппы была влажной — интересно, удастся ли им добыть хоть немного молока из высохших сосков или они просто-напросто «сосут пустышку»?

В эту ночь разразился проливной дождь, переполненная река, поднявшись почти на пятнадцать футов, вышла из берегов и подступила к самому моему «кабинету». На рассвете в стройный хор проснувшихся птиц по временам врывались голоса двух львов. Вскоре они неторопливо прошествовали мимо нашего лагеря, взглянув в нашу сторону так, словно привыкли видеть нас каждый день, и ушли вниз по течению.

По дороге к Пиппе мы нашли следы леопарда, шакала и гиены, а потом увидели двух жирафов. Они переплетали шеи в любовной игре, и сетчатые пятна на их шерсти складывались в изысканный узор, когда они кружились, поворачивались и плыли, покачиваясь, как на волнах. Какие это великолепные существа! Я вспомнила тех, кто вынужден — хоть и неохотно — жить в городах, и поняла, какое это счастье — быть всегда рядом с дикими животными, дружить с Пиппой,

даже если в этой жизни тебя подчас и настигают приступы одиночества.

Поискав часа четыре, мы увидели Пиппу высоко на дереве в слоновьем лесу. Все семейство порядком отощало и жадно набросилось на еду. На этот раз мне удалось подкормить их; но следующие три дня нам пришлось напрасно бродить по колена в траве, с тяжелыми комьями земли на ботинках. Однажды мы наткнулись на стадо буйволов голов в четыреста; они так размесили почву, что идти стало еще труднее. В другой раз мы видели жирафа-няньку, опекавшего четверку молодых разного возраста. Только эти рослые животные и могли жить в такой высокой траве, которая, казалось, выростала прямо на глазах.

Я волновалась, как там Пиппа с детьми, как ей живется в этих разросшихся джунглях, где каждую ночь хлещет дождь? Но когда мы наконец отыскали их, они неожиданно оказались в хорошем виде и прекрасном настроении; однако от целой козы в один момент остались только рожки да ножки. Молодые были так заняты едой, что не сразу заметили, что я обираю с них клещей, но стоило им обратить внимание на эту мою деятельность, как они разбежались. И чтобы показать, что не полагается приставать к другим во время еды, маленький Дьюме налетел на меня сзади и цапнул за спину.

На следующее утро я получила новый повод гордиться Пиппой: она не только сумела позаботиться о детях во время дождей — я увидела, как семейство доедало добытого ею молодого водяного козла; уже были съедены ребра, все четыре ноги и желудок. Такой выбор меня несколько удивил, но я подумала, что козленок, видимо, еще сосал молоко, и гепардам пришелся по вкусу желудок, наполненный молоком. Пиппа не получила ни царапинки, хотя следы

показывали, что ей пришлось выдержать сражение с матерью козленка.

В последующие дни Пиппа поджидала нас, взобравшись на высокое дерево, — мы замечали ее издалека, и это избавляло нас от длительных поисков. Молодым исполнилось двенадцать недель, и цвет глаз у них окончательно прояснился — они оказались трех разных оттенков, от темно-карего до светло-янтарного. Малыши открыли замечательное место для игр — целый город из термитников; между этими коническими башенками было так здорово гоняться друг за другом! Они играли в прятки, устраивали засады, подглядывали в щелки, взбирались на верхушки, чтобы обрушиться оттуда на спину жертвы, а затем скачками неслись обратно к Пиппе — и она тоже начинала кружиться и прыгать, как котенок. Около термитников было несколько небольших деревьев, и однажды Уайти застряла в развилке сучьев. Она забилась, пытаясь освободиться, и только вклинилась еще плотнее. Я испугалась, что она поранится, и вытащила ее из ловушки. Как она рассвирепела! К ней посмели прикоснуться! Истошно вопя, кусаясь и царапаясь, она вывернулась из моих рук и кинулась прочь; но зато по крайней мере осталась цела и невредима. Семье было так хорошо на этом месте, что она пробыла там целых три дня, до блеска отполировав за это время красноватую землю между термитниками.

Трава тем временем выросла по пояс и превратилась в настоящую ловушку для гепардов. Только травоядным — слонам, жирафам, жирафовым газелям — еще удавалось справиться с этой буйной растительностью, и то они старались не попадать в расползающиеся болота. Нам совсем не встречались мелкие животные, которые могли бы быть добычей для Пиппы, хотя мы целыми днями бродили не только в слоновьем лесу, но и дальше, на равнинах. Там, где

пронесся пожар, взошла свежая трава, и эти места теперь напоминали райский сад. Повсюду виднелись стада самых разнообразных антилоп, пасущихся среди голубых пентанезий, белого гелиотропа и алых лилий глориоза. Но куда пропала Пиппа? Дождь все лил, лил не переставая, и до нас доходили слухи о снесенных мостах и человеческих жертвах. Сами мы тоже по временам увязали, но потом снова месили грязь по пять-шесть часов в день, не встречая ни одного следа наших подопечных. Останутся ли гепарды в живых? Пока Пиппа жива и здорова, она как-нибудь ухитрится прокормить малышей; я сама недавно видела, как она ловила франколина: прыгнула за взлетевшей птицей и сшибла ее. Но если она попадет в беду? Малышам тогда ни за что не выжить.

Однажды мы ползли по раскисшей дороге в машине, где лежало немного мяса на тот случай, если найдем гепардов; мясо уже сильно пахло, но все же, как видно, привлекло льва, и он вышел на дорогу. Остановившись, мы смотрели некоторое время, как он принюхивается, но потом он стал подходить, и мы во избежание неприятностей поехали дальше. Позже, уже на обратном пути, мы увидели, что все деревья возле того места, где нам попался лев, чуть не ломаются под тяжестью грифов. У меня дрогнуло сердце: а вдруг на этот раз добычей оказался гепард? Но лев терзал мертвого жирафа, и я успокоилась.

Жизнь в лагере сделалась невыносимой: во время дождей страшно расплодились змеи и скорпионы, мало этого — дожди пошли на пользу сахарным муравьям, яйца которых попадались нам во всех ящиках и даже в книгах между страниц, а деревянные шесты в палатках были покрыты глиняной коркой, под которой скрывались все пожирающие термиты. После наступления темноты стало совершенно невозможно читать, потому что лампа привлекала целые рои

насекомых. Крыша из пальмовых листьев пропускала воду, и почти всю ночь приходилось жонглировать тазами, чтобы ловить прорвавшиеся струи воды.

За неделю мы успели обыскать все места, где могла бы скрываться Пиппа, кроме равнины Гамбо на той стороне реки. В прошлый период дождей Пиппа туда не заходила: должно быть, боялась, что вздувшаяся река отрежет ее от нас. Теперь равнина так и кишела животными, и у меня осталась последняя надежда — она там. После долгих поисков мы нашли вчерашний след гепарда примерно в двух милях вверх по реке, а потом отыскиали еще два следа всего в полумиле от лагеря. Если это были следы нашего семейства, почему же Пиппа не пришла в лагерь? Мы бродили кругом до темноты и все время звали ее. Когда же вернулись в лагерь, я вдруг почувствовала, что к моим коленям прижалась Пиппа. Она показалась мне очень маленькой и очень жалкой. К счастью, у нас было свежее мясо зебры, и я дала ей большой кусок. Она тут же оттащила его ярдов на четыреста, бросила на землю и стала тревожно звать: «И-хн, и-хн, и-хн». Я послала Гаиту принести еще мяса. Как только он скрылся, малыши вышли из кустов и набросились на пищу, опасливо косясь на меня. Все они были в хорошем состоянии и сильно подросли, хотя лапы казались непропорционально длинными. Они очень проголодались и дрались из-за мяса, но было ясно, что Пиппа за эти восемь дней по крайней мере дважды должна была принести добычу, чтобы держать семейство в такой форме. Один из малышей так дрожал от жадности и заглатывал мясо с такой скоростью, что оно тут же выскакивало обратно. Мне пришлось поманить его отдельным куском в сторону, и там он успокоился и даже позволил мне держать мясо, пока он самозабвенно отрывал кусочки. Мне показалось, что это был маленький Дьюме, которого всегда оттирали при

дележе пищи, но в темноте было трудно разглядеть его как следует. Расправившись с двадцатью фунтами мяса зебры, все семейство исчезло. Я отпраздновала этот случай, наградив африканцев сахаром и почо (кукурузной мукой); хотелось отблагодарить их за старание помочь Пиппе и малышам в эту тяжелую неделю.

Семейство на несколько дней обосновалось примерно в миле от лагеря вверх по течению. Хотя я приносила ежедневно очень много мяса, Пиппа была так ненасытна, что порой вырывала его изо рта у детенышей. Наконец мне стало невмоготу переносить этот эгоизм, я возмутилась и ударила ее. Впервые в жизни я наказала ее таким образом, и ее это удивило, а меня расстроило. Она никогда раньше не мурлыкала, если поблизости были дети, — чтобы они не ревновали, — и я очень растрогалась, когда она подошла ко мне и с мурлыканьем потерлась о мои ноги, словно говоря: «Давай помиримся». Но урок она усвоила прекрасно — в течение следующих двух дней она сидела в сторонке, пока молодые наедались досыта.

Им исполнилось четырнадцать недель, и я не сомневалась, что они уже бросили сосать. Я думала, что у Пиппы такой непомерный аппетит из-за глистов, поэтому в следующий раз захватила с собой таблетки цестарзола и скормила их Пиппе, пока молодые справлялись с козьей тушей. В течение пятнадцати минут из нее вышло невероятное количество глистов (она предусмотрительно отошла подальше от обедающих малышей). После этого она часа два приходила в себя. Дьюме прижался к ней и лизал ее, пока его сестры были поглощены едой. Мясо привлекло полчища муравьев, и они яростно набросились на тушу, не трогая гепардов, которые в свою очередь не замечали их и продолжали пировать. Когда Пиппе полегчало, она тоже поела, а потом «схоронила»

остатки, забросав их землей. Любопытно, что закапывала она только тушу (даже если ее приносили мы) и никогда не поступала так с кусками.

Я постоянно рассматривала экскременты малышей и до сих пор не находила в них глистов, но меня беспокоило, что маленький Дьюме за последнее время сильно сдал и был весь покрыт клещами — а они всегда массами нападают на больных животных. Никаких симптомов болезни мне обнаружить не удалось, и я обычно припасала несколько лакомых кусочков, которые скармливала ему из рук. Он очень быстро сообразил, что так получать еду гораздо удобнее, чем в сражениях с собственными сестрами, и с тех пор мне часто приходилось держать ему мясо. Вообще он был достаточно активен и, несмотря на малый рост, по-прежнему верховодил у молодых.

Новое жилье Пиппа выбрала на плоской вершине большого термитника: вся семья свободно размещалась там и могла оттуда осматривать окрестности. Над ним нависало небольшое дерево — бесконечный источник развлечений для малышей. Иногда я вешала на сук обрывок козьей шкуры, и они наперебой старались сорвать его; выигрывала обычно Уайти. Она гордо расхаживала с добычей, дразня других, пока они не бросались ее догонять; Пиппа созерцала все это свысока, важно развалившись на вершине термитника. Но этот отдых продолжался недолго: молодые начинали подбираться к ней, тянули за хвост или пытались жевать ее уши, а потом скатывались вниз по склону, кувыркаясь друг через друга. Я называла это место «Термитник номер один», потому что мы всегда встречались там с Пиппой, когда она оказывалась поблизости. Наши встречи не ускользнули от внимания медоуказчика. Он появился в одно прекрасное утро, сел на дерево и возбужденной болтовней постарался привлечь наше внимание. Эта буроватая птичка хорошо

известна — она часто приводит людей к пчелиным гнездам, до которых сама не может добраться, в надежде, что и ей тоже кое-что перепадет. Гаиту пошел следом за щебечущей птичкой и неподалеку увидел клубящихся у входа в дупло пчел. Он расширил отверстие, получив несколько укусов, зато у нас теперь был мед и мы честно поделились им с медоуказчиком.

В период дождей животные большей частью держатся на своей территории, и я удивилась, заметив возле лагеря чужую львицу с тремя восьмимесячными львятами. Как-то мое внимание привлек оглушительный галдеж, который подняли павианы — они скакали по деревьям на другом берегу; я пошла посмотреть, что там такое, и увидела тощую-претощую львицу с такими же тощими львятами. Они направлялись к Пиппиному термитнику; наверно, были невыносимо голодны, если решились выйти в такое время. Я испугалась за наше семейство и позвала Гаиту; вдвоем нам удалось направить прайд в другую сторону. Позднее, когда мы пришли навестить Пиппу, она ушла — в последнее время это была ее обычная реакция на наши вечерние посещения. Она мирилась с нашим присутствием, когда мы приносили еду, но в остальное время предпочитала оставаться наедине со своими детьми.

Когда приехал Джордж, я повела его посмотреть на гепардов. И хотя мы подходили очень тихо, Пиппа успела заметить нас и затаилась, а молодежь обратилась в бегство — один только Дьюме был с матерью. Оставив Джорджа поодаль, я одна понесла Пиппе мясо, но прошло не меньше часа, пока она убедилась, что все спокойно, и принялась за еду. Потом в кустарнике на порядочном расстоянии я разыскала молодых и предложила им мясо. Откуда ни возьмись передо мной возникла Пиппа, и все время, пока мы были там, она оставалась на защитной позиции между мной и своими детьми. И, конечно же, не кто иной, как Дьюме,

подобрался и шлепнул меня лапой по руке, словно защищая свою мать. Когда Джордж осторожно приблизился ярдов на шестнадцать, котята зашипели и зарычали на него. Мы поспешно отступили.

Увидев, как подозрительно Пиппа встретила Джорджа, которого прекрасно знала, я окончательно запретила кому бы то ни было подходить к гепардам. На другой день после основательной трапезы гепарды стали добродушнее и ласково лизали друг другу языки, пока не появились восемнадцать жирафов. Конечно, храбрый маленький Дьюме тут же помчался за ними. Он подобрался к ним уже ярдов на сто, когда к нему присоединилась Уайти, но Пиппа произнесла свое «прр-прр», и все гепарды убежали.

На равнине Гамбо наши гепарды отыскали отличное логово и задержались в нем надолго. Это было укромное местечко, скрытое тремя большими, лишенными шипов кустами; до этого здесь часто бывали буйволы. Под прикрытием густой листвы семейство могло просматривать равнину во всех направлениях и спокойно поедать добычу, потому что грифы, ничего не видя сверху, не докучали им. Хотя эти птицы и не нарушали трапез, зато сами молодые гепарды стали яростно сражаться во время еды. Два котенка нос к носу, сгорбившись и плотно прижав уши, выпускали угрожающие вопли, вцепившись мертвой хваткой в кусок мяса. Иногда это продолжалось так долго, что остальные успевали прикончить все мясо без остатка. Драчуны вполне сознательно шли на риск — очевидно, помериться силами было для них гораздо важнее, чем наесться досыта. Маленькому Дьюме приходилось туго, несмотря на его смелость, потому что он не мог справиться с более сильными сестрами. К счастью, он достаточно привык ко мне и всегда выбегал вперед, чтобы получить свою долю из моих рук. Однако он не прибавлял в весе, а однажды утром на него

напали жестокие судороги. Дьюме вообще ел плохо, его всегда приходилось долго уламывать. Ведь все, что происходило в мире, было так любопытно, до еды ли тут! Он обладал исключительно быстрой реакцией и всегда первым замечал опасность.

Интересно, что гепарды совершенно не обращали внимания на трех буйволов, хотя один раз те оказались совсем рядом. Несколько дней спустя котята так же игнорировали пару слонов, которые подошли так близко, что мы поспешно ретировались. Однако стоило им услышать хотя бы негромкий голос льва, и они тут же удирали, но возвращались, как только львы уходили. Молодые затевали чудесные игры на деревьях и кустах; собственно говоря, они больше времени проводили в воздухе, чем на земле. Мне никогда не надоедало смотреть на их выходки. Иногда Пиппа — видимо, из ревности — тоже присоединялась к общему веселью. Молодые, как мартышки, носились вверх и вниз по ветвям; случалось, что они прыгали прямо на мать или лазили друг через друга, как по ступенькам. Пиппа была намного крупнее, и это ей очень мешало. Они были по-настоящему счастливы — стоило только послушать, как они мурлыкали хором! Я старалась приносить мяса больше, чем они съедали, и все-таки часто оказывалось, что они сосали Пиппу — должно быть, просто для удовольствия.

Мы уже два месяца не видели отца семейства и вот однажды обнаружили его след возле Кенмера — он шел в другую сторону от семьи. Как и обитавший здесь лев, гепард обходил свою территорию за две-три недели. Он был вынужден скитаться, чтобы добывать пищу, потому что животные, естественно, покидали места его недавней охоты. Он долго не приходил к собственному семейству, но причиной было не только наше присутствие. Скорее всего это объяснялось привычками кормящих львиц и самок гепарда — они обычно не

спариваются, пока все их внимание поглощено воспитанием молодых. У львов этот период добровольного «регулирования рождаемости» продолжается два-три года, а вот как долго он длился у гепардов — до сих пор не было известно.

Пиппа пробыла в «логове буйвола» двенадцать дней, но это место наводнили муравьи, и семейству пришлось «переехать». Насколько мне известно, это был самый долгий срок, когда гепарды не трогались с места, — несомненно, только потому, что мы приносили им еду. Маленький Дьюме опять был нездоров — очевидно, у него начался рахит, при ходьбе передние лапы выгибались наружу. Джордж посоветовал мне прибавить к мясу и поливитаминам еще и фарекс. Малыши были в восторге от этой еды, особенно Дьюме, — он никак не мог оторваться от миски с молоком, в которое я подмешивала это детское питание.

Как-то в дождливое утро я приехала в зеленом плаще из пластика. Молодых как ветром сдуло, они обнаружили только после того, как я сняла незнакомое одеяние. Конечно, я тут же промокла насквозь — впрочем, это даже приятно, когда тепло, — но меня очень встревожило, что Дьюме дрожит. На другой день он сильно прихрамывал на правую переднюю лапу, а когда я дотронулась до его плеча, ему явно стало больно. Температуры у него не было, ел он с аппетитом, и я решила, что он просто растянул связки, прыгая с дерева. На следующее утро ему стало хуже и он, как будто сознавая свою уязвимость, старался спрятаться. Я боялась, что в таком состоянии он станет легкой добычей для хищников, и мне хотелось взять его в лагерь, пока он не выздоровеет, но Гаиту воспротивился — он считал, что, если я его заберу, Пиппа перестанет мне доверять. Понаблюдав за Дьюме два часа, я поехала к директору парка за

советом. Он тоже считал необходимым оставить Дьюме с матерью — разве что она его бросит. Было решено охранять семейство от опасности, но когда я вернулась после обеда, то не нашла ни следа, хотя вряд ли им удалось уйти далеко — ведь с ними был больной Дьюме.

На следующее утро мы увидели их на расстоянии ста ярдов от прежнего места. Моросило, малыши, освеженные дождиком, носились друг за другом, разбрызгивая мелкие лужицы, и извозились по уши. Маленький Дьюме тоже хотел поиграть, но сделал всего несколько шагов и свалился. Он сам понимал, что с ним что-то неладно, и старался держаться в стороне, но потом подошел и лизнул мою руку. А Пиппа тем временем затеяла борьбу с Уайти из-за куска мяса. Стараясь вырвать мясо, она ходила вокруг дочери, а та, лежа на спине, крепко держала кусок и при этом перекачивалась с боку на бок, чтобы не терять мать из виду, и защищала мясо когтями и зубами, когда Пиппа пыталась его выхватить. В конце концов победила Уайти, и Пиппе пришлось уйти ни с чем. Я подумала, что это, возможно, хорошо продуманный урок — Пиппа учила детей защищать свою добычу.

Меня беспокоил Дьюме, и я поехала к Скале Леопарда, чтобы вызвать по радио доктора Харторна. Но он уже уехал в новогодний отпуск и мне пришлось поговорить с другим ветеринаром, который посоветовал прибавлять в еду Дьюме распаренную костяную муку и от матери его не забирать. Он считал, что Дьюме растянул сухожилие и недели через две-три будет здоров. На следующий день, к моей радости, Дьюме как будто чувствовал себя лучше, но ни на шаг не отходил от матери и бродил за ней как привязанный. Она даже отвесила ему оплеуху, и это меня подбодрило: она не обращалась бы с ним так, если бы он был серьезно болен.

Вернувшись в лагерь, я нашла там Джорджа. Он был в глубоком отчаянии — дикий лев убил Сэма. Я понимала, что творится с Джорджем. Мы оба любили этого славного львенка — он был весьма незаурядной личностью. Нам было очень тяжело, что он погиб так нелепо и, так же как Тага, в канун рождества. К счастью, 24 декабря Дьюме стало легче, он даже немного поиграл с сестрами; Уйти все время была рядом с ним. Надеюсь, что он скоро совсем поправится, я вернулась домой и занялась рождественским обедом. Я ждала Джорджа с братом и Кена Смита, который, как помнят те, кто читал «Рожденную свободной», дважды сыграл существенную роль в жизни Эльсы. С ними приехал молодой Аран, и мы провели этот вечер как нельзя лучше.

Глава 13

Смерть маленького Дьюме

В день рождества у Дьюме отнялась задняя лапа. Меня мучил страх за него, и я хотела взять его в лагерь, но нужен был ветеринар, чтобы дать ему снотворное, иначе все попытки изловить его принесли бы больше вреда, чем пользы. Как и следовало ожидать, все учреждения по случаю рождества были закрыты и любая связь, даже по радио, была практически прервана. Пока я добивалась, чтобы к нам вылетел ветеринар — а на это ушло три дня, — Гаиту с рассвета до заката не отходил от гепардов, охраняя их от хищников и следя за переходами, которые Пиппа свела к минимуму. Дьюме день ото дня становилось хуже. Теперь он мог легко попасться в зубы любому льву. Я больше не решалась оставлять его на ночь в зарослях и попросила Джорджа помочь мне поймать его. Но, чтобы не встревожить гепардов, как в прошлый раз, Джордж не стал подходить и наблюдал за ними в бинокль. Я протянула малышу кусок мяса, но, несмотря на все мои старания вести себя как можно непринужденнее, он все же что-то заподозрил и заковылял прочь на двух здоровых лапах, да так торопливо, что у меня не хватило духу преследовать его — это было бы жестоко. Я решила пойти на риск и переждать еще одну ночь, последнюю ночь в зарослях — утром должен был прилететь доктор.

Наутро мы едва отыскали семейство — несомненно, они стали осторожнее после нашей попытки изловить Дьюме. Я приготовила совсем немного мяса, чтобы спрятанное в нем снотворное подействовало скорее. Но Дьюме не давал себя одурачить и изо всех сил ковылял

в сторону, как только я подходила. Пиппа тоже забеспокоилась и увела детей. Около полудня я встретила ветеринара в Кенмере и сразу же привезла его к гепардам. Не успели мы показаться, как Дьюме пустился наутек, а за ним — Уайти, и оба исчезли из виду. Меня очень беспокоило, что бедняга Дьюме вчера поел совсем немного, а сегодня у него ни кусочка во рту не было. Но нельзя было пугать его еще больше, и мы решили сначала добиться доверия Пиппы. Мы осторожно подошли поближе, присели в двух ярдах от нее и заговорили с ней очень спокойно, так что она немного спустя разрешила ветеринару погладить себя и даже слегка прикусила его руку. Мы не ожидали такого успеха: теперь, когда нам была обеспечена ее дружба, мы ушли домой. Утром к нам на помощь приехал Джордж, и, захватив в Кенмере козу, мы проехали примерно полдороги до логова гепардов. Там я попросила Джорджа и ветеринара подождать, пока я не сообщу им, как обстоят дела. Мы с Гаиту пошли вперед, нагруженные козьей тушей, и едва не налетели на спящего носорога — его невозможно было отличить от термитника, пока он не зашевелился. Два часа мы бродили, таща на себе тяжеленную тушу, пока не отыскали гепардов и не избавились от нее. Все семейство набросилось на мясо, но маленький Дьюме где-то скрывался. Неужели он опять испугался? Я послала Гаиту за ветеринаром — тот должен был подойти на пятьсот ярдов и спрятаться, чтобы гепарды его не видели. Ему пришлось просидеть там два часа — как раз столько, сколько понадобилось, чтобы Дьюме отважился подойти ко мне. Он был очень голоден — два дня без еды! — и все же отшатывался, как только я протягивала ему миску с молоком, в котором было подмешано снотворное. Чтобы завоевать его доверие, пришлось дать ему небольшой кусочек печенки с таблетками поливитаминов. Но мне понадобилось

величайшее терпение, чтобы скормить ему снотворное: я проливала молоко прямо ему на лапы, а он слизывал его — да так и принял всю порцию.

Потом я отошла к ветеринару, и мы стали ждать, пока Дьюме хотя бы задремлет. У кошек вообще неожиданные реакции на все лекарства, и ветеринар рассчитал дозу снотворного на минимальный вес в 10 фунтов, чтобы в случае необходимости увеличить ее. Этого явно оказалось недостаточно: через два часа я застала Дьюме вполне бодрым; единственным признаком действия ларгактила было то, что мигательная перепонка (третье веко) слегка прикрывала глаза. Козу доели, и Пиппа, спрятав остатки, перешла с молодыми в кусты ярдов на сто дальше. Мы с ветеринаром завтракали тут же, на траве, чтобы дожидаться действия снотворного, но маленький Дьюме засыпать не собирался. Мы не видели никакой возможности увеличить дозу, поэтому решили поймать его и впрыснуть быстродействующее снотворное. Мы стали подходить ближе. Увидев ветеринара, все самки удрали в кусты, ярдов за сто, а я погналась за Дьюме. Он отчаянно ковылял, словно спасая свою жизнь, и так быстро, что мне было нелегко нагнать его. Только когда он, видимо прибегая к последнему средству спасения, попытался вскарабкаться на дерево, я стащила его вниз. Совершенно обессиленный, он лежал без движения, только сердце отчаянно билось. Пиппа, бежавшая за ним рядом с нами, теперь села в трех футах от нас и смотрела, как я глажу маленького Дьюме, чтобы хоть немного успокоить его. Она не мешала нам — даже когда подошел ветеринар и, впрыснув быстродействующее снотворное, стал вместе со мной осматривать лапы малыша. К, сожалению, он не мог установить степень повреждения и заявил, что Дьюме необходимо сделать рентген в Найроби. Он советовал поторопиться, воспользовавшись

полубессознательным состоянием Дьюме, и ехать прямо на аэродром к Скале Леопарда, откуда директор доставит их обоих в Найроби. Я послала Гаиту за Джорджем, чтобы он подбросил нас на своей машине.

Пока мы ждали машину, маленький Дьюме лежал у меня на коленях. Эта поездка в Найроби приводила меня в ужас, потому что там он будет оторван от всего, что ему привычно и дорого; но ведь иного выхода не было, надо было думать только о его спасении. Пиппа уже отошла к оставшимся малышам, и все они напряженно следили, как мы забирали Дьюме. До Скалы Леопарда мы ехали минут пятнадцать; бедный Дьюме все время рычал каким-то странным голосом: наверное, ему не нравилось ехать на машине — он впервые в жизни знакомился с этим способом передвижения. В Скале Леопарда мы взвесили его, и ветеринар ввел ему очередную дозу ларгактила уже в расчете на истинный вес гепарда — 18 фунтов. Лететь вместе с Дьюме я никак не могла: во-первых, самолет был двухместный, а во-вторых, нужно было остаться с Пиппой, чтобы помочь ей преодолеть беспокойство и сохранить ее доверие. Поэтому я договорилась с доктором, что он будет ежедневно связываться с нами по радио, а он заверил меня, что я напрасно беспокоюсь, что они сами с женой будут ухаживать за Дьюме, держать его дома и следить, чтобы он не слишком нервничал. Я понимала, что отдаю Дьюме в хорошие руки, но как знать: что если я вижу его в последний раз?.. Нелегко было у меня на сердце, когда я проводила глазами взлетающий самолет.

Я сразу пошла к гепардам — они оставались на том же месте, откуда мы увезли Дьюме. Увидев нас, они бросились врассыпную, и прошло не менее получаса, прежде чем вернулась одна Пиппа. Она обнюхивала землю там, где лежал Дьюме, продираясь сквозь заросли, где он прятался, и не переставая звала: «И-хн,

и-хн». Мучительно было смотреть, как она ищет сына. Наконец она взобралась на дерево, с которого я стащила Дьюме, и стала осматриваться. Я предложила ей воды — она к ней не притронулась. Я гладила ее и шепотом объясняла, что забрала маленького Дьюме, чтобы он опять стал здоровым, что больной он вряд ли выжил бы и другие малыши из-за него тоже были бы в опасности, ведь ей пришлось бы в первую очередь его защищать от врагов. Она как будто поняла меня и тихо замурлыкала. Солнце уже заходило, и я представила себе, как маленький Дьюме приземляется — он крепко спит и знать не знает, какой страшный зверь доставил его в Найроби. Размышляя о его болезни, я вспомнила, что он девять дней волочил переднюю лапу, а потом отказала и задняя; из-за этих больных лап он не мог драться за пищу — несомненно, именно поэтому он так быстро сдал.

Утром я надела тот же костюм, что и вчера, надеясь, что запах Дьюме обеспечит мне доверие Пиппы. Она опять была на дереве, где я изловила Дьюме; молодые сразу же убежали. Пиппа долго обнюхивала мои шорты, а потом принялась за еду. Позже появились и молодые, но они вели себя очень осторожно, не стали играть и, сидя на поваленных деревьях, все время оглядывались. Их мать тоже поминутно озиралась и все время звала: «И-хн, и-хн». Вечером директор передал нам сообщение ветеринара. Рентген обнаружил перелом предплечья на передней ноге и перелом задней голени. В фиксирующей повязке нет необходимости, ни гвоздей, ни гипса не будет, потому что переломы легкие, но задняя нога все же останется более короткой — хотя и не настолько, чтобы сильно мешать ему. Через десять дней сделают новый рентгеновский снимок и, если он покажет улучшение, мне отдадут Дьюме, но придется недели три-четыре подержать его в лагере, перед тем как снова выпустить на свободу. В конце разговора

доктор попросил меня не волноваться: он сделал Дьюме прививку против болезни, от которой в Найроби страдали многие кошки.

Разговор этот меня успокоил. Конечно, я все равно рвалась в Найроби, чтобы как можно скорее подбодрить маленького Дьюме, но стоило мне увидеть Пиппу на следующий день, как все планы вылетели из головы. Она все еще оставалась на том же месте, где был пойман малыш, вынюхивала его следы на песке и звала не умолкая: «И-хн, и-хн». А остальные дети тихо сидели на деревьях и смотрели в пространство.

В канун Нового года я попросила у директора парка проигрыватель и, как только стемнело, поставила фонограмму из «Рожденной свободной». Музыка приобрела особую глубину в безмолвии африканской ночи, и я вспомнила о молодом авторе — Джоне Хэминвее; он совсем недавно навещал нас. Он тогда писал книгу о тех, кто посвятил жизнь дикой природе, и после разговора со мной, Джорджем и еще несколькими людьми сказал так: «Жители зарослей стремятся к той неограниченной свободе, которую может дать только жизнь среди дикой природы». И, сознавая, как я счастлива, что могу вести именно такую жизнь, несмотря на все заботы и огорчения, которые порой приносит близость к диким животным, я предложила тост за новое счастье для всех — и особенно для маленького Дьюме.

Целых шесть дней семейство не уходило с места, где был пойман Дьюме; они постоянно звали и искали его. Только теперь, когда я увидела всю семью в подавленном состоянии, я поняла, как необходим был им этот маленький предводитель. Их отчаяние разрывало мне сердце.

В праздники мне не удалось связаться с ветеринаром, а когда я наконец поговорила с ним 3 января, оказалось, что Дьюме в первые дни объявил

голодовку и только сейчас стал понемногу успокаиваться и брать еду. К его возвращению мы подготовили вольер примерно в двадцать квадратных ярдов, в котором было небольшое деревце и закрытое помещение для сна. Вольер был недалеко от моей палатки. 6 января ветеринар сообщил, что Дьюме быстро поправляется и можно надеяться, что 9-го числа после рентгена я смогу его забрать. Он посоветовал мне приготовить клетку 6 на 6 футов, чтобы подержать в ней Дьюме три-четыре недели, перед тем как выпустить в большой вольер.

Утром я смотрела, как малыши прыгают с деревьев и лупят друг друга почем зря, — и меня поражало, как они ухитряются не повредить свои хрупкие лапки. В последнее время Пиппа очень сурово обращалась с детьми, а иногда решительно нападала на них, и я пришла к выводу, что она обучает их приемам самозащиты.

Ночью с 8 на 9 января я внезапно проснулась от сильной тревоги за Дьюме. Наутро я связалась по радио с ветеринаром и вот что услышала: «Ночью Дьюме умер. До 6-го все было хорошо, оба перелома почти срослись. Вечером его тошнило, но я дал ему лекарства, и он снова стал есть. Сегодня утром я нашел его мертвым. Вскрытие показало, что он умер от инфекционного кошачьего энтерита, хотя я ввел ему 4 кубика вакцины Хехста». Сдерживая слезы, я спросила: «Значит, Дьюме погиб от болезни, которой заразился в Найроби?» Доктор ответил: «Да». Я знала, каким молодцом был наш маленький Дьюме, и поняла, что он так легко поддался болезни только потому, что тоска понизила его сопротивляемость и ему не хотелось больше жить. Мне было невыносимо трудно показать его семье. Они ждали еду, оставаясь все еще возле того места, где мы забрали Дьюме. Когда они наелись, я села рядом с Пиппой. Казалось, она поняла мое горе и догадалась,

что произошло, потому что не мурлыкала и не лизала мне руки, как в тот раз, когда я рассказывала ей о выздоровлении Дьюме.

Слишком расстроенная, чтобы заниматься повседневными делами, я решила поехать в лагерь Эльсы и постараться воспоминанием о ней развеять свое горе. Меня преследовала мысль, что я должна была поехать в Найроби, чтобы маленький Дьюме воспрянул духом, увидев рядом знакомое лицо.

Многие люди считают, что животные ничего не чувствуют, когда умирает кто-то из них, разве что иногда немного скучают. Но я видела, как вели себя дети Эльсы после ее смерти, я видела и то, как Пиппа с дочерьми искала и звала Дьюме, и теперь убеждена, что они способны на гораздо более глубокие чувства. Моя уверенность в этом только возросла, когда на следующее утро мы обнаружили гепардов далеко за пределами той территории, где бывал Дьюме. Можно ли считать это простым совпадением или они ушли, как только Пиппа поняла по моему поведению, что Дьюме никогда уже не вернется?

Когда мы подошли, гепарды лежали на термитнике. Вдруг появились три буйвола, и так близко, что нам стало не по себе. Но гепарды не обратили внимания на этих мощных животных — их гораздо больше интересовала кобра, которая, извиваясь, ползла у подножия термитника: вытянув шеи, они следили за страшной змеей. Эта кобра была длиннее всех, каких мне только приходилось видеть, и толщиной с мою руку. Я закричала, чтобы малыши не вздумали сунуться к ней, но, к счастью, змея быстро заползла в какую-то дыру. Земля вокруг этого термитника была изрыта трубкозубами, и змеи здесь явно водились во множестве, так что я стала волноваться за жизнь гепардов. Но им это место нравилось, и они часто там играли. В этот день малышей так и распирала энергия,

и они носились вокруг термитника, вверх и вниз по его склонам, пикировали друг на друга с верхушки или скатывались кучей вниз к подножию. Наконец, набегавшись, они разлеглись на термитнике, и тут Уйти в первый раз взяла мою руку в пасть, а Мбили даже позволила погладить себя. Только Тату по-прежнему оставалась нелюдимою — она отползала, даже когда я на нее пристально смотрела.

Глава 14

Спасение Уайти

Вечером этого дня мой лагерь посетила группа из Швейцарии. Среди туристов был доктор де Ваттвиль, всемирно известный гинеколог и большой любитель животных. Мы заговорили о том, что препятствует размножению гепардов в неволе, и он высказал предположение, что на поведение самки сильно влияет окружающая обстановка. Гепарды чувствуют себя хорошо только тогда, когда могут беспрепятственно бегать на свободе, кроме того, для них характерна инстинктивная потребность скрываться, так что искусственные условия могут повлиять на самку очень неблагоприятно.

Чем дальше я жила рядом с семейством Пиппы, тем больше меня поражала их тончайшая восприимчивость не только по отношению друг к другу, но и ко всему, что их окружало. Потому для меня было совершенно неожиданно, что они реагировали гораздо больше на цвет, чем на остальные признаки. Молодые каждый раз удирали, увидев мой зеленый плащ или защитного цвета костюм вместо привычного кремового полотняного пальто. Хотя и для нас цвет тоже не безразличен, но все же людей мы узнаем скорее по их облику или характерным движениям. Конечно, мои выводы основаны только на наблюдениях за львами и гепардами, но они определенно не узнавали нас в незнакомой одежде. В последнее время, начитавшись самых противоречивых статей о том, что полосы, пятна и многие другие отметины у животных служат для того, чтобы остальные узнавали их по незначительным индивидуальным вариациям этого узора, я углем

нарисовала на своем кремовом пальто полосы. На моих сотрудников этот маскарад произвел потрясающее впечатление, но гепарды не обратили на полосы никакого внимания и даже не заметили мой «индивидуальный узор».

Привычка удирать от незнакомых людей целиком зависит от того, насколько животные приручены. Это проявилось особенно наглядно, когда приехала киногруппа, чтобы заснять нашу работу по возвращению животных к дикой жизни. Джордж в последнее время позволял всем посетителям общаться со львами, даже разрешал им ходить среди животных, и его прайд отнесся к группе спокойно. Но я не подпускала к гепардам чужих и теперь согласилась на съемки лишь при условии, что снимать будет только один оператор и только в том случае, если его присутствие не беспокоит гепардов. Мы потратили бездну терпения и проявили величайший такт, но все-таки Пиппа с молодыми на второй день скрылась и не появлялась целую неделю. Однажды вечером мы наконец отыскали их, но и тут за нами пошла только Пиппа. Она подошла к лагерю примерно на полмили и уселась на земле. Пока я готовила еду, стало почти совсем темно, и лай павианов показывал, что молодые где-то неподалеку. Они не получали мяса из моих рук целую неделю и все-таки не вышли из укрытия. Я прождала два часа и ушла домой. Весь следующий день мы провели в поисках. Когда стемнело, Пиппа опять появилась одна, оставив молодых в укрытии. Прошло немало времени, прежде чем она разрешила им подойти своим «прр-прр», и все отлично пообедали.

На обратном пути нам попались пять зебр Гриви с жеребенком, который ковылял на трех ногах — одна из передних ног у него беспомощно болталась. За последние три недели мы не раз встречали эту компанию — они держались на одном месте, видимо

выжидая, когда поправится жеребенок. Я подумала о том, как хорошо зебра защищает своего сосунка, который был гораздо серьезнее искалечен, чем Дьюме, и поняла, что нельзя было разлучать его с Пиппой. Вообще, какое мы имели право вмешиваться в жизнь другого вида? Разве каждый вид не приспособлен к тому, чтобы слушаться своих инстинктов и бороться за существование только вместе со своими сородичами? Неужели у нас мало доказательств, чтобы осознать, к каким опаснейшим последствиям приводит наше вмешательство в природное равновесие? Как нам удалось примирить свою совесть с этим постоянным превышением наших прав? И все же — могу ли я поручиться, что не стану вмешиваться, если что-нибудь снова стрясется с моими гепардами? Даже теперь я не сумела бы ответить на этот вопрос.

На другой день мы обнаружили, что гепарды ушли еще дальше, к густому лесу, который мы прозвали Буйволиной чащей, потому что там всегда было полно следов буйволов. От лагеря туда было полчаса ходу — лес находился примерно на полпути между ручьем и Ройоверу. Молодые с упоением прыгали с поваленного дерева. Вдруг я заметила, что одна из передних лап у Мбили слегка вывернута наружу. Немного погодя она присела в сторонке, и ее начали корчить судороги — точно такие, как у Дьюме в начале болезни. Это было ужасно! Ведь малыши великолепно развивались четыре месяца — откуда вдруг эти признаки рахита? Что я могла сделать — только давать ей двойную порцию фарекса, который она очень любила; но, чтобы уговорить ее есть поливитамины и костную муку, я истощила всю свою изобретательность. Только впоследствии я узнала, что в период бурного роста кошки нуждаются в большом количестве минеральных солей и стараются получить их, поедая глину и слизывая песок друг с друга. Несколько дней гепарды

провели в этом месте, не обращая внимания на множество буйволов. Мбили вела себя спокойно, и я с радостью заметила, что ее лапа поправляется. К счастью, она так обожала молоко с фарексом, что каждый раз неслась ко мне со всех ног и успевала наестся, пока не налетали ее сестрички и не поднимали свару из-за остатков. Они разом залезали головами в маленькую миску и разбрызгивали все содержимое друг на друга.

Но этому мирному существованию пришел конец — началось нашествие львов, которых привел сюда охотничий инстинкт. По дороге к Пиппе мы встретили пять львиц, а потом чуть не столкнулись с пятью слонами в Буйволиной чаще, так что я не удивилась, обнаружив исчезновение гепардов. Во время поисков мы разбудили дремлющего льва; его темногривая голова внезапно поднялась над травой не больше чем в двадцати ярдах от нас. Он посмотрел на нас долгим взглядом и удалился рысцой. В другой раз мы видели двух львиц на водопое у Ройоверу — а Пиппа особенно любила это место. Немного погодя мы заметили гепарда, который прыжками несся прямо в ту сторону, где были львицы. Может быть, это был спутник Пиппы; он был очень темный, и недалеко от его следов мы нашли следы Пиппы с детьми. Ночью львы прошли мимо нашего лагеря и ушли по дороге к Кенмеру. В противоположной стороне мы нашли гепардов — на девятый день. После мучительных поисков мы возвращались домой и вдруг увидели вдали кружащихся грифов. Пройдя немного в том направлении, мы нашли Пиппу, отчаянно защищавшую от грифов остатки водяного козла. Молодые с набитыми животами отдыхали, слизывая друг с друга кровь. Они очень хотели пить, сразу бросились к знакомой миске с водой и лакали не отрываясь. Я внимательно следила, чтобы они не проливали драгоценную воду, которую мы

полдня таскали с собой, и была так поглощена этим, что не заметила, как из зарослей вышли три слона: я увидела их, только когда они подошли к нам вплотную. Мы бросили все и обратились в бегство.

На следующее утро, когда мы вернулись за миской для воды, все семейство бесследно исчезло; мы нашли только остатки цесарки, которую, должно быть, убила Пиппа. Следующую неделю она провела под акацией, которая росла в одиночестве на краю Буйволиной чащи. Мы назвали ее Угловой акацией. Это была типичная зонтичная акация — прямой ствол без единого сучка переходил в плоскую крону. Разумеется, для молодых было непреодолимым искушением взобраться вверх по двадцатифутовому стволу — в ловкости они теперь почти не уступали Пиппе. Вцепляться когтями в кору и дюйм за дюймом подтягиваться вверх по стволу было не так уж трудно, а вот спускаться — совсем другое дело. Чтобы спуститься, они сползали по стволу, потом прыгали и приземлялись на прямые ноги. Нужно знать строение лап гепарда, чтобы оценить эту эквилибристику; я всегда поражалась, как это их тонкие косточки выдерживают такое приземление и не ломаются.

Примерно в десяти минутах ходьбы было еще одно, более удобное убежище под большим тамариндом, в тени которого располагался термитник — идеальное место для отдыха и осмотра местности. Дерево росло там, где равнина Гамбо начинала полого спускаться к Ройоверу, текущей на расстоянии полумили. Логово было скрыто нижними ветвями, и гепардам был виден не только прибрежный кустарник, но и вся равнина в той стороне, где был наш лагерь — до него было не больше двадцати минут ходу. Несколько раз мы находили следы гепардов на узкой звериной тропе, ведущей от тамаринда к нашему лагерю, но ни разу Пиппа не позволила детям подойти ближе чем на

четыреста ярдов. Им уже исполнилось пять с половиной месяцев, и мне было очень любопытно вычислить площадь, на которой они находились со дня рождения, — оказалось, что Пиппа обвела их вокруг лагеря по кругу диаметром примерно в пять миль.

После окончания дождей вернулись слоны и небольшими стадами то там, то тут переходили равнину. Они двигались совершенно бесшумно, и мы однажды едва спаслись, столкнувшись нос к носу со слоном, затаившимся в зарослях. Каждую ночь я теперь могла наблюдать, как они собираются у своего «любимого дерева» на другом берегу, — я поставила кровать так, что могла освещать их фонариком, не поднимая головы. Но, несмотря на это, мне приходилось бодрствовать и держать ухо востро. Как я завидовала полному равнодушию гепардов к слонам (и к прочим толстокожим)!

16 февраля мы нашли семейство под небольшим кустом возле Угловой акации. Я положила мясо на землю, и все бросились к нему — кроме Уайти. Когда она появилась, я похолодела от ужаса — она еле ковыляла, а левая передняя лапа волочилась, болтаясь у запястья. Подозрительно косясь на меня, она подобралась к Пиппе и все время пряталась за нее. Уайти всегда была очень приветлива, а теперь она яростно зашипела, стоило мне взглянуть на нее; когда же я попробовала подойти, она совсем взбесилась. Что мне оставалось делать? Она не могла наступать на лапу — очевидно, это перелом. Я решила оставить ее с Пиппой. Потом я вызвала по радио доктора Харторна, и он одобрил мое решение, но на всякий случай предложил прислать снотворное — вдруг Уайти станет хуже и мне придется взять ее в лагерь.

Я вернулась из этой экспедиции как раз вовремя, чтобы помочь отгонять слона, который направлялся на кухню, — налетев на дерево в каких-нибудь двадцати

ярдах от палатки рабочих, он затопал прочь. Как только стемнело, со всех сторон зарычали львы и совсем близко слышался отчаянный вопль зебры. Почти всю ночь я слышала вой гиен и тьяканье шакалов, сбежавшихся к добыче. Утром мы со всякими предосторожностями пошли к этому месту — оно находилось ярдах в двухстах выше по течению, и его легко было обнаружить, потому что на деревьях в огромном количестве расселись грифы. Подойти поближе нам не удалось — львы все еще были возле добычи, — но на том месте, где происходила борьба и откуда львы оттащили тушу в кусты, мы увидели переднюю ногу молодой зебры Греви, на которой ясно различался старый перелом. Сомневаться не приходилось — это был тот самый бедняга жеребенок, за которым мы следили семь недель. Увечье все же стало причиной его гибели.

Было ли это случайное совпадение? Или трагедия произошла так близко от лагеря, чтобы я осознала, что даже самая смелая мать не в силах защитить свое искалеченное дитя? Не пора ли мне подумать об Уайти? Мы пошли к Угловой акации: Уайти не стало хуже, она достаточно быстро бегала на трех ногах, да еще и отбивалась, если сестры слишком наседали на нее. Но защитить от них свою еду она никак не могла. Я была к этому готова и собиралась кормить ее из рук — специально для этого я захватила брезентовые рукавицы, которые надевала, возясь с Тагой. Для того чтобы Уайти убедилась в моих дружеских намерениях, потребовалось неистощимое терпение, но я твердо решила, что она не должна терять в весе, и чем раньше она начнет брать у меня пищу, тем лучше. Постепенно, стараясь не удаляться от своего семейства, она стала есть у меня из рук. В это время Пиппа забралась на самую верхушку дерева и, балансируя на тонких ветках,

поддразнивала: «Прр-прр», словно хотела сказать: «Смотрите, какая я ловкая!»

Я представить себе не могла, зачем она подстрекает малышей заниматься такими опасными играми: может быть, она боится, что после несчастья с Уайти они перестанут лазить, а ведь это умение может им пригодиться в борьбе за жизнь. Вполне возможно, что гепарды стали карабкаться на деревья совсем недавно, после того как человек вытеснил их в лесистые области из привычных мест обитания на равнинах. И, хотя они овладели техникой древолазанья, природа все-таки не снабдила их втяжными когтями или пристающими к поверхности подушечками, и ноги у них длиннее, чем у тех видов, которые приспособлены к лазанью по деревьям.

Может быть, высокая смертность среди молодых гепардов объясняется тем, что они часто травмируют лапы, пытаясь приобрести навыки, не свойственные им от природы?

На следующее утро Пиппа с семейством перешла дальше на полмили — ей явно мешали грифы, которые последние два дня несли свою жуткую вахту на Угловой акации. Эта длинная прогулка ухудшила состояние Уайти, она ступала чрезвычайно осторожно и при этом так боялась меня, что было очень трудно накормить ее из рук и тем самым обеспечить ей дополнительную подкормку. Она была необыкновенно красива и гораздо сильнее остальных, поэтому особенно больно было видеть ее искалеченной. Вечером, сидя в ванне, я услышала такой мощный рык льва, что впервые в жизни звук, который я люблю, нагнал на меня страх. Я выскочила из ванны и увидела льва, направлявшегося к остаткам зебры; его громоподобное рычание сотрясало все вокруг; умолк он только у самой добычи. И тревога за Уайти с новой силой охватила меня.

Наутро мы увидели, что Пиппа увела молодых еще дальше, к горелому дереву, лежавшему на выжженной земле. Малыши с наслаждением вывалялись в золе и стали похожи на пятнистых трубочистов. Наверно, Уайти было очень грустно оттого, что она не могла резвиться вместе со всеми. Почти все утро она сосала Пиппу. В этот день малышам исполнилось шесть месяцев. Пиппа была очень нежна с Уайти и не двигалась, когда та подходила к ней приласкаться. Так и не придумав, что сделать, чтобы помочь малышке, мы пошли домой и сразу же напоролась еще на одну львицу, а других слышали издали.

Тут я окончательно решила взять Уайти в лагерь. Я поехала к Скале Леопарда и попросила директора парка слетать в Найроби за снотворным. Он согласился. Утром мы напрасно разыскивали семейство. Тем временем уже был доставлен ларгактил с инструкцией — ввести 1 миллиграмм на фунт веса. Предположив, что Уайти весит около 25 фунтов, я приготовила соответствующую дозу. Нам пришлось порядочно побродить, прежде чем мы разыскали семейство в зарослях кустарника мили на полторы дальше, чем вчера. Уайти сильно проголодалась и с жадностью проглотила кусочек мяса, в котором было спрятано снотворное. Оно должно было подействовать в течение получаса. Прошло два часа, а она все еще и не думала засыпать, даже подошла напиться. Но солнце спускалось, я боялась потерять Уайти в темноте, и поэтому, дождавшись, пока она опустит голову в миску с водой, схватила ее. В мгновение ока она укусила меня в руку, бедро и икру, и я, обливаясь кровью, была вынуждена отпустить ее. На этом и кончились все наши попытки изловить ее. Но я не могла оставить ее на ночь под действием наркотика и уговорила Гаиту и Стенли подождать вместе со мной, пока снотворное не подействует. К счастью, луна светила довольно ярко, и

часа три гепарды были видны сравнительно хорошо. Потом Уайти показалась мне сонной, и я потихоньку стала подкрадываться к ней. Но когда я подошла слишком близко, она удрала. Прислушиваясь к воплю гиен и ворчанию львов, мы ждали, пока она станет засыпать, но Мбили и Тату бдительно охраняли ее и поднимали тревогу всякий раз, как только я трогалась с места. Одна лишь Пиппа еще доверяла мне, так что я дождалась, пока Уайти прилегла с ней рядом, и, притворившись, что заигрываю с Пиппой, накинула полотенце на голову Уайти и схватила ее. Прежде чем я сообразила, что произошло, она бросилась к ближайшему дереву и взобралась на него. Увидев, что я иду за ней, она спрыгнула с восьмифутовой высоты и скрылась в темноте. С момента приема снотворного прошло пять с половиной часов, и его действие — если оно и было — успело давно пройти. Положение казалось безнадежным: Уайти была настороже, преследуя ее, мы рисковали разлучить гепардов и потерять их в темноте.

Рука у меня сильно разболелась, два пальца онемели, так что я вернулась в лагерь, взяла там машину и поехала к Скале Леопарда, чтобы сделать укол пенициллина. Все еще думая об Уайти, я въехала в облако пыли и чуть не столкнулась с шестью слонами. Я заметила их, только когда они возмущенно затрубили позади машины. К Скале Леопарда я подъехала далеко за полночь, и там все давно спали. Мне было очень неловко, но директора парка пришлось разбудить. Он любезно предложил мне принять ванну и поужинать, а потом вызвал фельдшера, чтобы сделать перевязку и укол. Наконец, меня проводил домой шофер — на тот случай, если нам опять встретятся слоны.

После бессонной ночи мы тронулись в путь, едва начало светать. Меня обрадовало, что все гепарды были здоровы и не ушли с того места, где мы их оставили. Уайти была немного оглушена снотворным и так хотела

пить, что мне пришлось напоить ее, прежде чем я ей дала двойную дозу ларгактила. Скоро снотворное начало действовать, и Уайти ворча пошла за Пиппой к баланитесу, одиноко растущему примерно в пятистах ярдах на самом открытом месте. Пиппа всегда предпочитала эти деревья — у них не такие острые шипы, как у акаций, и они не так ранят лапы животных. Но на этот раз я не была уверена, что она перешла туда только по этой причине, — не потому ли она выбрала это место, что не более чем в ста ярдах от дерева пасся слон. Даже когда он поворачивался к нам спиной, мы не спускали с него глаз, одновременно стараясь изловить Уайти. «Третье веко» у нее на глазах стало отчетливо видно, а голова то и дело опускалась, и все же у нее хватало сил уходить, когда я приближалась. В эту игру мы играли более двух часов, пока я не вспомнила, что Харторны советовали в таком случае прекратить погоню, потому что действие снотворного уже начинает ослабевать. Но я не решилась давать Уайти больше 50 миллиграммов ларгактила, так что на сегодня пришлось кончить; мы дали ей мяса — первый раз за сорок восемь часов, — и она с жадностью набросилась на еду. Когда Уайти сцепилась с Пиппой из-за еды, я в последний раз попробовала поймать ее. Набросив полотенце ей на голову, я подняла ее с земли. Она яростно сопротивлялась, отбивалась лапами и кусалась, и тут ей на помощь поспешила Пиппа — она так свирепо налетела на меня, что я бросила Уайти, как раскаленный кирпич. И гепарды убежали — прямо к слону. Они устроились под деревом настолько близко от слона, что мы не решились последовать за ними, и с этой безопасной позиции Пиппа наблюдала за всеми нашими маневрами, а Мбили и Тату стали играть. Подождав около часа, не начнет ли Уайти засыпать, я оставила Гаиту на страже и поехала к Скале Леопарда, чтобы созвониться с Харторнами.

Так как стало ясно, что Уайти не удастся поймать с помощью снотворного, они согласились приехать через три дня и попробовать другой способ. Тони был мировой знаменитостью во всем, что касалось нового метода временного обездвиживания животных, но я ужасно боялась, что Уайти получит слишком большую дозу — ведь мы определили ее вес только на глаз. Тони уверил меня, что этого не случится и вообще она не пострадает. Пиппа ежедневно переводила молодых так далеко, что я убедилась — Уайти никогда не выздоровеет, если я не возьму ее к себе в лагерь. Но все мои попытки поймать ее оказались безуспешными, хуже того — я почувствовала, что мои чудесные отношения с гепардами в этот день резко оборвались. Как же я поведу к ним Харторнов, если даже Пиппа больше мне не доверяет?

Но на следующее утро, к моему удивлению, гепарды были настроены более дружелюбно, и даже Уайти подошла ко мне, чтобы взять мясо. На другой день мы обнаружили, что Пиппа увела молодых примерно на семьсот шагов дальше, а лапа Уайти сильно распухла. Она все время держалась в стороне и почти ничего не ела. На третий день Пиппа, Мбили и Тату оказались опять у сгоревших кустов, а Уайти с ними не было. Я искала, искала ее и наконец нашла — она затаилась под кустом. Когда я подошла, она неловко вылезла из куста и заковыляла к своей семье — а они ее отогнали! Я применила всевозможные ухищрения, чтобы дать ей мяса, но они вырывали у нее каждый кусок. Бедная, запуганная Уайти уползла в такой густой кустарник, что я никак не могла до нее добраться. Если я оставлю мясо возле ее убежища, другие его непременно стащат, и поэтому я попробовала протолкнуть кусок через колючие ветви с помощью палки, но на него немедленно наползло столько муравьев, что Уайти не смогла его есть. Она так и не рассталась со своим

убежищем, и все мои попытки накормить ее провалились, хотя мы потратили на это почти целый день. Мне было невыносимо жаль беднягу — но я знала, что на голодный желудок лекарство, которое должны были привезти Харторны, подействует быстрее.

Рано утром следующего дня они прилетели, и я привезла их в свой лагерь. Джордж тоже приехал помогать. Мы наскоро позавтракали и обсудили, как будем ловить Уайти. Главное — не напугать гепардов, поэтому мы решили, что пройдем вместе только полпути до того места, где я рассталась с семейством вчера вечером. Там Тони впрыснет дозу сернилана в кусок мяса, и мы с Гаиту понесем еду гепардам. Если мне удастся накормить Уайти, Гаиту пойдет за Тони и приведет его ко мне, а его жена и Джордж останутся, на всякий случай, ждать там же. Чтобы лекарство подействовало, нужно полчаса — значит, Тони успеет дойти до нас и сразу же помочь Уайти, если окажется, что доза слишком высокая. Мы отправились в путь.

Только через полтора часа мы нашли семейство в густом коммифоровом лесу; Уайти, безусловно, была здесь в большей безопасности, чем на равнине. Когда мы подошли, она не показывалась на глаза, но увидев, что я бросила мясо, не выдержала и вышла. Она сразу же взяла кусок, начиненный лекарством. Изголодавшись за два дня, она, конечно, съела бы еще, но я не дала ей больше ни кусочка и чувствовала себя чудовищем, глядя, как она, хромя, оттащилась в сторону и смотрит издали, как остальные едят. Наевшись до отвала, семейство отошло ярдов на пятьдесят, и Уайти вместе с ними — совсем не сонная, хотя прошел уже час с тех пор, как она приняла лекарство. Пиппа долго и нежно вылизывала ее, а потом в сопровождении Мбили и Тату вышла из колючих зарослей на равнину, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть, поспевают ли за ними Уайти. Я уже послала

за Тони. Когда он подошел, я попросила его остерегаться Пиппы, но в этом не было надобности — очевидно, она совсем бросила Уайти.

Мы с Тони сидели в двадцати ярдах от малышки и наблюдали за ней в бинокль: постепенно она стала клевать носом, опуская голову все ниже и ниже, а потом и совсем свалилась на бок. Мы довольно верно определили ее вес, но снотворное подействовало не так скоро, как мы рассчитывали. Однако теперь оно как будто дало результат. Ожидая, что Уайти будет сопротивляться, мы подошли к ней очень осторожно, но она была совершенно неподвижна, хотя глаза у нее были широко открыты; не пошевелилась она и когда мы поднимали ее и укладывали в легкую дорожную сумку. Тащить ее в такую даль по жаре было трудновато — сумку мы несли вдвоем, а третий поддерживал голову Уайти. Так что мы были рады-радешеньки, когда наконец добрались до лагеря.

Здесь Тони дал ей еще немного ларгактила, чтобы она не проснулась во время осмотра. Я стояла ни жива ни мертва, пока он ощупывал ногу и ставил диагноз — парез лучевого нерва. Это значило, что Уайти не нужно отправлять в Найроби — я могу держать ее у себя, пока не пройдет парез главного нерва и не восстановится сила мышц, которые из-за этого бездействуют. Само по себе это повреждение опасности не представляло, но могло привести к травме, если потерявшая чувствительность лапа подвернется внутрь — от малейшей нагрузки она может сломаться. Харторны наложили на лагу гипсовую повязку и заодно, воспользовавшись неподвижностью Уайти, проверили ее зубы. Ей было шесть месяцев и неделя, и то, что мы увидели, было неожиданно и очень интересно: два постоянных коренных зуба уже прорезались. Считается, что котята гепарда до двух лет кормятся добычей матери, как львята, у которых постоянные зубы

появляются только в возрасте двенадцати месяцев. Но Уайти уже сменила все зубы, а это значило, что она будет способна охотиться значительно раньше. Теперь, если мне удастся поддерживать контакт с семейством гепардов, я могу точно узнать, когда же молодые гепарды начинают самостоятельно охотиться и становятся полностью независимыми от своей матери.

Мы ввели Уайти комплекс витаминов В и поместили ее в ящик Таги у меня в палатке, чтобы я была рядом, когда она придет в себя. Харторны посоветовали мне давать ей в качестве успокоительного по полтаблетки ларгактила в день — дней десять подряд — и прибавили, что дозу можно снизить, как только она привыкнет к новому окружению. Потом они уехали. Если бы Сью и Тони знали, как я была им благодарна!

Проводив их, я почувствовала, что у меня все плывет перед глазами, и легла, чтобы хоть немного передохнуть после напряжения последних часов. Нам очень повезло, что Пиппы не было поблизости, но что же будет с Уайти? Ведь, судя по всему, Пиппа вообще ее бросила. Удастся ли мне вернуть ее в семью или ей суждено остаться домашним животным?

Она пришла в себя около пяти часов утра, и я дала ей полтаблетки ларгактила с глюкозой, чтобы она не рвалась на волю. Когда она успокоилась, мы перенесли ее в маленький вольер, сделанный еще для Дьюме. Теперь мы к нему пристроили более просторный вольер, куда Уайти будет выходить, когда ей станет лучше. Оба вольера были забраны сплошной решеткой и находились внутри большого загона.

В десять часов утра я услышала какую-то возню и не успела вмешаться — Уайти сорвала с лапы гипсовую повязку. В конечном итоге это было к лучшему, потому что потом мне не удалось бы снять гипс без снотворного. Наконец-то я могла дать ей хорошенько

поесть — впервые за три дня. В мясо я спрятала вторую половинку таблетки ларгактила.

Вскоре появился Аран. Он согласился взять на себя роль сиделки в те часы, которые мне придется проводить с семейством гепардов.

На свежие следы гепардов мы наткнулись у зарослей, где двенадцать дней назад впервые заметили, что Уайти больна; такие же следы попались нам еще в нескольких местах, где гепарды бывали в последнее время. Наконец мы увидели Пиппу — она обнюхивала то место, где мы поймали Уайти. На нас она даже не посмотрела и все время, пока Мбили и Тату управлялись с мясом, которое мы принесли, продолжала звать и высматривать Уайти. Подошла она к нам не скоро, а подойдя, лизнула мою руку и легла рядом; она была необычайно спокойна. Потом она вместе с детьми проводила нас до Угловой акации — там они и остались.

Когда мы вернулись в лагерь, Уайти все еще дремала, но к закату встрепенулась, стала ходить вдоль клетки, сонно осматриваясь, и вдруг позвала голосом, от которого разрывалось сердце, — короткие резкие вскрики сотрясали все ее тело. Немного погодя мне удалось ее успокоить, и мы мирно сидели рядом, но тут на другом берегу появились слоны и приступили к своей ночной трапезе. Бедная Уайти вся затряслась от ужаса; ей, видимо, казалось, что она попала в ловушку. Она задрожала еще сильнее, услышав отдаленное рыканье льва, так что ночь я провела рядом с ней, перетащив свою раскладушку в вольер. Еще десять дней пришлось держать ее на снотворном, и это сказалось на ее здоровье — начался запор и поднялась температура. Харторны предупреждали меня об этом и советовали для облегчения обрызгивать ее водой в самую жару: вот это ей пришлось по вкусу! Она ела с аппетитом и выражала свое удовольствие новым,

милым звуком — «ньям-ньям-ньям», но никогда не мурлыкала.

Как это ни грустно, Уайти невзлюбила Арана и, завидев его, яростно бросалась на сетку. Но мне больше некому было доверить важное дело — отгонять павианов. Они вызывали у малышки такой ужас, что она непроизвольно испражнялась, слышав их гавканье. Большею частью Уайти невыносимо скучала и, чем несчастнее она себя чувствовала, тем непримиримее относилась к нам. Вскоре она стала фыркать и рычать даже на меня, и успокоить ее удавалось только смесью молока с фарексом. Она так обожала эту смесь, что у нее даже выработалась привычка — вылизывать миску до блеска. А пока она была поглощена этим делом, я гладила ее и старалась с ней подружиться. Уайти сильно отличалась от других сумеречных животных: к закату она успокаивалась — тогда я усаживалась к ней поближе и даже слушала последние известия по радио. Удивительно, что она не реагировала на этот искусственный шум, а ведь молния и гром нагоняли на нее панический страх.

Вдобавок ко всем остальным неприятностям у нее болезненно резались зубы, и я не успевала убирать куски дерева, которые она пережевывала в кашу. Под конец она сделалась совершенно неукротимой, даже миску с молоком вышибала у меня из рук, обливая меня с головы до ног; тогда я решила больше не давать ей ларгактил — мне говорили, что люди иногда тоже становятся агрессивными после длительного употребления снотворного. Немного легче стало, когда я открыла дверь в дополнительный вольер и у нее оказалось больше места для беготни, но, несмотря на это, она с каждым днем делалась все более злобной. С одной стороны, это меня даже радовало, потому что мне не хотелось, чтобы она приручалась и теряла инстинкты дикого зверя, но как было управиться с ней,

если она старалась ударить меня лапой или забивалась в самый дальний угол, когда я приносила еду? Глаза Уайти всегда были изумительно красивы, с очень мягким взглядом — теперь же она смотрела на меня с нескрываемой ненавистью, жесткими, убийственно жесткими глазами. Впрочем, за что она должна была меня любить после того, что случилось? Раньше она всего-навсего терпела меня, как друга Пиппы, и знала, что я уже давно добываю для нее пищу. Правда, я продолжала кормить ее, но ведь это я отняла у нее семью и свободу.

Через несколько дней лапа у нее зажила достаточно, чтобы можно было выпустить ее в большой вольер. Когда я открыла дверь, Уайти не вышла из внутренней загородки; только несколько часов спустя она осмелилась бегло осмотреть свои новые владения, но тут же вернулась в знакомую загородку и не выходила из нее до следующего дня, хотя двери были открыты. Уайти вела себя так же, как все дикие животные, которые после поимки не хотят расставаться со своей первой клеткой — единственным знакомым помещением и не торопятся выходить в просторные вольеры зоопарков. Эта типичная реакция вполне понятна, но торговцы дикими животными, чтобы оправдать свое ремесло, заверяют, что животным нравятся тесные клетки!

Бедная Уайти! Как я могла ожидать, что она станет лучше ко мне относиться, даже с переходом в самый большой вольер — ведь и там решетка все еще отгораживала ее от семьи и от жизни на свободе. Единственное, что у нее теперь было, — возможность еще дальше убежать от меня, потому что меня она, естественно, считала причиной всего, что с ней стряслось.

Тем временем Пиппа постепенно перевела молодых ближе к лагерю и снова разместились на термитнике

возле тамаринда. Мбили и Тату великолепно проводили время, играя на нижних сучьях, но сама Пиппа никогда не участвовала в этих играх и все время казалась подавленной.

В тот день, когда я выпустила Уайти в большой вольер, Пиппа подошла к лагерю на расстояние мили — ближе чем когда-либо за последнее время. Мне казалось, что следует использовать эту возможность и подманить ее поближе к Уайти, чтобы они могли поддерживать друг друга, до тех пор пока снова не будут вместе. Сначала все было прекрасно: гепарды основательно проголодались и охотно пошли за корзиной с мясом, но вскоре они что-то заподозрили и то и дело усаживались на землю, так что только через два часа, вконец измучившись, я подманила их на расстояние примерно 150 ярдов от лагеря, и здесь они точно вросли в землю. Ничто не могло заставить их стронуться с места. Я дала Пиппе обнюхать свои шорты, потому что на них был запах Уайти, — может быть, это заставит ее подойти поближе? Я громко произносила имя Уайти и показывала в ту сторону, где она сидела. Я подошла к ее вольеру, ожидая, что Уайти тоже начнет звать Пиппу вместе со мной, но добилась только одного — Пиппа прыгнула на дерево и стала оттуда пристально рассматривать лагерь, даже не пытаясь подойти. Наконец я прибегла к последнему способу удержать ее возле лагеря: положила мясо на землю. Все гепарды накинулись на него, но, поспешно проглотив еду, ушли обратно на старое место. В отчаянии я вернулась к Уайти. Она сидела, вжавшись в решетку, и не сводила глаз с равнины. Я попыталась отвлечь ее внимание и принесла молока — но оно полетело мне в лицо. Я снова налила миску и стала ждать, чтобы она подошла к своему любимому лакомству. Через час мое терпение лопнуло, и я ушла. Она тут же вылакала все без остатка.

Чтобы хоть как-то скрасить Уайти обстановку, которая стала для нее невыносимой, мне не оставалось иного выхода, кроме одного: давать ей ежедневно по четверти таблетки ларгактила. Это вскоре оказало свое действие — она стала брать пищу у меня из рук. Так как мне не удалось заставить Пиппу подойти к Уайти, подманивая ее куском мяса, приходилось изобретать новое средство, чтобы воссоединить семью. Снова усыплять Уайти не имело смысла — неизвестно, останется ли с ней Пиппа до того момента, когда она придет в себя. А если она примет ее за мертвую и совсем бросит? Я попросила привезти магнитофон, надеясь, что призывы Уайти, записанные на пленку, заставят Пиппу прийти за своей дочерью. Если и это не поможет, мне придется приручить бедняжку. Поэтому я заранее заказала поводок для прогулок, футбольный мяч и несколько камер, чтобы ей было с чем играть. Сама я тем временем сделала шар из бумаги и подвесила на веревке, так что она могла достать его лапой. Я размахивала тряпкой у нее перед носом и катала рядом небольшую камеру; но эти неживые игрушки ей скоро надоели. С картонными коробками из-под яиц дело пошло лучше — она подолгу возилась, раздирая их на мелкие клочки, но вскоре и они ей наскучили. Часами сидела она, устремив взгляд на равнину, звала Пиппу или бегала взад и вперед вдоль решетки. Особенно она беспокоилась, когда видела, как мы уходим. А нам часто приходилось отлучаться на поиски ее семьи. Гепарды снова вернулись на то место, где была поймана Уайти, но ночью мы слышали сопение льва в той стороне и не могли отыскать их целых трое суток.

Для безопасности мы запирали Уайти в маленьком вольере на ночь; ох, как ей это не нравилось! Приручать дикое животное, чтобы снова вернуть его к жизни на свободе, — какая жестокая насмешка! Самое главное и

существенное — не дать ей потерять связь с семьей, и мы очень надеялись, что гепарды все-таки примут ее обратно. Но сколько мы ни искали, нам не удавалось узнать, куда они делись.

Вечером 14 марта я никак не могла заманить Уайти в спальню: она даже разрешила мне гладить себя, только бы не слезать с крыши клетки. Я легла спать, но она все еще оставалась там. За всю ночь она не издала ни звука, хотя рядом ревели два льва, а рано утром я услышала, как она носится по вольеру, полная нерастраченной энергии. Я попросила Гаиту пойти посмотреть, не вернулась ли Пиппа к термитнику под тамариндом, а сама занялась кормлением Уайти и уборкой ее вольера. Уайти была удивительно ласкова, все время заигрывала со мной. Вдруг я услышала, что возвращается Гаиту. Он шел и распевал песенку, которую я как-то сочинила, чтобы звать своих гепардов: «Пиппа-Пиппа-Пиппаланка, Пиппа-Пиппа-Пиппала — идем, идем, идем, идем!», и точно, следом за ним показались Пиппа, Мбили и Тату. Они бежали в такт песенке, и, прежде чем я успела сообразить, что происходит, Пиппа уже перемахнула по сваленному дереву на наш берег и устремилась прямо к вольеру Уайти.

С минуту обе они не знали, что делать, а потом с мурлыканьем стали лизать друг друга через сетку. Потом сестры тоже перешли через реку и, вытянув шеи, стали звать Уайти, а она отвечала чириканьем. Я открыла дверь, но Уайти была слишком взволнована и не заметила этого. Вытянувшись, она смотрела, как Пиппа старается прорваться через решетку. Она несколько раз проскочила мимо двери, но потом мне удалось подогнать ее к ней вплотную — она пулей вылетела наружу, и только я ее и видела! Если был когда-нибудь на свете совершенно счастливый маленький гепард — то это была Уайти. Глаза у нее

лучились смехом, она прыгала на Пиппу, лизала ее, обнимала вне себя от радости, а потом, прижимаясь к ней, пошла к холодильнику. У меня оставались только весьма пахучие остатки козы, и ничего удивительного, что Пиппа к ним не прикоснулась. Теперь и другие малыши тоже пришли в лагерь и стали носиться и кататься по земле вместе с Уайти; встреча с ней привела их в восторг. Они возились до полного изнеможения. Меня встревожило, что Мбили и Тату выглядели ужасно тощими по сравнению с Уайти; когда я дала им несвежее мясо, они слопали его без остатка. Пока они ели, я отошла, чтобы приготовить смесь молока и фарекса. Когда я вернулась, Пиппа уже собралась уходить. Малыши, боясь отстать от нее, торопливо напились и пошли за ней следом.

Позднее мы отыскивали только несколько пересекающихся следов гепардов, ведущих в разные стороны. Потом стало слишком жарко и трудно идти по следу. Мне почти не верилось, что произошло чудо: нам удалось вылечить Уайти, не приручив ее, и Пиппа приняла ее в семью просто и естественно, прежде чем долгая разлука смогла помешать этому.

После чая мы снова вышли на поиски и нашли семейство примерно на расстоянии мили. Уайти хромала на заднюю ногу и часто останавливалась, чтобы собраться с силами. Естественно, она оказалась позади, когда все набросились на козью тушу. Немного погодя она подошла, чтобы получить свою долю, и тут я застыла от изумления: собственная мать прогнала ее от пищи, отшлепала и вырвала мясо у нее изо рта — а ведь Пиппа уже наелась досыта!

Что же случилось? Утром Уайти была совершенно здорова и все семейство было вне себя от счастья — почему же Пиппа теперь так непонятно ведет себя? Я отнесла немного мяса Уайти, но она съела только кусочек печени. Я ощупала ее лапы и не нашла

никаких повреждений, только одна из задних лап казалась немного расслабленной. А что если и я ее слишком рано выпустила и ей пошел во вред слишком длинный переход? Мы охраняли гепардов до тех пор, пока они не наелись до отвала, и я с радостью заметила, что Мбили прижалась к бедной Уайти и старалась ее приласкать. Я надеялась, что Уайти хромает просто от усталости, и в 9 часов вечера мы пошли домой.

В следующие три дня мы искали гепардов от восхода до заката, но не нашли даже следов. Когда зашло солнце, я, измученная напрасными поисками, велела Гаиту вылить воду из бидона, как вдруг возле дороги примерно на полпути к Кенмеру над травой показались четыре головы: это были гепарды. Насколько мне удалось разглядеть в сумерках, Уайти была здорова и все были мирно настроены, хотя и явно проголодались. Я оставила Гаиту на посту, вернулась в лагерь, взяла мясо и воду и привезла все это на машине. Стало темно — хоть глаз выколи, но Гаиту удалось направить гепардов к дороге, и они даже прошли немного в сторону лагеря. Я не хотела, чтобы какая-нибудь машина спугнула их и помешала им есть, поэтому увела их в сторону — и как раз вовремя, потому что вскоре по дороге пронеслось несколько грузовиков. Гепарды очень нервничали оттого, что приходилось есть в темноте, и все время тревожно оглядывались, несмотря на то что я непрерывно водила лучом карманного фонарика, чтобы обнаружить хищников. Торопливо поев, они вскоре ушли. На рассвете гепарды снова пришли в лагерь, но у нас не было мяса, и они пошли по дороге к Скале Леопарда. Я знала, с какой скоростью носятся грузовики, и старалась всеми силами увести гепардов с дороги, но они упорно возвращались, прыгали вокруг или затаивались в траве. Так, пытаясь перехитрить друг друга, мы прошли около мили. В

конце концов я взяла козу в Кенмере и увела семейство за реку в знакомые им места, где не было угрозы попасть под машину.

Пиппа оставалась на другом берегу реки и постепенно перешла в чудесное место, где среди больших акаций было множество термитников и малыши могли вволю резвиться среди них. Уайти стала относиться ко мне вполне дружелюбно, только неизменно старалась спрятаться за Пиппу. Она вновь стала мурлыкать, а звуков «ням-ням-ням», которыми она в лагере выражала удовольствие, мы больше от нее не слышали. Ее глаза снова стали теплыми и ласковыми, и вообще она была в отличной форме. Теперь меня волновала Мбили. Она всегда была худой, но я считала, что, раз она крупнее других и аппетит у нее хороший, ей просто надо больше времени, чтобы откормиться. Теперь же у нее так выпирали тазовые кости, что я не на шутку встревожилась — не глисты ли у нее. Мне удалось взять пробы фекалий и послать их на анализ ветеринару, но ответ был отрицательный. Не были обнаружены и другие паразиты, которые могли бы довести Мбили до такого жалкого состояния. О том, чтобы взять мазок крови у нее из уха, нечего было и думать, и мне оставалось только кормить ее получше в надежде, что она поправится. Мбили очень быстро сообразила, что теперь она — центр всеобщего внимания, и стала подбегать ко мне раньше всех, чтобы получить лакомые кусочки, пока не помешают остальные. Потрясающую сообразительность она проявляла и в тех случаях, когда надо было выбрать самый удобный момент, чтобы схватить пищу, пока другие заняты своими делами, — так что ей почти не приходилось драться из-за еды. Необычным было и то, что она позволяла мне вытаскивать клещей и даже поглаживать ее, пока она ела, но, если я осмеливалась прикоснуться к ней в другое время, она шипела и

бросалась прочь. Уйти все время жалась к Пиппе, а Мбили подружилась со всеми нами — иногда это даже вызывало у матери ревность. Тату оставалась такой же робкой, как и раньше, но, когда дело доходило до еды, она своего не упускала.

Внезапно у меня началась такая боль в пояснице, что пришлось немедленно поехать к доктору в Найроби. Он нашел у меня опоясывающий лишай, а это требовало длительного лечения. Надолго расставаться с гепардами мне не хотелось, и я пробыла в больнице только три дня, а потом вернулась в лагерь и там уже сама продолжала лечение.

Глава 15

Наводнение

Возвратившись, я узнала, что гепарды ушли вверх по течению, направляясь к хребту, который широкой дугой подходил к Скале Леопарда. Гряда холмов постепенно расширялась, переходя в плато. Оно возвышалось над окружающей местностью не более чем на двести футов, но с него открывался великолепный вид на равнины; эти равнины ограничивались слева нашей речушкой, а справа — Муликой; обе реки текли параллельно друг другу примерно в миле от гребня. Для гепардов это был сущий рай, хотя нам нелегко было таскать тяжелый груз за пять миль от лагеря. У начала гряды осталось несколько высохших луж, дно которых было покрыто тонким осадком соли. Судя по следам, эти солонцы привлекали множество животных. Над ними склонялись тенистые пальмы дум, где, по всей видимости, устроилось на временное жительство большое стадо павианов. До сих пор Пиппе удавалось уберечь своих малышей от этих зловредных существ, но я очень обеспокоилась, когда на этом месте нам повстречались только Пиппа и Мбили — а остальные не показывались. Пиппа спокойно принялась за мясо, а маленькая Мбили бродила вокруг, тревожно звала сестер и смотрела в ту сторону, откуда доносились вопли павианов. Мы пошли на шум и увидели целую толпу этих мохнатых клоунов на дереве возле солонца. Завидев нас, они попадали на землю, как спелые яблоки, и умчались к дальним деревьям, откуда наблюдали, как мы разыскиваем гепардов. Только через два часа мы наткнулись на Уайти и Тату — они затаились в густых зарослях,

окаменев от страха. Я попыталась успокоить их, пока Гаиту уходил за мясом, но они очень нескоро решились выйти на открытое место и поесть, хотя были голодны. Мне хотелось подманить Пиппу к детенышам; я пошла за ней и увидела, что она устремилась в погоню за маленьким стадом газелей Гранта, которые убегали как раз в противоположную от молодых сторону. В довершение неприятностей хлынул ливень и промочил нас до нитки. Но я приняла твердое решение — собрать всю семью воедино и шлепала по грязи до тех пор, пока не подогнала всех троих малышей к матери. Чтобы семейство опять не разбежалось, я отдала им все оставшееся мясо, и Пиппа вцепилась в него с такой жадностью, что приняла за мясо мою руку и основательно ее прокусила.

До лагеря было около двух часов ходу, и к тому времени, когда я добралась до машины и доехала до Скалы Леопарда, чтобы сделать укол пенициллина, лимфатические железы у меня распухли уже довольно сильно. Мне пришлось лечиться три дня, да еще и принимать лекарства от опоясывающего лишая, так что, странствуя пешком по шесть-семь часов в поисках гепардов, я чувствовала себя очень неважно.

Однажды утром после долгих поисков мы услышали возбужденное кудахтанье цесарок и поднялись на вершину холма, где и нашли наше семейство в окружении целой стаи птиц. Нельзя было удержаться от смеха, видя, как задорная цесарочка прогуливается прямо под носом у гепардов, квохча изо всех сил, чтобы вывести их из терпения. Наконец Уайти лениво поднялась и бросилась на пернатых, но тут же села и широко зевнула. Это меня озадачило, потому что гепарды были явно голодны и очень оживились, увидев корзинку с мясом, — должно быть, завтракать цесарками им не хотелось.

Наступил апрель, и короткие, но сильные дожди стали поливать нас всюду. После одного такого ночного ливня мы едва не наткнулись на спящего буйвола, заметив кончики его рогов чуть ли не у себя под ногами. Мы не успели отступить, когда он стал подниматься. Забавное это было зрелище: он уставился на нас, а комья липкой грязи отваливались от него и шлепались на землю. Бежать по скользкой грязи было невозможно, и положение оставалось весьма напряженным, пока мощное животное не побрело прочь, потешно скользя раскоряченными ногами в болоте. Прежде чем мы обнаружили семейство, нам пришлось пройти еще две мили и не раз приземлиться на «пятую точку», причем самым неблагоприятным образом.

Гепарды отыскивали для себя песчаную полосу, соединявшую холмы с рекой Муликой — в насквозь затопленной местности это был единственный сухой клочок земли. Мы увидели их, когда они гнались за медоедом. Пиппа прекратила погоню, как только увидела корзинку с мясом, а молодые преследовали свирепого зверя, пока он не ускользнул в чащу, куда они уже не могли пролезть. Я недавно заметила следы глистов в фекалиях молодых и поэтому накормила всю семью йомезаном — по две с половиной таблетки каждой из молодых и три таблетки Пиппе. Лекарство было принято без всякого сопротивления, потому что я спрятала его в мясе. После еды они от души повеселились: дрались из-за кусочков козьей шкуры и хватали друг друга за ноги.

В эту ночь лило без конца. Мне не терпелось узнать, как гепарды перенесли глистогонное лекарство, но пришлось ждать до полудня, пока земля хоть немного подсохнет. Семейство встретило нас на песчаной полосе, все были голодны, но как будто здоровы. Только Мбили показалась мне страшно худой. Наверное,

причиной была ее нервозность — она жила в постоянном напряжении, и это мешало ей набирать вес так же легко, как ее более спокойным сестрам. Мне оставалось надеяться, что, избавившись от глистов, она вообще окрепнет. Весь день небо хмурилось, и только к вечеру солнце пробилось сквозь тучи и согрело нас всех. Как хорошо было смотреть на пирующих гепардов, залитых золотым сиянием закатного солнца. Мы ушли от них, уверившись, что с голоду они не умрут, даже если дожди помешают нам в течение нескольких дней приносить мясо.

Двое суток дождь не прекращался, и болотистая местность стала непроходимой. Когда мы наконец добрались до холмов и пошли вдоль гребня, мы вдруг увидели вокруг массу прыгающих рыбок от шести до восьми дюймов длиной. Они выскакивали из мелкого ручейка, который вился по болоту и исчезал ярдов через двадцать. Гаиту зашлепал вслед за ними, уверяя меня, что это прекрасное блюдо, и за несколько минут изловил пятнадцать штук. Я никак не могла догадаться, каким образом эти рыбки очутились на вершине гребня. Насколько я знала, поблизости не было даже ручейка, из которого дождевые потоки могли бы их принести. И, конечно же, их не могли разбросать птицы или браконьеры — для этого рыбешек было слишком много.

Пока Гаиту занимался рыболовством, я осматривала окрестности в бинокль и очень скоро обнаружила своих гепардов далеко внизу на равнине. По тому, как они заторопились к нам, старательно избегая луж и постоянно отряхивая лапы от налипшей грязи, было ясно, что они сильно проголодались; и я огорчилась, что у нас с собой так мало еды. Чтобы извлечь из нее как можно больше, я раздробила кости; малыши так и рвали у меня из рук это месиво. Когда до Пиппы дошло, что она проворонила свою долю, она с достоинством удалилась. Я попыталась вернуть ее, дала ей несколько

лакомых кусочков, но она очень нескоро сменила гнев на милость.

К счастью, в эту ночь дождя не было, и наутро нам удалось принести им свежую козью тушу. Пока они ели так, что за ушами трещало, мы пошли фотографировать рыбок. Но из-за того, что не было дождя, ручеек пересох. Все рыбки погибли и лежали кучками по шесть-десять штук в подсыхающей грязи. Меня удивило, что ни одну из них не тронули ни птицы, ни хищники — ведь они были совсем на виду. Я сделала несколько снимков Гаиту с мертвой рыбой в руках, а потом собрала немного экземпляров и, просолив их хорошенько, послала в Найроби в Министерство рыболовства. Оттуда ответили, что это *Labeo gregorii* — водятся они в Тане и ее притоках. Но никто так и не смог объяснить, каким образом их занесло на гребень, ведь до ближайшего притока Таны было больше мили и находился он на сто пятьдесят футов ниже того места, где мы их нашли.

Котятам Пиппы уже исполнилось по восемь месяцев, и они теряли последние молочные зубы. 20 апреля у них выпали клыки, и это очень мешало им есть, так как они не могли ни удерживать мясо, ни отрывать большие куски. У них остались только коренные зубы, но, вероятно, хорошо развившиеся, потому что они прорезались, как мы видели у Уайти, еще два месяца назад. Малыши, пытающиеся прожевать кусочки мяса, которые я готовила им заранее, выглядели очень трогательно. Они причмокивали, как будто всасывали мясо через дырки от выпавших зубов. Пиппа не замедлила воспользоваться их временной неполноценностью; если бы я не отбирала у нее долю малышей, она заморила бы их голодом. И вообще на Пиппу очень часто нападали приступы ревности, и тогда она пользовалась своей материнской властью во вред детям — уходила и звала их за собой. Они

повиновались, правда, нерешительно, то и дело останавливаясь и оглядываясь на меня, а я несла за ними мясо. Улучив момент, они поспешно, пока не вмешалась Пиппа, заглатывали целые куски. В моей помощи особенно нуждалась Мбили, и мои постоянные уловки, чтобы дать ей побольше еды, сближали нас с каждым днем. До чего же трудно было не избаловать ее — она была полна неотразимого обаяния, хотя, несмотря на лоснящийся мех, все еще оставалась очень худенькой. 25-го я заметила, что у Мбили и Уайти прорезались нижние резцы, и с тех пор им стало легче есть.

Дожди усилились, и земля превратилась в такую непроходимую топь, что мы только за три-четыре часа добирались до гепардов, теперь совсем отрезанных от мира на своем песчаном островке. Отыскивать их на голом месте нам было нетрудно, но и грифы тоже приметили их, а когда они проведали о наших ежедневных пищевых поставках, то стали неотступно преследовать гепардов и даже пикировали на нас, когда мы тащили корзину с мясом. Однажды утром мы увидели, что стадо буйволов превратило это место в трясины. Наше семейство куда-то ушло. Мы обнаружили их только через три дня: они прятались под свисающими ветвями акации, откуда было удобно наблюдать за песчаным островком, оставаясь при этом невидимыми. Пока я их кормила, Гаиту и Стенли устроились в сторонке, чтобы охранять нас от возможных опасностей. Вдруг Уайти вытянула шею, и, проследив за ее взглядом, я увидела буйвола, который уверенно продвигался вперед, отрезая нас от наших сторожей. Гепарды все как один сели навтыжку и стали похожи на кегли. Они не сводили глаз с огромного зверя, который продолжал пастись, продвигаясь все ближе и ближе к нашим мужчинам. А те явно не подозревали о присутствии буйвола, так что

мне пришлось крикнуть. Никогда я не видела такой мгновенной реакции, как у Гаиту. Он схватил камень, запустил его в морду буйвола и продолжал его обстреливать после того, как тот тяжело развернулся и припустился вверх по холму со всей доступной ему скоростью. Я умирала со смеху и жалела только о том, что у меня не хватило времени заснять четырех гепардов, глазеющих на буйвола, — ведь именно их надо было благодарить за спасение жизни уснувшего егеря.

Дождь продолжался и в следующие дни, и нам становилось все труднее таскать наш неудобный груз в такую даль. Я была очень признательна Гаиту и Стенли за то, что они не считались с этими трудностями, тем более что за свою заботу они не получали никаких побряжек от наших гепардов — те едва выдерживали, пока они положат мясо на землю, а потом — даже на расстоянии, — стоило одному из мужчин пошевелиться, рычали, фыркали, а иногда и бросались на него.

Стояла одна из самых темных ночей — никогда раньше я не видела такой черноты; непрерывные вспышки молний предвещали близкую грозу. Внезапно начался ливень, как будто где-то повернули кран, и хлынули такие мощные потоки воды, что я не на шутку встревожилась. Лило несколько часов подряд, все чаще сверкали молнии, гремел гром и грозно ревели мгновенно вздувшаяся речка. Обычно она текла на шестнадцать футов ниже лагеря, но теперь поднялась вровень с нашим участком и понеслась бешеным потоком, крутя разный мусор и заливая наши хижины двухфутовым слоем воды. Мы старались как можно скорее перенести ящики с наиболее ценным оборудованием в склад, стоявший на возвышении, и пробирались вброд по ледяной воде, нещадно поливаемые дождем, в то время как палатки рушились нам на головы и все, что не было закреплено, уносилось

потоком. Попытки спасти имущество были сущим мучением: все мы потеряли обувь в засасывающей грязи, бродя по колена в воде. Пока мы старались удержать свою ношу над водой в этой кромешной тьме, на нас то и дело натыкались плывущие стволы и какие-то обломки. Наконец мы свалились возле кучи промокших вещей, не в силах двинуться с места.

Но просто сидеть, дрожа в темноте, на столе, поджав ноги, было невыносимо, и я зажгла керосиновую лампу и принялась за книгу, которую мне прислали, чтобы я написала на нее рецензию для рекламы. Книга меня захватила: вместе с Эвелин Эймс я переживала ее путешествие по заповедникам Восточной Африки, показавшимся ей «райскими уголками». Правда, ее описания сильно контрастировали с моим теперешним положением — она успела узнать только солнечную Африку, но все же книга отвлекла меня от жалкой действительности. К рассвету поток отступил, и мы смогли разложить вещи для просушки и взяться за восстановление лагеря. Я окоченела от холода, никогда чашка горячего чаю не доставляла мне такого удовольствия. Уму непостижимо, как наш повар ухитрился развести огонь в такой слякоти. Но как бы нам ни было плохо, я боялась, что гепардам пришлось еще хуже, и поэтому, едва обсушившись, мы зашлепали по грязи на помощь нашему семейству.

Как они изголодались, я поняла, увидев мокрую шерсть вокруг сосков Пиппы — голодные детеныши снова пытались ее сосать. На пути нам не попалось ни одного из мелких животных — возможной добычи гепардов. Как же выживают в этих затопленных местах другие хищники, которых никто не подкармливает?

После нашего возвращения в лагерь Гаиту попросился в отпуск. Я понимала, что ему стало уже невмоготу, но все-таки удивилась, что он хочет уйти именно сейчас, зная, что его помощь нужна мне как

никогда. Однако все обернулось к лучшему — наш друг Локаль оказался свободным и пришел к нам на следующий день. Славный старый плут появился как раз вовремя, чтобы разделить с нами самые трудные дни. Хотя мы жгли костры и днем и ночью, прошло двое суток, прежде чем земля в хижинах подсохла; но тут же ее снова залил очередной потоп и нам опять пришлось спасать свое имущество. Вскоре мы стали мастерами этого дела, потому что за неделю перебирались еще дважды. Таких страшных ливней в Меру не видели лет тридцать.

Джордж был в Найроби и, возвращаясь во второй половине дня, пробыл у меня в лагере очень недолго, торопясь попасть домой до того, как новый ливень окончательно размочит дорогу. И действительно, вскоре после его отъезда опять начался нескончаемый дождь. Стемнело. Я сидела в отсыревшей хижине и слушала радио; дождь барабанил по крыше, заглушая все звуки, кроме ударов грома. В такую ночь вы бы и врагу своему не пожелали быть в пути. Внезапно открылась дверь и ввалился Джордж; промокший до костей, осунувшийся от усталости, он упал на стул. Чтобы попасть домой, ему надо было проехать единственный существующий мост через Ройоверу. Мост был деревянный и довольно ненадежный; когда я проезжала по нему, мне казалось, что я играю на каком-то гигантском ксилофоне. На этот раз мост не выдержал — и лендровер Джорджа чудом удержался на изломе провалившегося моста, повиснув над бушующим потоком. Джорджу удалось вылезти в окно и выбраться на берег, и он бросил машину, радуясь, что сам остался жив. Потом он прошел двенадцать миль до моего лагеря, без фонаря, без ружья, ориентируясь только при свете молний; гром грохотал, заглушая раскаты львиного рычания.

Было уже 10 часов вечера, дождь лил все сильнее. Нельзя было терять ни минуты, если мы хотели спасти

машину, прежде чем переполненная река ее унесет. Джордж быстро переоделся в мою сухую одежду, проглотил горячий ужин — и мы поехали в Скалу Леопарда за помощью.

Переваливаясь через корни и плюхаясь в колдобины, мы два часа преодолевали расстояние в десять миль. С помощью директора была организована спасательная партия из двух грузовиков, двух лендроверов, трактора и всех, кто был поблизости. Мы запаслись блоками, домкратом, ломami, веревками, лопатами и стали пробиваться по размытой дороге. В пяти милях от своего лагеря я отстала от партии, чтобы проверить, не нужно ли опять перетаскивать все в другое место. Мне повезло — я добралась до дому, ни разу не застряв. Остальным пришлось хуже: почти всю ночь они занимались тем, что вытаскивали друг друга из грязи, и в конце концов прошли последние несколько миль пешком, нагруженные ломami, веревками и блоками, чтобы вытащить машину, застрявшую в столь ненадежном положении. Эта операция заняла весь следующий день и закончилась как раз вовремя — очередное наводнение почти сразу снесло остатки моста. Лагерь Джорджа оказался начисто отрезанным от Скалы Леопарда и от моего лагеря, потому что единственная бетонная дамба на Ройоверу скрылась под водой, а самолеты не могли приземлиться на раскисшей земле возле его лагеря. Ко всем моим бедам прибавилась еще тревога за Джорджа: что же он будет делать в случае какого-нибудь несчастья?

Кенмер-Лодж находился на берегу Ройоверу, и ему угрожало такое же наводнение, какое было у нас. Однажды ночью на «бому»,^[8] куда мы на ночь запирали коз, — она была уже частично залита водой — напали пять гиен. По-видимому, им ничего не стоило вырвать гнилой плетень из размытой почвы. Они убили

тринадцать коз. Это означало не просто материальный уще рб в 40 фунтов стерлингов, но и то, что нашим запасам мяса пришел конец — Джордж не мог добраться до нас с убитой дичью. Чтобы в последний раз хорошенько накормить гепардов, мы взяли с собой наименее пострадавшую козью тушу, пока она еще не испортилась. Пройдя несколько миль, я заметила четыре круглых уха, торчавшие над травой ярдах в пятидесяти от нас — львы! Я велела мужчинам повернуть и, не сводя бинокля со львов, пропустила вперед Стенли, несшего мясо, а мы с Локалем, у которого было ружье, пошли сзади, охраняя его. Оба льва, привлеченные запахом мяса, крались за нами, едва не касаясь брюхом земли. К ним вскоре присоединился третий. Но тут неожиданно выскочило из укрытия большое стадо буйволов и львы бросились за ними — так разрядилась довольно напряженная обстановка. Весь остальной путь до песчаного островка, где были гепарды, мы прошли уже спокойно.

Должно быть, нашим гепардам пришлось мокнуть еще больше, чем нам в лагере: вид у них был удивительно жалкий, когда они бросились к нам, чтобы утолить голод. Пиппа и Тату с Уайти и Мбили наелись до отвала. Локаль тем временем стоял на страже. И не напрасно — снова появились шесть ушей, значит, львы тут как тут! Нам удалось прогнать львов камнями, пока гепарды доедали мясо. Увидев, что львы исчезли за холмом, мы собрали остатки мяса и пошли домой. Так как львы избрали для отступления наш привычный путь вдоль гребня, нам пришлось идти другой дорогой и при этом переходить Мулику. Пока мы осторожно нащупывали дно, у нас из-под ног выскользнул небольшой крокодил. Бедный Локаль так напугался, что шлепнулся в воду и ушиб бок. Он вымок насквозь и захромал, но только добродушно заметил, что на

сегодняшний день развлечений у него было предостаточно, с чем мы все вполне согласились.

Однако наши испытания на этом не кончились. Ночью, измученная и ослабевшая, я следила, как поднимается вода в реке; делать было нечего — нам пришлось снова, в пятый раз, перетаскивать все имущество на более высокое место. Доведенный до отчаяния этими бесконечными перетаскиваниями, наш повар забастовал и, сказавшись больным, остался в постели, а мы мокли и выбивались из сил, перенося вещи из хижин, которые напоминали островки на озере. Пожалуй, я теперь не сразу ответила бы на вопрос, что хуже — пожар или потоп. И то и другое было ужасно.

Все утро мы возились, как заведенные, пытаюсь высушить вещи, прежде чем отправиться на поиски гепардов. Я не хотела, чтобы пропадали остатки мяса, и мы понесли тушу с собой к песчаному островку, но гепардов там не нашли. Немного погодя нам стала ясна причина их отсутствия — на холме сидел ворчащий лев, несомненно один из той тройки. Потеряв надежду, мы побрели домой со своей благоухающей ношей, но, не доходя двух миль до лагеря, увидели свежие следы гепардов. И тут меня едва не сбила с ног Пиппа, а за ней налетели молодые и набросились на корзину с мясом. Они были настолько голодны, что проглотили протухшее мясо, одна Пиппа оставалась в стороне, хотя не ела уже три дня. Я очень старалась заставить ее поесть, но она только отворачивалась, а потом и вовсе отошла в темноту и увела за собой детей.

В этот вечер мы все были счастливы: казалось, нашим бесконечным изнурительным странствиям пришел конец. Конечно, Пиппа проявила удивительную сообразительность, устроив логово на песчаном островке во время этих чудовищных ливней, но нам стало совсем невозможно ходить по двенадцать миль, и мы благословляли тройку львов за то, что они помогли

нам, заставив гепардов переселиться поближе к лагерю после сорокадневного пребывания возле холмов. Теперь самое главное было раздобыть побольше коз, потому что после побоища, учиненного гиенами, уцелела всего одна. Я заказала машину в Скале Леопарда, снабдила повара деньгами и послала его закупить еще десяток коз. Последнюю козу мы убили, чтобы удержать гепардов возле лагеря. Но на следующее утро гепарды исчезли. Нам пришлось их искать четыре дня, и мы так измотались, как никогда еще за весь период дождей. К этому времени Пиппа освоила территорию примерно в двадцать квадратных миль, и в хорошую погоду нам не стоило бы особого труда обыскать эти места, но в таких условиях поиски стали сущим мучением, а наши облепленные грязью ноги покрылись кровоподтеками и язвами.

В довершение всего однажды вечером мы увязли в болоте — я едва припомню случай, когда я была бы в таком ужасе. В пяти милях от лагеря мы вдруг заметили, что с каждым шагом проваливаемся все глубже. Схватившись за руки, мы с Джорджем поддерживали друг друга, выдирая ноги из трясины и судорожно цепляясь за кусты. Мы потеряли в засасывающей грязи свои полотняные туфли, шипы впивались нам в ступни, и вытащить их было невозможно, потому что ноги покрывал слой скользкой тины. Уже не видя ни зги, мы выбрались из этого мокрого ада — хорошо еще, что местность была нам знакома и мы не заблудились, пробираясь домой в кромешной тьме.

На другой день мы увидели Пиппу, которая перешла через дерево-мостик, оставив молодых на том берегу. Все они были с отличным состоянием и вовсе не голодны — они, несомненно, наелись мясом газели, остатки которой мы нашли под большой акацией. Семья теперь по большей части обедала под этой Охотничьей

акацией, на низкие сучья которой было очень удобно взбираться; оттуда была видна вся равнина, а сквозь густую крону акации грифы не могли разглядеть добычу гепардов. Я была очень рада, что семейство так близко к лагерю, но меня бесила мысль, что и все эти дни они наверняка были тут же; а мы-то до изнеможения разыскивали их повсюду — только не здесь, потому что до сегодняшнего дня не могли переправиться через речку. Лишь долгое время спустя я поняла, как им удалось пробраться на тот берег, — я обнаружила естественный переход милях в двух выше по течению, где подмытое ливнями дерево легло поперек реки. Пиппа, казалось, радовалась тому, что она снова дома, и была со мной необыкновенно ласкова. Тем не менее ближе к вечеру я никак не могла найти гепардов, хотя искала и звала их до темноты. Но вскоре появилась Пиппа, потерлась об меня головой, замурлыкала и повела меня и Локаля довольно далеко в небольшой лесок, где затаилось ее семейство.

Оно оставалось на том месте с неделю, несмотря на то что совсем неподалеку часто слышался львиный рык. Обычно мы кормили гепардов под Охотничьей акацией, которая была видна из лагеря. Мы видели, как они, рассевшись на сучьях, поджидали свой обед. Меньше чем за два часа они управлялись с целой козьей тушей, причем Уайти виртуозно вспарывала брюхо добычи у задних ног. Теперь уже все молодые научились есть потроха и кишки — они их втягивали, как макароны, выжимая при этом содержимое. Пиппа была самой жадной — очень часто она старалась вырвать кусок изо рта у собственных детей, но они не поддавались и выдерживали томительно долгую игру в «перетягивание», не уступая своей доли и не подчиняясь мамаше. Одна только Мбили порой отходила, когда потасовка становилась чересчур жаркой, и, конечно, оставалась без еды. Поэтому я

стала подкармливать ее еще больше, чтобы она набралась сил и смогла постоять за себя. Физически она была самая слабенькая, но ей всегда удавалось перехитрить сестер, когда нужно было достать козью шкуру из тайника, находящегося высоко в ветвях дерева. Я любила ее забавную манеру шалить, чтобы обратить на себя внимание, и наша взаимная привязанность становилась все сильнее — она, несомненно, понимала свое привилегированное положение и, хотя ей не нравилось, когда я к ней прикасалась, частенько ложилась рядом со мной и смотрела на меня. Однажды я взяла с собой альбом, но выяснила, что гепарды еще больше, чем Эльса, не любят, чтобы их рисовали. Казалось, они различают, когда на них просто смотрят, а когда рассматривают как натуру. Мне удалось запечатлеть на бумаге только спящих гепардов, да и то повернувшихся ко мне спиной.

Наконец ливни прошли, и только небольшие дождики иногда нарушали наш распорядок. По сравнению с последними неделями наша жизнь стала куда легче, но тут гепарды снова исчезли на целых три дня и заставили нас здорово поразмяться. Однажды на закате мы вышли к Ройоверу. Я очень люблю эту красивейшую реку, особенно в те часы, когда животные выходят на водопой и прибрежные кусты залиты золотым светом заката. Я слушала мирное журчание воды, как вдруг раздался странный трескучий звук, и я обнаружила двух дикобразов — их иглы торчали из кустов. Затаив дыхание, мы с Локалем следили, как животные шли к воде и подкармливались на ходу, шумно чавкая и обнюхивая листья и траву. Они подошли к нам на шесть футов, как вдруг один из них заметил нас. Он струсил, развернулся и, треща от страха всеми иглами, проскочил так близко от меня и Локаля, что мы могли бы достать его рукой. Озадаченный поведением своего приятеля, второй

дикобраз подошел еще на три фута — мы не шевелились; он уставился на нас своими крохотными глазками, раза три нерешительно повернулся на одном месте и только потом заторопился вслед за первым. Я знаю о дикобразах очень немного, но помню, что даже львам их иглы могут стоить жизни. Эти вообще-то безвредные животные ведут ночной образ жизни, и меня удивило, что у них такое слабое обоняние.

С этими забавными существами я уже сталкивалась, когда мы жили в Исиоло. Недалеко от нашего дома была нора дикобразов. У некоторых из них были обычные черно-белые иглы, у других — черные с кирпично-красным. Дикобразы такой необычной окраски попадались впервые и вызвали большой интерес у зоологов. Не без труда нам удалось послать одну пару в лондонский зоопарк, и их там широко разрекламировали — но через некоторое время красный пигмент на их иглах превратился в обычный белый. Это произошло так быстро и неожиданно, что поспешно собрали целый консилиум, и дикобразов посадили на диету, богатую каротином, пока не восстановилась их необычная окраска. Стало ясно, что на окраску игл можно влиять при помощи пищи, но загадка наших дикобразов в Исиоло так и осталась нерешенной: они жили в одной норе, ели то же, что и остальные, однако только у них появилась иная окраска.

Последние дни нам не попадались следы гепардов. Но через пять дней семейство появилось у Охотничьей акации, и мы были удивлены, обнаружив, что их след ведет в обратном направлении к равнинам Кенмера; мы не могли понять, зачем им понадобилось охотиться в этих джунглях, когда они были совершенно сыты. Как ни странно, и на следующий день они опять отправились туда же. Мы нагнали их, когда они переходили реку в двух милях ниже по течению. Мне хотелось заманить их на сухую равнину возле лагеря, и

я стала размахивать куском мяса. Пиппа тут же одним мощным прыжком перемахнула на наш берег. Молодые с тревогой смотрели ей вслед, но сами не смогли перепрыгнуть и шлепнулись в воду — только Мбили отыскала более узкое место и прыгнула, даже не замочив лап. Я впервые видела, как молодой гепард прыгает через речку, — котята предпочитали переходить вброд, тем более что здесь было достаточно мелко и можно было не бояться крокодилов. Никогда не видела я и того, чтобы семейство Пиппы играло в воде — совсем непохоже на Эльсу с малышами, которые обожали плескаться и плавать в глубоких местах; нередко они часами прохлаждались на отмелях. Правда, Пиппа плавала в океане, когда мы снимали «Рожденную свободной», да и то она решалась входить в море только вслед за мной, а сама никогда не шла в воду.

Хотя в этом отношении гепарды непохожи на львов, но напоминают их своей привязанностью друг к другу, по крайней мере в молодом возрасте, пока они с матерью. Дети Пиппы были дружной, отлично подобранной и веселой командой: Уайти — самая умная, Тату — наиболее дикая и независимая, а Мбили — самая дружелюбная, к тому же великая разведчица и невероятно потешная фокусница. Нам постоянно приходилось держать ухо востро, особенно когда дело касалось Мбили: она считала, что сумку с камерой, молочный бидон, корзинку из-под мяса, шляпу или бинокль подвешивали на дерево специально для ее забавы. Она лукаво поджидала, пока мы отвлечемся, потом хватала какую-нибудь вещь, трясла перед носом у сестер, дразня их, и в конце концов вся команда уносилась на равнину, разбрасывая наше имущество по высокой траве. Мы гнались за ними, пытаюсь спасти свои вещи, пока их не изжевали или не разгрызли. Охота для молодых все еще была нелегкой задачей:

трава почти везде достигла такой высоты, что гепардам было трудно заметить добычу, — только головы водяного козла или страуса проплывали над травой, но эта добыча была для гепардов слишком крупной. Если мы не приносили мяса, Мбили сразу же сильно худела. Голодные грифы неотступно следовали за гепардами, предупреждая всех вокруг о присутствии хищников, и это еще больше усложняло обстановку. Даже львам, по-видимому, с трудом удавалось нападать на добычу, и они стали появляться совсем редко. Так что я искренне удивилась, проснувшись однажды ночью от глухого рычания — я зажгла фонарик, и только это помешало льву, который уже переходил мостик, войти в мою палатку. Конечно, нашего семейства и след простыл.

Через два дня мы отыскивали следы гепардов на дороге, проходящей мимо лагеря. Когда мы нашли их, они были крайне голодны; ясно, что Пиппа сознательно избегала заходить в наш лагерь — она же прекрасно знала, что там всегда есть мясо. Неделю спустя она повела молодых вокруг лагеря, но не зашла к нам поесть. Мы увидели их ближе к вечеру, и они пошли за нами, чтобы получить еду, но остановились в пятистах ярдах от лагеря. Хотя уже стемнело, нам пришлось нести им мясо: Пиппа ясно дала понять, что ни она, ни молодые не сделают ни шагу дальше. Она привела их в лагерь лишь один раз, когда там была заперта Уайти, и то на одну минуту. Меня радовало, что она позволяла подходить к детенышам только Стенли, Локалю и мне; значит, девять месяцев долгих изматывающих странствий по зарослям в поисках гепардов не прошли даром — молодые становились дикими, а этого я и добивалась.

19 июня они отпраздновали свой день рождения — десять месяцев, — гоняясь за однорогим ориксом. Я с восхищением следила за ними — этих крупных антилоп с длинными острыми рогами боятся почти все хищники.

Орикс с обломанным рогом, похожий на легендарного единорога, как будто бы знал, что малыши только хотят порезвиться, и не особенно встревожился, когда все трое припустились за ним. Пиппа же заинтересовалась страусами, которые появились на противоположном берегу реки. Пока она сидела на муравейнике, поглощенная созерцанием птиц, Мбили изо всех сил старалась добраться до бидона с водой, который я подвесила на дерево. Прыгая как на пружинах, напрягаясь всем своим тонким телом, она наконец ухитрилась сбить бидон вниз и, конечно, ее окатило водой. Ошарашенная, она взглянула на нас, но, увидев, что мы покатывались со смеху, стала танцевать вокруг поверженного наземь бидона, награждая его оплеухами. Глядя, как развлекается счастливое семейство, я вспомнила Пиппу, когда ей исполнилось десять месяцев и она была с нами на побережье, — избалованное ручное животное, которому была доступна единственная радость — бегать вдоль берега на длинном поводке. Как я была счастлива, видя, что она с малышами живет на свободе и каждый делает, что ему вздумается.

Ближе к вечеру я вышла прогуляться по дороге и набрела на страусов, которых Пиппа заметила в это утро. Я не раз встречала это семейство — родителей и восемь страусят-подростков. Хотя птенцы все еще сохраняли одинаковую буроватую окраску, их нетрудно было отличить друг от друга. Я разглядывала их в бинокль довольно долго, как вдруг они поставили хвостики торчком, распушили перья у основания шеи и уставились на меня. Оглянувшись, я увидела Пиппу с молодыми — они крались, припадая к земле, позади меня и, перейдя дорогу, стали подбираться к страусам. Через несколько ярдов молодые отстали и, вытянув шеи, следили, как Пиппа ползет к птицам. Дрожа от возбуждения, малыши замерли, не двигаясь, как мне

показалось, целую вечность, и вдруг я увидела, что страусы разделились на две группы — одни побежали налево, другие — направо, а самый маленький страусенок стал кружиться, кружиться на месте и наконец забился в траву. Решив, что Пиппа вот-вот его прикончит, и подождав еще минут десять, я стала потихоньку подходить. Малыши все еще не трогались с места, и мне следовало бы сообразить, что Пиппа не кончила охоту — иначе она позвала бы молодых своим «прр-прр» или подала бы им еще какой-нибудь неуловимый сигнал. Когда я подошла ближе к лежащему страусенку, он внезапно вскочил, судорожно растопырив перья на крыльях, так что они стали похожи на раскрытые веера, и с трудом заковылял прочь. Тут я увидела зияющую рану у него в правом боку. Пиппы нигде не было. Упустив добычу, Пиппа обычно возвращалась к детям, а они всегда ждали ее на одном месте, словно повинувшись приказу. Я услышала, что малыши издают резкие чирикающие звуки, и догадалась, что она все еще преследует страусов.

До сих пор мне не удавалось наблюдать, как Пиппа убивает добычу. Я находила ее всегда уже за едой. Но я знала, что она душит свои жертвы. Многие хищники предпочитают такой способ — это наиболее скорая смерть для жертвы и, кроме того, нет никакого риска напороться на ее рога. Если им не удастся вцепиться в горло, они захватывают в пасть морду жертвы или находят еще какое-нибудь особенно уязвимое место. Хватать страуса за шею рискованно — он может вспороть нападающему брюхо одним ударом своей мощной ноги. Пиппа, очевидно, гоняла страусенка кругами, пытаясь сбить его с ног, а когда он свалился, она, вероятно, уселась на него и впилась в него сзади — там, где он не мог отбиться клювом. Мой приход помешал ей прикончить птицу — оставалось надеяться, что хоть теперь Пиппе удастся положить конец ее

мучениям. На следующее утро, как только рассвело, мы пошли по следам, но ничего не обнаружили. А когда часа два спустя Пиппа и малыши появились с пустыми животами из зарослей акации, я поняла, что страусенок все-таки удрал.

Глава 16

Импия

Несколько дней семейство Пиппы никуда не уходило — ему вполне хватало мяса зебр, добытых львами Джорджа. 25 июня я оставила их в полумиле от лагеря с набитыми животами. Возвратившись, я застала у себя директора парка — он привез маленького детеныша гепарда, которого изловили во время охоты на буйволов в Ньери. Инспектор этого участка прислал его мне, надеясь, что Пиппа примет его в свою семью — иначе ему грозил зверинец в Найроби, а впоследствии — зоопарк. Я заглянула в ящик, где малыш сидел уже четыре дня — с того самого момента, как попался. Маленький гепард зарычал и зашипел на меня. Насколько я могла определить по зубам, ему было не больше семи месяцев. Мы стали соображать, как устроить его встречу с семейством Пиппы, — к счастью, до них можно было добраться на машине. Никто из нас не мог себе представить, как Пиппа встретит новичка, и нельзя было выпускать его на свободу, не убедившись, что она его примет, потому что прожить в одиночку он не сможет — слишком мал. Значит, этого малыша надо перевести из ящика в проволочную клетку, в которой мы перевозили Пиппу, и поставить эту клетку на виду у гепардов так, чтобы они увидели друг друга. Тогда нам сразу станет понятно, как сложатся их отношения. Но для этого нужно было соорудить подъемную дверь в проволочной клетке, поставить клетку и ящик дверь в дверь, потом положить в клетку мясо, поднять обе двери и дожидаться, пока голодный малыш перейдет в нее — он почти ничего не ел с тех пор, как его поймали. Африканцы, которые возились с клетками, называли

присланного гепарда «Импия» — на суахили это значит «новенькая». Так мы и окрестили маленькую самочку.

Когда все было готово и ящик с клеткой стояли дверь в дверь, мы прикрыли проволочную клетку с боков одеялами, оставив открытой одну стенку напротив двери, — может быть, увидев не только мясо, но и кусты вдали, Импия захочет перейти из ящика в клетку. Потом мы подняли двери и попрятались, Результата никакого — Импия лишь глухо зарычала и забила в угол подальше от двери. Мы молча ждали минут сорок, и наконец малышка осторожно, шаг за шагом подобралась к мясу. Мы тут же опустили дверь у нее за спиной и дали ей время успокоиться. Потом потихоньку поставили клетку в кузов лендровера и подъехали ярдов на пятьсот к тому месту, где утром я оставила гепардов. Дальше я пошла пешком и вскоре увидела их, сонных после сытной еды. Я села рядом с Пиппой и некоторое время гладила ее, а потом подала сигнал директору. Он подвел машину на расстояние ста ярдов и вместе с Локалем и Стенли подтащил на руках тяжелую клетку поближе к гепардам.

Гепарды смотрели на все это с крайним недоверием и были сильно озадачены, услышав ворчание Импии. Поставив клетку на землю и сняв одеяла, мужчины вернулись к машине. Теперь на мне лежала вся ответственность. Если Пиппа сразу признает Импию, все будет прекрасно, но если ее не примут, мне придется держать ее в неволе, пока она не привыкнет ко мне настолько, чтобы ходить со мной на прогулки: тогда я сделаю еще одну попытку познакомить ее с гепардами или приучу ее к жизни на свободе и выпущу, когда она станет вполне самостоятельной. Пока я мысленно перебирала все возможные варианты, Пиппа с интересом разглядывала Импию, прислушиваясь к ее приветливому чириканью, потом перешла поближе к ней и села недалеко от клетки. Мбили и Уайти были

заинтригованы: они не рычали и не фыркали, а подошли к Импии с мурлыканьем, не обращая внимания на то, что она вся была испачкана собственными экскрементами и от нее шел ужасный запах. Наконец и Тату подошла к сестрам и приблизила мордочку к решетке. Импия рвалась из клетки, пытаясь добраться до них. Видя, что все гепарды настроены дружелюбно и, кажется, понравились друг другу, я открыла дверь.

Прошло несколько секунд. Импия спокойно вышла из клетки, прошла ярдов десять, остановилась, огляделась и стала ждать, чтобы подошли молодые. Уже все вместе они вернулись к Пиппе и стали играть, носясь вокруг нашей машины. В какой-то момент Импия отстала и зачирикала, Пиппа тут же ответила «прр-прр», и малышка снова догнала остальных. Я села в машину, и мы смотрели оттуда, как крепнет новая дружба. Пока они гонялись друг за другом в кустах, маленькая Импия заблудилась и в ужасе позвала на помощь. Мбили бросилась на зов и привела ее к Пиппе. Постепенно Пиппа стала отводить молодых к дороге, и вскоре все они исчезли в высокой траве. Мы с директором переглянулись: просто не верилось в такую необыкновенную удачу. Погрузив клетку, мы прождали еще два часа, чтобы дать гепардам время уйти с дороги, — тогда директор сможет спокойно проехать домой, не пугая Импию. Я едва дождалась утра — не терпелось узнать, все ли в порядке; мы искали с рассвета до темноты, пока наконец не нашли Пиппу с детьми, примерно в миле от того места, где оставили их накануне.

Они медленно шли к нам по равнине, Уайти и Мбили все время оглядывались, словно поджидая Импию, а потом все сели на дороге. Пиппа двигалась как-то нерешительно, прошла мимо нас, не проявляя к нам никакого интереса, и увела детей обратно на равнину. Нужно было время, чтобы Импия привыкла к нам, а пока

я решила класть для нее мясо неподалеку от остальных гепардов в надежде, что голод заставит ее подойти к нему. На следующий день рано утром Локаль пошел по следу и не только нашел отпечатки лап Импии, но и увидел ее — она шла по дороге примерно в миле от того места, где мы выпустили ее. К несчастью, в это время проехал грузовик, Импия бросилась к долине Мулики, и Локаль потерял ее из виду в густом кустарнике. Вскоре мы со Стенли подъехали на машине. Мы безуспешно осматривали окрестности, битых три часа искали гепардов — а они оказались в том самом месте, где Локаль потерял Импию! Малыши чем-то заинтересовались и, почти не обращая внимания на мясо, не сводили глаз с ближайшего кустарника, так что я бросила часть мяса на полпути к зарослям. Убедившись, что наши гепарды едва не лопаются от сытости, так что им уже не до мяса, предназначенного Импии, мы ушли. Мбили все еще сидела на дереве, высматривая Импию.

Вернувшись после пяти, мы не нашли ни мяса, ни гепардов и ни одного следа, по которому можно было бы их найти. На следующее утро Пиппа с молодыми перешла через дорогу к реке — они там отыскали отличное убежище в тенистых зарослях возле солонца. Во время дождей это было довольно грязное место, и мы прозвали его Грязным деревом. Оно было всего в двух милях от лагеря, и гепарды стали предпочитать его всем остальным, тем более что по сваленному дереву можно было переходить на другой берег реки, на равнины Гамбо. Мы заметили, что молодые очень внимательно смотрят в одну сторону, и поэтому, положив мясо для них, оставили немного в сторонке для Импии. Конечно, мы рисковали привлечь этим других хищников, но у нас не было иного способа доставлять мясо для Импии, пока она не привыкнет к нашему присутствию. Мы очень беспокоились и

вернулись сразу же после чая, но нашли на этом месте одну-единственную косточку — остаток пиршества гепардов. По дороге домой нам встретилась машина, и водитель сказал, что только что видел маленького гепарда, переходившего дорогу, — он шел к тому месту, где мы выпустили Импию. Других детенышей гепарда в этой местности не было, значит, это Импия. Выходит, что за день она прошла две мили.

На другой день возле Грязного дерева мы обнаружили лишь следы наших гепардов и смогли проследить их только до прибрежного кустарника, а отпечатки лапок Импии шли от Грязного дерева примерно на полмили вдоль дороги, а потом сворачивали к реке. Почему они разошлись? Утром мы прошли по ее следу вдоль дороги почти до того места, где выпустили ее на свободу, а пройдя две мили в другую сторону, отыскивали Пиппу с молодыми за Грязным деревом. Если судить по поведению детей Пиппы, маленькая Импия держалась поблизости от семейства первые три дня, а следующие три дня блуждала одна возле места, где ее выпустили, от Грязного дерева до реки — в пределах двух миль. Я далеко не была уверена, что за эти шесть дней она хоть раз поела. А если прибавить еще четыре дня — ведь после того, как ее поймали, она сидела голодная в ящике до приезда к нам, — выходило, что бедный детеныш совсем ничего не ел десять дней!

Мысль о том, что Импия погибает от голода, преследовала меня как кошмар, и я поехала в Скалу Леопарда, чтобы уговорить директора поймать ее и воспитывать в лагере, пока она не подрастет достаточно, чтобы можно было выпустить ее на свободу. Он не разделял моих мрачных предчувствий и был уверен, что она и так выживет, но, увидев, в каком я отчаянии, приказал привезти единственную в парке железную клетку-ловушку, которая была на ферме,

куда повадился ходить леопард. В надежде, что Импия еще жива, мы на следующее утро опять вышли на поиски. У меня камень с души свалился, когда я увидела ее: она шла нам навстречу вдоль дороги, от того места, где мы ее выпустили, но, увидев нас, сразу свернула в траву. Я даже не надеялась, что все будет так хорошо, а тут всего через несколько секунд появилась и Пиппа с молодыми. Я велела Локалю как можно быстрее нести мясо, а сама повела семейство в ту сторону, куда сбежала Импия. Мы подошли к небольшой рощице и накормили гепардов. Когда они до отказа набили животы, мы положили на землю порядочный кусок для Импии и ушли. Я была счастлива, что она жива и все еще рядом с Пиппой, но сознание, что я не в силах сделать так, чтобы это мясо досталось именно ей, отравляло мою радость.

В этот день мы больше не подходили к гепардам — я боялась, что своим присутствием мы можем разорвать те пока еще тонкие нити, которые их связывают, и только на другой день на рассвете вышла их искать. Когда мы подходили к месту, где накануне оставили гепардов, в воздухе закружились несколько грифов; в этот момент появилась Пиппа с детьми. Зная, что эти птицы могут быстро исчезнуть, я поторопилась к тому месту, где они кружились, оставив гепардов и стараясь не сбиться с дороги в густых зарослях.

Я осмотрела каждый кустик в поисках остатков чьей-нибудь добычи. Конечно, не было никаких оснований считать, что появление грифов как-то связано с Импией, но меня все же не оставляли кошмарные видения — бедная, истощенная Импия, теряющая последние силы, пока смерть не прервет эту медленную агонию, — и такой конец после дружелюбной встречи с нашими гепардами. Как я ругала себя за опрометчивость! Только теперь мне пришло в голову, что Пиппа могла дружелюбно

встретить Импию, но это вовсе не означало, что она готова поделиться с ней пищей. Я оправдывала свой поступок тем, что это избавило бы маленького гепарда от целого года приручения и постепенного возвращения к дикой жизни, но это был неоправданный риск, и я не должна была выпускать ее, зная, что она не в силах добывать себе пищу и целиком зависит от нас.

Пока я в полном отчаянии искала следы падали, грифы взмыли в высоту и скрылись с глаз, унося с собой тайну — и чьи-то бранные останки — к высокому небу. Стараясь отогнать мрачные мысли и все еще надеясь, что Импия жива, мы продолжали поиски. Идти по следу в высокой траве было почти невозможно, и только на дороге мы точно различили отпечатки ее лапок. До сих пор она проходила взад и вперед примерно по четыре мили, оставаясь на участке, который с одной стороны был ограничен Муликой (ее русло проходило параллельно дороге примерно в миле от нее), а с другой — нашей речкой. Между реками шли негустые заросли длиной в четыре мили и шириной в две. Оставаясь на этом участке, Импия по крайней мере была обеспечена водой. Теперь нам нужно было найти место для ловушки; мы отыскали дерево у дороги, на полпути между Грязным деревом и местом, где Импию выпустили, и привязали блок к низко нависшим ветвям. На другой день, когда привезли клетку, мы поставили ее таким образом, что можно было открывать дверь при помощи блока, не выходя из машины. Это было предусмотрено на тот случай, если нам попадется лев. Конечно, на ловушку могло наткнуться и семейство Пиппы, а если бы в нее одновременно вошли двое молодых, заднего могла бы насмерть пришибить падающая дверь. Поэтому мы решили не настораживать ловушку, пока не найдем следов Импии, а тем временем постараться отвлечь остальных гепардов в другое место.

Хотя мы так замаскировали клетку зеленью, что она была почти не видна, наши гепарды очень скоро обнаружили ее, и никакими силами их невозможно было оттащить от этого подозрительного «куста». Мы искали Импию с рассвета до темноты. С каждым днем мое беспокойство возрастало, хотя Локаль пытался меня утешить, уверяя, что Импия прекрасно могла прокормиться белочками, крысами, мелкими птичками и, на худой конец, даже лягушками и жуками-навозниками. Но вот миновало десять дней с тех пор, как она бесследно пропала, и мне пришлось примириться с мыслью, что теперь она уже не нуждается в нашей помощи: либо она обошлась без нее, либо уже слишком поздно. Известно, что травоядные животные, например антилопы, часто принимают малышей своего вида, оставшихся без родителей, но я не знала ни одного такого рассказа о хищниках на свободе, и это должно было удержать меня от подобного эксперимента. Несомненно, одна из главных причин такого поведения хищников — то, что им приходится добывать пищу нелегким путем, и поэтому они не хотят принимать в семью лишний рот. Только сейчас я поняла, насколько стремление выжить сильнее даже материнского инстинкта. Значит, я неправильно истолковала дружеское отношение Пиппы к Импии. И может быть, она погибла мучительной смертью по моей вине.

Глава 17

Пиппа расширяет свои владения

В один из тех беспокойных дней, когда мы кормили Пиппу с семейством, совсем близко от нас из зарослей вышли девять слонов с четырьмя маленькими слонятами. Они двигались совершенно бесшумно — ни один сучок не треснул, ни одна ветка не сломалась, — так что мы были застигнуты врасплох и едва успели скрыться. Слоны, взбудораженные нашими резкими движениями и запахом, были, кажется, напуганы не меньше нас; сбившись в кучу, они трубили и, поворачивая поднятые хоботы во все стороны, принюхивались к нашему запаху, потом с громогласными воплями вломились в заросли и убежали. Во всей этой адской суматохе наша четверка гепардов даже не оторвалась от еды; казалось, они были удивлены, зачем это нам понадобилось спасаться бегством? Я позавидовала их спокойствию, потому что за следующие несколько недель нам не раз приходилось уклоняться от встречи с небольшими слоновьими стадами или, что еще хуже, с одинокими слонами, бродившими во время миграции в тех местах, где жили наши гепарды.

Однажды утром мы подошли к месту, где побывали всего полчаса назад, и заметили, что высоко в небе точками плывут грифы, слетаясь отовсюду. Мы проследили, где они снижаются, и нашли там гепардов с набитыми животами — отдуваясь, они облизывали свои окровавленные морды. Молодые так налопались, что даже встать не пожелали, и только Пиппа с отвисшим животом потащилась вперед и привела нас

на место, где, видимо, разыгралось ее сражение с полувзрослым страусом — от него остались только тазовые кости, ноги и несколько позвонков. Пиппа с гордым видом — иначе это назвать нельзя! — посматривала то на нас, то на свою добычу. Должно быть, она убила и съела страуса за те полчаса, пока нас не было, потому что грифы еще только слетались, а про них никак не скажешь, что они способны прозевать чужую добычу. Я разделяла гордость Пиппы — добыча была отличная, — и меня тронуло, что ей захотелось показать ее нам; пожалуй, только этим и можно было объяснить, что она прошла сотню ярдов, хотя знала, что там остались лишь обгрызенные кости, которые и защищать от грифов не стоит.

Здесьние равнины, покрытые разбросанными колючими кустами и зонтичными акациями, были словно созданы для гепардов, и меня несколько не удивляло, что наши гепарды так любят эти места и постоянно сюда возвращаются. Это место мы называли Страусовой степью. Молодые веселились без удержу, лазая по деревьям, и каждый день выдумывали новые игры и уловки. Они прекрасно понимали, что нас смешат их выходки, и как будто бы нарочно устраивали представление, чтобы развлечь нас. Заводилой всегда была Мбили — когда семейство кончало обед, она принималась растаскивать клочки козьей шкуры, приглашая всех поиграть. По условиям игры я должна была гнаться за ней, отнимать шкуру и забрасывать на ветку. Если мне это удавалось, все трое малышей взбирались на дерево и, вцепившись в шкуру, старались вырвать ее друг у друга, принимая при этом самые невероятные позы. Если шкура падала вниз, мне полагалось быстро схватить ее, пока гепарды прыгали на меня, будто я тоже дерево, и я считала, что мне повезло, если я успевала снова забросить шкуру на дерево, прежде чем меня обдерут как липку. Конечно,

они вовсе не хотели сделать мне больно и царапались нечаянно, стараясь добраться до шкуры. Иногда Пиппа тоже вступала в игру и, чтобы доказать, что она еще глава семьи, взбиралась на дерево гораздо выше, чем осмеливались забираться молодые. Она была очень довольна, когда я начинала хвалить ее, и покусывала мою руку, но мурлыкала только тогда, когда молодые не могли ее слышать.

Им исполнилось почти одиннадцать месяцев, и вели они себя все более независимо. Вынюхивая норки или гоняясь за птицей, они уходили иногда на два-три часа. В таких случаях Мбили была самой предприимчивой, но именно она больше всех заботилась о том, чтобы семья не распадалась. Если одна из ее сестриц забредала слишком далеко, она упорно звала — «прр-прр», — пока все не собирались снова вместе; тогда она прижималась к ним по очереди и все счастливым хором принимались мурлыкать. Мбили явно была любимицей в семье — когда ее что-то тревожило, все окружали ее, как бы стараясь защитить, и облизывали, пока она не успокаивалась. Она была еще очень худа, несмотря на те лишние кусочки, которые я ей подбрасывала. Из дичи, которую добывал Джордж, гепарды больше всего любили зебру; на последнем месте стоял водяной козел, а газель Гранта они соглашались есть, только если она была убита совсем недавно. Это казалось мне странным, потому что газель Гранта по своим размерам единственная добыча, которую гепард может убить самостоятельно; кроме того, это наиболее многочисленный вид местных антилоп. Я спросила об этом у Локаля, и он мне объяснил, что мясо водяного козла вязнет в зубах и вызывает сильнейшую жажду, а запах лежалого мяса газели Гранта неприятен хищникам. Эта антилопа — животное мелкое, обычно его поедают в один присест, как только убьют; и семейство Пиппы выражало недовольство только в том

случае, когда мы держали мясо в холодильнике по несколько дней. Доставлять им так много мяса становилось все труднее, но молодые едва стали подрастать, и я продолжала кормить их, когда Пиппе не удавалось добыть достаточно дичи. Однако она охотилась всюду и часто исчезала вместе с молодыми дичей на шесть; обычно они возвращались из этих походов вполне сытыми.

Наша счастливая жизнь в лагере была нарушена, когда Локаль после очередного воскресного отдыха вернулся с новой женой. Я была рада за него, но никак не могла согласиться, чтобы они проводили свой медовый месяц в палатке, где жили еще Стенли и повар. Мне не нравилось и то, что Локаль по целым дням не отходил от своей новой жены, — я с самого начала предчувствовала, что она, как и все другие, разобьет ему сердце. Он нехотя согласился ночевать с ней в Кенмер-Лодже, а днем уходить со мной кормить гепардов. Прошла неделя пассивного сопротивления — он таскался следом за мной, ежедневно изобретая все новые виды мозолей и ран, чтобы как можно больше сократить наши переходы; но в одно прекрасное утро он пришел с бесстрастным выражением лица и больше не заикался о своей последней женитьбе. Я не стала смущать его вопросами, но через несколько дней, когда в кузове проехавшего грузовика я увидела его жену и с ней другого егеря, помоложе, мне стало очень жаль бедного старого Локаля.

К счастью, он так полюбил Пиппу и ее малышей, что наши ежедневные встречи с ними очень скоро вернули ему хорошее настроение. Теперь Пиппа уводила детей дальше за Мулику, на равнины, простиравшиеся до Скалы Леопарда и ограниченные вдали рекой Мурерой. Если она будет держаться в этом районе, ей обеспечена великолепная охота на весь сезон дождей и от нашего лагеря ее не отрезет наводнением. Сейчас равнина

просто кишела дичью, и однажды утром мы видели, как Пиппа выслеживает десяток газелей Гранта. Заметив нас, они унеслись прочь, а Пиппа, недовольная тем, что ей помешали, влезла на дерево — футов на пятнадцать над землей — и оттуда продолжала высматривать антилоп. Она демонстративно не замечала нас и не покидала наблюдательного пункта, пока мы кормили внизу молодых, а потом соскочила и, видимо, приказала им не трогаться с места, когда она будет охотиться. Нам не терпелось узнать, чем же кончилась ее охота, и мы на следующий день пришли пораньше, но, судя по аппетиту всей семьи, на этот раз охота не увенчалась успехом.

Мбили по привычке подбежала первой, чтобы получить свою дополнительную порцию, и, набросившись с жадностью на молоко с фарексом, опрокинула миску. Я легонько шлепнула ее, она ответила рычанием. На следующий день она нарочно облила меня молоком и получила шлепок посерьезнее. Это подействовало — на другое утро она выпила свое молоко особенно аккуратно и с тех пор никогда не безобразничала. Однажды я подвесила сумку с фотоаппаратами на ветку, до которой она не могла допрыгнуть, но Мбили не собиралась сдаваться и, балансируя, стала пробираться по ветке поближе к сумке. Наконец ей удалось подтянуть к себе ремень передней лапой и, ухватив его зубами, сдернуть сумку. Она одна из всех гепардов любила, чтобы за ней гонялись, и, несмотря на неудобный трофей, который ей пришлось держать в зубах, легко от нас удрала. Когда наконец нам удалось отнять у нее фотокамеры, мы еле двигались от усталости. Утром мы увидели, что земля испещрена львиными следами и, естественно, не нашли гепардов. Меня всегда удивляло, как Пиппа ухитрилась ускользнуть от исконных своих врагов, даже когда малыши едва передвигались. То, что ей пришлось жить

поблизости от львов во время съемок фильма «Рожденная свободной», могло ослабить ее реакцию на этих животных, но все же она уходила при малейшем намеке на их присутствие.

Однажды утром, когда мы ехали к гепардам, нас обогнали два лендровера, в точности похожие на мой. Через некоторое время я заметила на довольно большом расстоянии четыре темных пятна и только в бинокль разглядела, что это головы гепардов. Они скрывались от первых машин, а к нашей доверчиво подошли и стали есть. Не думаю, чтобы Пиппа могла разглядеть нас издали, — непонятно, как она узнала, что мы сидим в последней из трех совершенно одинаковых машин.

На следующее утро вся семья ждала нас под деревом возле песчаного островка, где мы кормили гепардов во время последних дождей. Они смотрели, как мы делим мясо на четыре равные доли и смешиваем в миске фарекс с молоком. Пока я сосредоточенно капала поливитамины в небольшие порции фарша, к нам быстро и совершенно бесшумно подобрался слон и слониха со слоненком; мы заметили их, когда они оказались уже ярдах в двадцати: слон несся прямо на нас. Мы тут же бросились бежать. Локаль схватил ружье и выстрелил в воздух, чтобы отпугнуть преследователя; но ему пришлось сделать четыре выстрела, убегая со всех ног, чтобы разъяренный слон не настиг его. Наконец слон повернулся и присоединился к своему семейству, которое удирало от какого-то из наших гепардов. Я думала, что это Пиппа смело бросилась на защиту своих детей, но, вернувшись к дереву, мы увидели, что она ест мясо вместе с Тату и Уайти. Тут к нам подошла Мбили и улеглась возле Пиппы. Она так явно гордилась своей победой над слонами, что я дала ей несколько лучших кусочков, а она позволила мне приласкать себя.

Прошло несколько дней, и мы нигде не могли отыскать наших гепардов. Мне нужно было съездить в Исиоло, и, пока меня не было, Локаль продолжал разыскивать следы. Когда я вернулась, он сообщил мне хорошую новость: он нашел свежие следы гепардов у аэродрома возле Скалы Леопарда. Впервые Пиппа так далеко увела своих детей; она явно расширяла свои охотничьи угодья. Выехав пораньше и проехав не больше мили, мы встретили все семейство на дороге — они шли прямо от Скалы Леопарда. Все были здоровы, только устали от дальнего пути. Быть может, Пиппа заметила меня в машине накануне вечером, когда я проезжала мимо аэродрома? Значит, она прошла двенадцать миль за ночь, чтобы получить еду. К счастью, у нас было с собой свежее мясо, и мы устроили им хороший завтрак. Но, очевидно, не только голод вынудил гепардов приблизиться к лагерю — передохнув два дня, они снова исчезли. Пока они были рядом, шерсть Пиппы была особенно шелковистой, и я решила, что у нее течка. Она бывала в лагере нерегулярно, и мне никогда не удавалось точно установить, когда у нее наступает течка. Единственным признаком, по которому я могла судить о ее состоянии, было то, что она не любила, чтобы я ее трогала именно тогда, когда ее мех был так необычайно мягок.

Если Пиппа оставляла меня в неведении относительно своих брачных периодов, то парочка нитехвостых ласточек не делала тайны из своих семейных дел. Пристроившись на веревке для белья, они внимательно изучали наш лагерь, выбирая подходящее место для гнезда. Их выбор пал на мою палатку, и они стали летать туда с клювиками, полными глины, не обращая на меня никакого внимания. Обидно, что я как раз собиралась снимать палатку — дожди ее сильно подпортили — и ставить вместо нее более удобную хижину из пальмовых бревен. Мне вовсе не

хотелось, чтобы славные птички даром тратили время и обзаводились семейством в палатке, которая идет на снос, и я прикрепилась небольшую картонную площадку под крышей хижины-кабинета — она стояла рядом с моей палаткой. Я надеялась, что они соблазнятся этой дополнительной опорой для гнезда. Но парочка, обследовав конструкцию, решила ее не принимать, предпочтя пустую палатку поодаль. Я так и не поняла, в чем дело: то ли им пришлось не по вкусу картонная площадка, то ли полотняное жилье им нравилось больше, чем деревянное. И они уже прикрепляли крохотные кусочки глины к полотняной крыше. Но вот незадача — когда гнездо, похожее на чашечку, было почти совсем готово, порыв ветра налетел на палатку и гнездышко развалилось. Я опять постаралась помочь им и прикрепилась другую площадку из гофрированного картона прямо под крышей, недалеко от обвалившегося гнезда. К этой основе легче прикреплять глину, но им что-то не понравилось и они исчезли. Мне было очень жаль, что я помешала им гнездиться в лагере, — я уже успела полюбить этих чудесных птичек.

Нитехвостые ласточки по сравнению с другими видами невелики, но их малый размер с лихвой искупается изысканной раскраской перьев: черные крылья и спинка отливают синевой, на головках — темно-красные шапочки, а белое брюшко перехвачено черным пояском. Особую элегантность им придают два длинных, тонких, как проволока, хвостовых пера — поэтому ласточек и называли нитехвостыми.

Лишняя палатка пустовала, и я всегда держала ее открытой, чтобы там не поселились змеи и скорпионы — любители темных мест. Я в нее не заходила, но недель через девять повар неожиданно удивил меня, сказав, что там появились птенчики. Я вошла и удивилась еще больше — на полу, действительно, были следы помета, а на совершенно голой площадке из картона сидели три

голеньких птенца! Ни глиняного гнезда, ни травинки, ни перышка для тепла. Единственное объяснение, которое пришло мне в голову, когда я увидела эту необычайную детскую, — птички так замешкались, выбирая место для гнезда, что время откладывать яйца застигло их врасплох, они просто не успели построить гнездо по всем правилам и пришлось использовать вместо него картонную площадку. Как это можно назвать — «приспособление к внешним условиям» или «условный рефлекс»? Несомненно одно — время подошло, и они вынуждены были выращивать потомство где попало, в гнезде или без гнезда.

Родители вели себя совершенно необычно — они оставляли птенцов одних на целую ночь, а свои родительские обязанности сводили лишь к кормежке голодной троицы. Через десять дней (полагаю, что к этому времени птенцам было от силы две недели) родители попытались заставить их слететь с гнезда. Крохотные птенчики только кружили по площадке недалеко от ее края, но прошло еще два дня, прежде чем они спланировали вниз. Для них это было событие огромной важности — пролететь прямо до веревки для белья, уравновеситься как можно лучше на этом незнакомом канате, окинуть взглядом огромный мир, небо, деревья. Они так переутомились, что тут же и уснули на своем неустойчивом насесте. Мне в первый раз удалось хорошенько рассмотреть их. Я с восхищением заметила, что они щеголяют почти в полном оперении. Их круглые тельца сверху были покрыты угольно-черными перьями; сероватые шапочки уже становились красными, а шелковистые пышные перышки на брюшке отливали чистой белизной. Им оставалось отрастить только хвосты — пока что это были крохотные зачатки, мало помогавшие в полете. Следующие пять дней родители по утрам давали уроки полета всем птенцам по очереди. Они стартовали с

бельевой веревки и летели по большому кругу, приземляясь на куст у дороги. Там они немного отдыхали и вновь повторяли урок. Они неизменно усаживались на один и тот же куст, и мне приходилось объезжать это место, когда я отправлялась на поиски гепардов, — нельзя же нарушать установленный порядок.

С каждым днем их полеты становились все продолжительнее, птенцы уже не порхали, а летали, как взрослые, хотя хвостики у них все еще были маленькими. Иногда они пропадали целыми днями, но на ночь обязательно возвращались в свою детскую на картонке. Только через двенадцать дней они покинули палатку. Еще несколько дней я могла наблюдать за птенцами — они держались возле лагеря. Но вот пришел день, когда я потеряла из виду это очаровательное семейство, — через восемьдесят три дня с того момента, как родители начали строить первое гнездо (с 18 июня по 8 сентября). В последний раз я видела всех троих на веревке для белья — они щебетали во все горло, словно прощались со мной.

Тем временем мы продолжали разыскивать Пиппу и ее семейство, но наткнулись только на четырех львов; они сонно подняли головы из травы, когда мы подошли на двадцать ярдов, и тут же перебрались в соседний куст. Через четыре дня мы наконец нашли семейство Пиппы в полумиле от лагеря. Они так изголодались, что набросились на принесенное мясо, кусая и царапая друг друга. Но Мбили очень скоро забралась на дерево, чтобы удрать от всей этой воркотни и драки, и дожидалась там, пока я ей выдам ее долю, которую она проглотила в один прием. Следующие несколько дней дул сильный, резкий ветер, и все мы, не исключая гепардов, очень нервничали. Гепарды заметно беспокоились и прятались даже от Локаля; выходили они, только увидев поблизости меня. Но тем не менее

Пиппа дважды за эту неделю побывала в лагере. Она направлялась напрямиком к холодильнику и, едва дождавшись, пока мы положим мясо в корзинку, вела нас за реку к Охотничьей акации, где прятались ее дети. Мбили, как всегда, поджидала на ветке, пока я накормлю ее из рук; к сестрам она спускалась только после того, как прекращались их распри; разумеется, к этому времени почти все мясо бывало съедено. Это меня очень тревожило: как же она выживет, не умея отстаивать свою долю? Я решила, что необходимо подкрепить Мбили, и увеличила порцию причитавшихся ей витаминов; самой питательной в их рационе была костная мука, но гепарды ее не любили, и мне приходилось выдумывать разнообразные фокусы, чтобы скормливать им эту муку.

В середине сентября 1967 года семейство снова пропало. В конце концов мы нашли их следы возле провалившегося моста через Ройоверу — у самых границ их тридцатимильных владений. Потом мне сообщили, что на другом берегу видели двух гепардов, и я испугалась, что во время переправы через кишашую крокодилами реку случилось несчастье. Еще больше я расстроилась, когда у того переката, где как раз могли проходить гепарды, нам попался крокодил восемнадцати футов длиной. У другого переката мы видели семерку черепах, принимавших солнечные ванны рядышком с крокодилом поменьше. Пришлось продолжать поиски на равнинах за Ройоверу; на это ушел почти целый день, и мы выбились из сил — стояла страшная жара. Однажды нам попалось стадо канн — это самые крупные антилопы в Африке, их вес доходит до 1500 фунтов. Среди них были и зебры — штук пятьдесят. Как только мы подошли, антилопы разделились: одна группа — две самки и бык — окружила пятерых маленьких телят, явно намереваясь защищать их, а остальные вместе с зебрами бросились

бежать. Мы вернулись на это место часом позже — маленькая группа все еще держалась особняком, и мы подумали, что у канн, возможно, тоже существуют «детские сады», как и у импал.

В это беспокойное время нас развлекали зеленые мартышки — с каждым днем они делали все более дерзкие вылазки к нам в лагерь за плодами, которые созревали на тамариндах. Я любила этих грациозных обезьянок — они нередко будили меня по утрам, хрустя бобами у входа в мою хижину, пока я не шевелилась. Павианы были далеко не так очаровательны, но они тоже любили плоды тамаринда и держали нас в осаде весь день напролет, поджидая, когда можно будет напасть на лагерь. Тогда они прыгали на крыши хижин, как армия мохнатых гномов, набивали защечные мешки и с дикими воплями удирали на соседнее дерево — чтобы дождаться момента, когда можно будет совершить очередной налет. Жители Индии и Африки тоже очень любят плоды тамаринда: сочная, липкая, богатая витаминами мякоть обволакивает твердые семена и похожа по вкусу на горьковато-сладкое варенье. Из этих плодов получается очень вкусный напиток, а твердые, как камешки, семена, растертые с водой, прикладывают к местам, укушенным скорпионом, чтобы уменьшить боль.

Прошло уже одиннадцать дней с момента исчезновения гепардов, когда я отправилась искать их за четыре мили от Скалы Леопарда, в окрестности первого лагеря Пиппы. Это было единственное место, которое мы еще не обследовали, потому что до сих пор Пиппа никогда не уводила своих детей в такую даль. Поэтому я удивилась, увидев свежий след у болота — два года назад оно было первой охотничьей территорией Пиппы. Мне стало ясно, что она опять расширяет свои владения, включив в них и свой старый дом. След привел нас обратно к Скале Леопарда, но

примерно в полумиле от нее нам стало трудно разбирать следы на каменистой почве. Я чувствовала, что Пиппа где-то близко, и звала ее не переставая. Наконец я увидела, как четыре гепарда высунули головы из травы и тут же спрятались снова. Именно в этом месте два года назад мы видели Пиппу с самцом. Я стала осторожно подходить к ним, боясь, что молодые вот-вот удерут, но они посмотрели, как я села возле Пиппы, и начали мурлыкать. Все они прекрасно выглядели, и даже Мбили поправилась. Следом за мной, не спеша семейство спустилось по гребню к зарослям высоких акаций, где и уселось отдыхать. В детстве Пиппа очень любила это место: отсюда можно было наблюдать, как рано утром на аэродроме резвятся самые разные животные; отсюда было видно и что делалось у Скалы Леопарда.

Я была рада, что после одиннадцати дней разлуки все гепарды отлично выглядели и даже есть не хотели! Я дала молодым молока с фарексом; двое стали играть возле термитника, а Мбили, сидя в сторонке, наблюдала за Скалой Леопарда. Убедившись, что все гепарды сыты и довольны, я поехала к директору парка, чтобы поговорить с ним о том, что необходимо до начала дождей сжечь старую траву. Я знала, что наши гепарды будут в безопасности возле Скалы Леопарда, и предложила начать пал вокруг моего лагеря в двенадцати милях от них. Директор дал разрешение и даже предложил вырыть защитные канавы по всей форме — он только что получил огромный трактор для работ в парке. Значит, на этот раз нам не грозит опасность пожара. На следующий день трактор пробился к нашему лагерю, сделал широкие противопожарные канавы по обе стороны речки и даже сравнял оба берега, чтобы на всякий случай был брод для машин. Потом появился директор парка; он прихватил с собой не только бригаду рабочих — они

должны были помочь нам выжигать траву, — но и целый выводок только что вылупившихся страусят, которых он подобрал на дороге, чтобы уберечь от пожара. Всех страусят ему не удалось изловить: одного унес какой-то пернатый хищник, а двое убежали с родителями.

Мы поместили страусят в вольер, где когда-то жила Уайти, и начали пал. Рабочие, растянувшись цепочкой с подветренной стороны, сбивали пламя и гнали его в нужном направлении. Огонь пронесся мимо лагеря, и он остался позади, словно зеленый островок в озере серого пепла. Когда все закончилось, директор отправился домой, а у меня на руках оказались двенадцать маленьких страусят. Я внимательно рассмотрела их и увидела, что многие из них крупнее остальных: это были самцы. Склеывая траву и семена, они жались друг к другу и непрерывно издавали дрожащий стрекочущий звук — «прррр-прррр». Должно быть, они звали свою мать. Пока что они были маленькие, но я знала, что страусы растут быстро, и представляла себе, как через несколько месяцев они перестанут уместаться в вольере; а ведь мне придется держать их там по крайней мере год. Что же делать? К счастью, в это время приехал Джордж. Мы обсудили положение и решили попробовать отыскать родителей и вновь объединить семью. Прошло всего шесть часов с тех пор, как поймали страусят, и родители, наверное, примут их обратно. Не успели мы проехать и двух миль, как среди сожженной растительности увидели белые перья страуса-папаши, а рядом с ним страусиху и двух страусят. Мы быстро вернулись в лагерь и погрузили в лендровер остальное семейство. Приблизившись на тридцать ярдов к страусам, мы объехали их кругом и отделили двух страусят от родителей, которые изо всех сил старались защитить свое потомство, энергично, взмахивая крыльями. Потом мы подогнали машину

поближе к двум страусятам и, не показываясь на глаза родителям, выпустили рядом с ними наших пленников.

А пламя тем временем рвалось по равнине к Скале Леопарда, подсвечивая ночное небо и наполняя воздух дымом. На мягком пепле было очень легко искать следы, и несколько дней подряд, не находя следов наших гепардов, мы часто встречали страусят-погорельцев. Я видела, как они с каждым днем набираются сил, и была счастлива, что нам удалось их спасти.

Глава 18

Мбили, Уйти и Тату начинают самостоятельную жизнь

Хотя для меня было огромным облегчением знать, что Пиппа и ее дети могут жить самостоятельно, я все-таки продолжала их разыскивать, чтобы установить, когда молодые сами начнут убивать добычу. И еще мне хотелось узнать, насколько они расширят свою территорию и как произойдет их расставание с Пиппой.

5 октября мы нашли свежие следы наших гепардов возле Муреры, на полпути от нашего лагеря к Скале Леопарда. Мне еще не приходилось встречать семейство в этих местах. Перейти сюда их, должно быть, заставила близость реки, несмотря на то что над землей еще курился дымок. Следы привели нас к гнезду, где лежало двадцать одно яйцо страуса. Гнездо было опалено огнем. С тех пор как мы кормили гепардов в последний раз, прошло уже двадцать пять дней, не считая фарекса с молоком, который мы им скормили две недели назад. Если бы они были голодны, они наверняка разбили бы несколько яиц — Пиппа очень любила желтки, — но все яйца были целы. А может быть, гепарды не тронули их, потому что они обгорели? Чтобы узнать, не нарушил ли огонь инкубацию яиц, я решила вернуться к ним недели через две и посмотреть, не вывелись ли из них страусята.

На закате, прогуливаясь недалеко от лагеря, я вдруг увидела Мбили, Уйти и Тату — они перебежали через дорогу и помчались к реке. Я подумала, что они проголодались после длинного перехода, и, съездив в Кенмер, взяла для них козу, но, вернувшись, уже не застала их. На рассвете Локаль пошел их искать, но,

хотя он, как потом оказалось, был совсем близко от них, они не появились, пока не подошла я, — и то появилась одна Мбили; она вытянула шею, ожидая лакомого кусочка. Остальные нисколько не торопились идти за нами к тенистому дереву, чтобы поесть принесенной козлятины.

Я провела с гепардами счастливое утро. Все они выглядели прекрасно; Пиппа, несмотря на двадцать пять дней разлуки, была очень ласкова, лизала мое лицо и покусывала руки. Зато молодые заметно одичали, и Уйти угрожала мне резким ударом лапы, как только я осмеливалась снять с нее клеща. Поэтому я удивилась, что за пять следующих дней Пиппа дважды приводила детей в лагерь, требуя, чтобы их накормили. Странно — она так много сил положила, чтобы держать их подальше от лагеря, а теперь, когда они как будто были вполне подготовлены к дикой жизни, почему-то вдруг изменила тактику. Но если она решила нарушить правила, то я этого делать не собиралась и, чтобы предупредить новые визиты в лагерь, за три недели оттащила три козьи туши и большую порцию мяса зебры под Охотничью акацию; аппетит у гепардов был неумемный.

11 октября меня разбудил топот; какое-то животное пробежало позади моей хижины. Вошел повар с утренним чаем и сказал, что это Пиппа гонится за козлом. Я вышла, увидела трех гепардов, сидящих возле дороги, и подумала, что это молодые. Но ошиблась. За козлом, оказывается, гналась Уйти, а Пиппа и двое остальных неподвижно сидели у дороги. Тут Пиппа подошла к холодильнику и дала мне понять, что она все еще голодна — несмотря на невероятное количество мяса, которое они поглотили за последние несколько дней. У меня оставалось всего несколько кусочков: я отдала их Пиппе, а она поделилась с Мбили и Тату.

Тем временем я пошла по следам Уайти — они вели в густой кустарник у реки. Неожиданно я чуть не наступила на нее. Она убила дукера — задушила его и вспорола ему брюхо. Я восхитилась хваткой Уайти, но она взглянула на меня так, словно ничего особенного не случилось, и даже бросила свою добычу и присоединилась к остальным — они как раз показались на другом берегу реки. Я приподняла дукера и пошевелила его, и Пиппа мгновенно перемахнула через речку; мне пришлось оберегать от нее тушу, пока не подошли молодые, — они тоже должны были получить свою долю. Я была потрясена, увидев, с каким спокойствием Уайти смотрит, как остальные, не подпуская ее к мясу, рвут ее добычу. Она ушла раньше всех, а Пиппа оторвалась от еды последней и догнала молодых, когда те уже скрылись за рекой. Я потом измерила расстояние, которое Уайти пробежала, гоня дукера, — оказалось не меньше трехсот шестидесяти ярдов. Она так ловко расправилась с дукером, что было ясно — это не первая ее добыча, а ведь ей не было еще и четырнадцати месяцев.

Для меня этот день стал праздником — теперь я знала, что дети Пиппы в случае необходимости смогут добыть себе пищу, и была счастлива, что наше подкармливание не помешало им нормально развиваться. По сравнению с Пиппой они были настоящими вундеркиндами — она и в двадцать месяцев не знала, как подступиться к цыпленку или козлу. Теперь я смогла установить время, когда молодые гепарды начинают охотиться. К этому времени у меня уже накопилось немало киноматериалов — я узнала много нового о поведении гепардов и документально фиксировала все этапы их развития. Но это нисколько не приблизило меня к пониманию их загадочного характера. Я осознала это в тот момент, когда увидела, что Мбили сосет Пиппу. Несмотря на

такой возврат к младенчеству, молодые, по моим расчетам, должны были вот-вот расстаться с матерью и начать самостоятельную жизнь. Так что нам надо было торопиться, чтобы снять последние кинокадры, пока семья еще не распалась. На выжженной земле гепарды были заметны издали. Мы с Джорджем решили, что съемками займется он сам. Часами мы бродили, таская на себе тяжелую аппаратуру и выслеживая семейство. Наконец мы нашли гепардов в слоновьем лесу. Пиппа придирчиво обнюхала Джорджа, а молодые держались поодаль, пока мы не выложили мясо, которое принесли с собой. Тут они позабыли про Джорджа, про штатив и шум камеры и принялись за дело, так что ему удалось заснять, как они берут мясо у меня из рук. Потом я размахивала козьей шкурой, а они бросались на нее, и в довершение всего Пиппа улеглась у моих ног и это тоже попало на пленку. Прошло несколько дней после этой удачной съемки, прежде чем гепарды однажды утром пожаловали к нам в лагерь.

Пока работники доставляли из Кенмера овцу, Тату погналась за дукером, но упустила его. Должно быть, это испортило ей настроение, потому что она пришла в бешенство, когда мы принесли овечью тушу к Охотничьей акации. Вся дрожа, она припала к земле и с яростным рычанием следила за каждым моим движением, а в глазах было столько ненависти, словно она вот-вот бросится на меня. Честно говоря, я несколько минут чувствовала себя, как зверь в загоне, пока на помощь мне не пришла Пиппа. Она встала между нами, и нападение не состоялось. Может быть, Тату казалось, что она проворонила дукера из-за меня, или она решила, что туша овцы — ее собственная добыча? Никогда мне не приходилось видеть ее в таком свирепом настроении. Теперь-то я уж ни за что не поверю, что гепарды — безобидные животные; я получила хороший урок.

С этого дня семейство стало уходить все дальше и дальше от лагеря. Отыскивая их, мы снова наткнулись на опаленную пожаром кладку страуса, которую видели две недели назад. От яиц остались только скорлупки, но я не нашла внутри никаких следов приставшего к ним желтка — а они непременно оставались бы на скорлупе, если бы яйца были разбиты до того, как вылупились птенцы. Поэтому я решила, что инкубация прошла нормально — толстая скорлупа уберегла зародыши от огня.

Приближались ноябрьские дожди, и, предвещая их, внезапно зацвели акации. Они напоили душный воздух свежим ароматом, и их белоснежные цветы казались особенно прекрасными на фоне опаленных зарослей. Эту внезапную вспышку цветения накануне дождей вызвала повышенная влажность воздуха. Насекомые суетились всюду, времени у них было в обрез, чтобы успеть опылить цветы, прежде чем налетевшие ливни собьют и втопчут в грязь все это хрупкое великолепие. Теперь я поняла, почему жирафы на бегу задирают хвосты высоко кверху. Я видела, как через рощицу цветущих акаций, с необыкновенной четкостью выделявшихся на темном фоне обгорелых кустов, несется галопом стадо жирафов, загибая хвосты и прижимая их к спине, чтобы длинные кисточки не запутались в колючих ветвях.

Когда семейство объявилось дней через десять, все были в наилучшем виде, только Пиппа была покрыта клещами и кровоточащими расчесами. Я не могла понять, как вышло, что из всех пострадала одна Пиппа — она-то как раз и должна была проявить наибольшую устойчивость. Подойдя ко мне, она разлеглась так, чтобы мне было удобно вытаскивать клещей, и терпеливо переносила эту процедуру. Как только я покончила с клещами, она вскочила и ушла —

подозреваю, что она и вернулась только для того, чтобы воспользоваться моими услугами.

Прошли первые ливни, и трава стала расти не по дням, а по часам; за несколько дней черная равнина превратилась в бескрайнее море дремучих трав, где островками были разбросаны желтые, алые, белые и синие цветы. Небесно-голубые пентанезии служили великолепным фоном для золотистых гепардов — они как раз ненадолго поселились возле лагеря.

В этом живописном окружении мне захотелось сделать новые кадры «с участием человека», и я пригласила Джорджа снова попытать счастья в роли оператора. Мы прошли всего несколько сотен ярдов, когда мимо нас на полной скорости пронесся гепард в погоне за антилопой; оба исчезли в зарослях, и оттуда через некоторое время раздалось отчаянное блеяние. Мало-помалу оно затихло, и мы подоспели к месту сражения, когда Пиппа мертвой хваткой вцепилась в горло дукера. Хотя он уже не двигался, она не отпускала его несколько минут, а потом, как бы оседлав его, поволокла на открытое место и позвала молодых. Они наблюдали, находясь ярдах в ста пятидесяти от места борьбы, и бросились к Пиппе со всех ног. Она дождалась их и только тогда вспорола брюхо жертве. Молодые накинулись на добычу с такой жадностью, что через час от козлика остались одни только рожки. Их даже закапывать не стоило, и Пиппа пошла прочь, а Мбили улучила минутку и поиграла с ними, прежде чем догнать семейство. Мне впервые довелось видеть, как Пиппа убивает добычу, и нам удивительно повезло, что все это мы успели заснять на фото- и киноплёнку. Сняли мы еще, конечно, с разрешения Пиппы, как я держу добычу, пока гепарды едят.

Трава стала слишком высокой, и гепарды уже не могли подкрадываться к добыче. Поэтому, проголодавшись, они не стали терять времени на

визиты в наш лагерь, а отправились напрямиком в Кенмер за своей козой. Мне не хотелось, чтобы это вошло у них в привычку, и я решила, что единственный способ предотвратить новые налеты на Кенмер-Лодж — это держать хороший запас мяса в лагере. Но об этом тут же проведали два шакала, которые стали крутиться поблизости и обнаглели до такой степени, что среди бела дня усаживались в двадцати ярдах от гепардов. Они тявкали и всячески изводили гепардов, а когда кто-нибудь из молодых бросался на них, устраивали игру в прятки. Шакалы — очень привязчивые и умные существа, и какие прелестные ручные зверюшки получились бы из них, если бы природа не оградила их от подобной участи, сделав опасными носителями вируса бешенства.

А трава тянулась все выше и выше, и наконец Пиппа отступила к Скале Леопарда, где растительность была не так обильна. Там она могла выслеживать животных, которые резвились по утрам на посадочной площадке. Однажды вечером мы застали там всю семью; они нам очень обрадовались, но в лагерь за нами не пошли и оставались на этом месте целых девять дней. Следующий раз мы выследили их на милю выше лагеря, на противоположном берегу реки. Пока мы доставали мясо и переходили через реку, гепарды исчезли, оставив целую тучу грифов на соседних деревьях. Мы часа два искали добычу и наше семейство, но ничего не нашли до самой темноты. Только тут я заметила головы гепардов в нескольких сотнях ярдов от нас: они наблюдали за нами, пока мы выкладывали мясо у них перед носом, а потом набросились на него и проглотили в мгновение ока, хотя животы у них уже были набиты до отказа. Уайти и Тату здорово выросли и стали крупнее Пиппы, даже Мбили наконец поправилась. Она одна до сих пор была ласкова с нами; когда она подбежала, я увидела у нее кровоточащую царапину на

задней лапе, однако, судя по ее шаловливым прыжкам, эта рана не причиняла ей боли. На следующее утро, примерно в полумиле от места, где сидели грифы, мы нашли ногу небольшой антилопы. Примятая трава и другие признаки говорили о борьбе. Я вспомнила рану Мбили — не она ли прикончила эту антилопу?

В течение нескольких месяцев гепарды заходили к нам лишь изредка, а один раз их не было пятнадцать дней подряд. Мы находили остатки их добычи, а однажды подошли к ним как раз в тот момент, когда они подкрадывались к газелям Гранта. Развернувшись в одну линию, ползком, они стали окружать антилоп, но тут антилопы что-то учуяли и умчались прочь.

В основном гепарды добывали дикдиков, дукеров и цесарок — а это было маловато для четырех пустых желудков, и я продолжала подбрасывать им мясо. Вскоре я стала замечать, что между Пиппой и ее детьми сложились новые отношения. Раньше во всем, что бы они ни делали, она брала инициативу на себя, а теперь она почти всегда смотрела со стороны, как я кормлю молодых, и подходила только после того, как они наедались. И она ни разу не проявила ревности — даже когда я оказывала предпочтение балованной Мбили. А вот Тату стала настоящей грубиянкой — несколько раз она наскакивала на меня ни за что ни про что.

6 декабря, когда молодым исполнилось по шестнадцать с половиной месяцев, мы кормили их в нескольких сотнях ярдов от лагеря. Нам хотелось сделать кое-какие снимки, и после чая мы снова пришли на это место, но застали там только Пиппу — она сидела на дереве, оглядывалась и тревожно звала молодых своим и-хн, и-хн. Нам стало ясно, что она их потеряла. Принюхиваясь к следам на земле, она вела нас примерно полмили сквозь густую траву, потом мы вышли на открытое место и там нашли отпечатки лап. Тогда Пиппа села, замурлыкала и развалилась на земле,

чтобы мне было удобно вытаскивать клещей. Мы играли почти до самого заката, и я уже стала беспокоиться за молодых. Пиппа не тронулась с места, когда я собралась уходить и стала звать ее дочерей по имени. Я наткнулась на них всего через каких-нибудь триста ярдов — они выглядывали из-за дерева. Конечно, Мбили подошла ко мне первая и пошла за мной к Пиппе — а ведь та, должно быть, все время знала, что дети здесь, поблизости. Они ласково облизывали друг друга, поджидая Уайти, а потом не торопясь ушли в темноту. Тату шла за ними на приличном расстоянии — в моем присутствии она не подходила к матери.

С этих пор молодые отсутствовали подолгу, а 20 декабря Мбили отправилась бродить сама по себе. Я в это время уехала дня на два к доктору в Найроби. Пока меня не было, Локаль встретил семейство ниже по реке — они шли в Кенмер, а немного спустя там видели одну Пиппу. На следующее утро он обнаружил Мбили, прятавшуюся под деревом недалеко от Кенмер-Лоджа. Это дерево мы называли Деревом мужа, потому что супруг Пиппы неизменно проходил мимо него, когда бывал в этих местах. Мбили была голодна и подпустила Локаля совсем близко, ожидая, что он ее накормит. Но у него не было с собой ни кусочка мяса, и он пошел за ним в лагерь, а вернувшись, не нашел ни Мбили, ни других гепардов. В эту ночь несколько львов своим ревом не давали уснуть егерям в Кенмер-Лодже. Я вернулась из Найроби часов в пять, и в это же время пришла Пиппа. Она отказалась заходить в лагерь и ждала на дороге, пока я принесу ей мясо. Но каково же было мое удивление, когда я увидела, что она не прикоснулась к еде и решительно побежала рысцой вдоль дороги обратно в Кенмер. Я подумала, что она хочет отвести нас к молодым, и попросила Локаля пойти за ней, а сама побежала в лагерь, чтобы взять побольше мяса. Когда я догнала Локаля возле Дерева

мужа, он все еще не мог отдышаться: Пиппа бежала рысью всю дорогу до этого дерева, а потом припустилась к равнине с такой скоростью, что угнаться за ней не было никаких сил. Потеряв ее из виду, он вернулся к дороге и стал дожидаться меня.

Мы шли по следу Пиппы, пока совсем не стемнело, и продолжили поиски на следующее утро. Вернувшись к полудню в лагерь, мы узнали, что Пиппа приходила, основательно поела и пошла по дороге к Скале Леопарда. А вчера она повела нас в противоположную сторону. Быть может, она хотела избежать встречи со львом, голос которого мы слышали за рекой в эту ночь? Мы не нашли ее следов, зато встретили Уайти и Тату на следующий день у Грязного дерева в двух милях от лагеря. Обе держались очень настороженно, но не смогли устоять перед мясом, предложенным нами. Они уволокли его в колючий куст, а мы пошли дальше, надеясь разыскать остальных гепардов. Пиппу мы нашли только через два часа, хотя она была всего в полумиле от этого места. После того как я обобрала с нее клещей и покормила ее, она медленно пошла за нами к своим дочерям и, даже не лизнув их, как обычно, легла неподалеку. Но где же Мбили?

Она не появлялась уже четыре дня. Я вспомнила, как Пиппа волновалась, когда мы забирали у нее маленького Дьюме, а потом Уайти, и мне хотелось, чтобы она помогла нам разыскать Мбили. Для этого я принялась звать Мбили, однако Пиппа никак на это не реагировала и в конце концов задремала. Мы проискали Мбили до самого вечера, но найти ее так и не удалось. На другой день у Грязного дерева мы нашли только Пиппу с Уайти и Тату. Наступило 24 декабря, и мы очень хотели устроить им большой праздничный обед.

Последние три года рождество приносило нам одни огорчения. На этот раз не только тревога за Мбили омрачала наш праздник — мы узнали ужасную новость:

бедный Аран Шарма утонул в море во время своего отпуска. Мы ждали его к рождеству, и весть о его смерти глубоко потрясла нас. В день рождества мы нашли возле Грязного дерева только Уайти и Тату. След Пиппы уходил далеко на равнину, где она родила малышкой, и оттуда еще мили за три — в такую даль она до сих пор еще не заходила. В этой открытой сухой местности нам легко удавалось разбирать следы дукеров и дикдиков на красноватом песке. За следующую неделю мы дважды находили там следы одинокого гепарда, а один раз видели двойной след. Локаль считал, что более мелкие следы принадлежат Пиппе, потому что, Мбили стала крупнее матери, но точно сказать, кто оставил эти крупные следы — она или муж Пиппы, — мы не могли.

Тем временем Уайти и Тату держались возле Грязного дерева и вели себя так, как будто им было приказано там оставаться. Они обе с каждым днем все больше дичали и совсем не скрывали, что терпят нас только за то, что мы приносим мясо. Если я осмеливалась, подойти к ним поближе, они норовили ударить меня когтями. Я старалась не волноваться за Мбили, утешая себя тем, что она, должно быть, бродит вместе с матерью. Но в день Нового года Пиппа объявилась в лагере одна. Она пришла очень рано, все время вынюхивая что-то на земле и повторяя свое тревожное и-хн, и-хн. Я решила, что где-нибудь поблизости затаилась Мбили. Чтобы выманить ее из укрытия, я дала Пиппе мясо, но это не помогло — Мбили не показывалась, а Пиппа даже не притронулась к мясу. Ушла она в ту сторону, где мы видели Уайти и Тату в течение последней недели. Она прошла две мили очень быстро, словно знала, что возле Грязного дерева ее поджидают дети. Там они встретились, и их поведение меня поразило. Они просто-напросто занялись обедом. Но и Пиппа вела себя очень странно. Можно было

подумать, что она оставила молодых на мое попечение на те восемь дней, пока была в отлучке. Как же иначе объяснить, что она пришла ко мне в лагерь, стала звать их и отказалась есть, пока они не собрались все вместе? Она так уверенно шла к Грязному дереву, как будто не сомневалась, что детям ничто не угрожает и они обязательно ждут ее там. Может быть, ее полное безразличие к отсутствию Мбили тоже надо считать хорошим знаком? Ведь Мбили не было уже двенадцать дней.

Мы продолжали поиски, пока совершенно не выбились из сил, но нам так и не удалось ничего узнать — только один егерь сообщил, что видел как-то вечером возле Кенмера двух сидящих гепардов и они, по-видимому, не боялись людей. Вот и все. Мы рыскали вокруг с рассвета до темноты, даже в жаркие полуденные часы, а Пиппа продолжала наносить привычные визиты в лагерь, нисколько не заботясь о том, что Мбили пропадает уже семнадцать дней.

Однажды утром, перед тем как отправиться на поиски Мбили, я скормила трем гепардам у Охотничьей акации почти целую козью тушу. Когда я вернулась, близился вечер, и гепарды, отяжелевшие и сонные после сытной трапезы, лежали на том же месте. Я положила голову на плечо Пиппы и постаралась успокоиться, но тревога не оставляла меня. То, что исчезновение Мбили совпало с нашествием львов, заставляло меня опасаться самого худшего. Я позвала ее, Пиппа услышала и подняла голову. Было уже совсем темно, и за мной пришел Локаль. Его забота тронула меня, я пошла с ним домой, но на полдороге я вдруг увидела выглядывающую из травы голову гепарда. Это была Мбили — со знакомым мне лукавым выражением она ждала лакомств. У меня ничего не было — только козья голова, и я попросила Локаля принести ее и разбить кости, чтобы Мбили могла лучше обглодать

эту убогую подачку. Тем временем я дала ей молоко, недопитое ее сестрами. Она вылизала миску досуха. Ее шкурка, хотя и полная колючек, отливала чудесным шелковым блеском, и вообще вид у нее был великолепный.

Я поманила Мбили, и она пошла за мной туда, где была вся семья. По дороге нас догнал Локаль с мясом, которое она тут же проглотила, все до последнего кусочка, — как раз вовремя, чтобы оно не досталось Уайти, — мы уже видели, как та, вытянув шею, выглядывает из травы. Мгновение спустя она бросилась к Мбили и стала ее лизать. Немного погодя к ним присоединилась Тату, и вся тройка весело каталась по земле, а потом радостно наскочила на Пиппу. Пиппа не двинулась с места, поприветствовала Мбили громким мурлыканьем. А та обняла ее и нежно терлась об нее головой — мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы она так бурно проявляла свою любовь. Просто не верилось, что Мбили, этот маленький заморыш, первая показала своим более сильным сестрам, что она может прекрасно жить без посторонней помощи, да еще так долго! Но тут я вспомнила Пиппу — ей в шестнадцать с половиной месяцев случалось совершать и более длительные путешествия в обществе самца, — ничего удивительного, что одна из ее дочерей уже проявляет интерес к противоположному полу. Они еще не были готовы к спариванию, но все же я решила, что егерь возле Кенмера видел Мбили в обществе ее приятеля.

Возвращение Мбили переполнило меня радостью, и мне казалось, что она разделяет мои чувства: она вся искрилась весельем и случайно плеснула молоком из миски прямо мне в лицо. Пока я протирала глаза, она стащила кусок козьей шкуры и заплясала вокруг меня, словно извиняясь за свою оплошность. Наконец, она бросилась на землю у моих ног и стала вовсю мурлыкать.

Через несколько дней Пиппа притащилась в лагерь, сильно припадая на правую лапу. Я прощупала ее от плеча до подушечек, но не обнаружила никаких повреждений, и Пиппа ни разу не показала, что ей больно. Но хромота усиливалась с каждым днем, так что через неделю она едва передвигалась. Тем не менее она ежедневно вводила молодых на большое расстояние к подножию хребта Мулика, где облюбовала небольшую рощицу. Там они оставались несколько дней, молодежь резвилась, без конца карабкаясь вверх и вниз по упавшему дереву, а Пиппа отдыхала в тени большой терминалии. Это было идеальное место для отдыха и выздоровления, конечно, при условии, что ей не придется тревожить больную лапу во время охоты. Снабжение мясом взяла на себя я.

Интересно, что Уайти и особенно Тату признали превосходство Мбили. Мне было жаль Тату, когда я видела, как она с безопасного расстояния следит за нашей игрой с козьей шкурой. Иногда она даже решалась вступить в игру, но при этом всегда оставалась более недоверчивой, чем Мбили. И поведение Пиппы тоже изменилось. Она стала особенно ласковой и, покусывая мои руки, как будто благодарила за помощь. Я никак не могла догадаться, что с ней такое: обычно она ступала на больную лапу очень осторожно и ходила медленно, но иногда играла с молодыми и носилась вокруг, как будто у нее ничего не болело.

На три дня мы потеряли семейство из виду. Потом приехала группа посетителей; они сказали, что видели утром возле дороги четырех гепардов и один из них был так доверчив, что даже позировал для фотографа. Когда они узнали, что я не могу найти Пиппу с детьми, они предложили, чтобы их повар показал нам место, где они встретили гепардов. Захватив мясо и молоко с фарексом, мы проехали шестнадцать миль, мимо Скалы

Леопарда и дальше, к первому лагерю Пиппы. И, конечно же, нашли всю четверку возле Виллы Торопливого Льва. Пиппа все еще хромала и не позволяла мне дотрагиваться до своего живота: я заметила, что ее соски набухли от молока. Тут-то до меня дошло, что те следы, которые мы видели шесть недель назад в Сухих равнинах, были следами Пиппы и ее супруга, а теперь она вынашивала его потомство. Любопытная деталь — она забеременела, как только Мбили, Тату и Уайти научились охотиться и жить независимой жизнью.

А что она станет делать, если новое семейство появится на свет, пока прежний выводок еще не расстался с матерью? Я знала, что однажды самка гепарда в национальном парке Найроби оказалась в таком положении. Она решила задачу, выбравшись через ограду за пределы парка, где и родила малышей, подальше от своих уже взрослых детей. Когда через несколько недель директор парка заманил ее обратно вместе с малышами, она свирепо отогнала от себя своих прежних детей. Но как же Пиппа сможет отогнать дочерей — ведь ей мешает хромота, и она нуждается в моей помощи, а это заставит молодых держаться возле нее. Она хромала уже двадцать дней, и с тех пор прошла восемнадцать миль — а это едва ли способствовало улучшению ее здоровья.

На следующее утро мы нашли семейство еще на полмили дальше — оно отдыхало на одной из земляных куч, во множестве разбросанных вдоль вновь строящейся дороги. Дорога была широкая, в три ряда, и вела она прямо, как стрела, через весь парк, соединяя все мелкие дорожки. Пока что на ней не было движения, и она служила животным для песочных ванн и других игр, а хищники использовали ее как наблюдательную площадку. Лучшей тренировочной площадки для молодых Пиппа найти не могла: соседняя

равнина никогда не превращалась в болото, даже в период дождей, и на ней паслись бессчетные стада газелей Гранта, водяных козлов, зебр, конгони и ориксов. С вершины земляных куч местность просматривалась далеко во все стороны, а в кустарнике на обочинах можно было отлично затаиваться, подстерегая добычу. Молодые не теряли времени даром, и на этот раз мы застали охоту на двух бородавочников. Гепарды по всем правилам скрадывали добычу, но потом, наверное, разглядели внушительные клыки и, приняв решение — со свиньями не связываться, внезапно прекратили охоту. В следующие дни семейство переходило вдоль дороги все ближе ко входу в парк: хуже места для них нельзя было придумать. Мне вовсе не хотелось, чтобы они там обживались.

Однажды мой лагерь посетили два приезжих ветеринара и, услышав о болезни Пиппы, предложили помощь. Один из них был доктор Сейер, друг Харторнов; он работал в ветеринарной лаборатории в Найроби. Поставить диагноз на основании моих описаний он не мог, поэтому мы решили поехать к Пиппе. Ветеринар должен был определить причину хромоты, наблюдая издали в бинокль, как я осматриваю лапу Пиппы.

Мы нашли гепардов около полудня — они сонные валялись под кустом. Я оставила докторов в лендровере и пошла к Пиппе. Делая вид, что я с ней играю, я придавала ее правой лапе разные положения. Это убедило ветеринаров, что она не вывихнула плечо и не порвала связки, но они заявили, что для постановки диагноза одному из них необходимо собственными руками ощупать ее лапу. Мы очень сомневались, что она позволит незнакомому человеку трогать себя, и поэтому я и доктор Сейер приближались к ней с величайшей осторожностью. Молодые тут же удрали, но Пиппа вела

себя так, словно знала, что мы хотим ей помочь. Она позволила ветеринару провести обследование, и он обнаружил смещение мелких косточек в запястье. Если обеспечить лапе покой, все заживет, в противном же случае воспаление суставов может перейти в очень болезненный хронический ревматизм. Сейчас это еще можно предотвратить, если давать ей бутазолидин. Врачи уехали, пообещав прислать лекарство. Мне же оставалось только надеяться, что удастся, как было рекомендовано, в течение недели давать Пиппе по две таблетки в день.

А семейство уходило все дальше по дороге — они уже вышли далеко за пределы тех мест, где обычно бывали. Пиппа опять расширяла свои владения, и я надеялась, что она не выйдет за границы парка. Помешать этому было трудно, но я возложила все упования на шестерку белых носорогов, вывезенных два года назад из Южной Африки, — они жили в огороженном загоне возле ворот. В этой части парка было меньше всего мух цеце, и поэтому ее выбрали для того, чтобы у носорогов выработался естественный иммунитет к трипаносомозу. Еженедельные анализы крови подтвердили, что иммунитет уже приобретен, и было решено перегнать носорогов в глубь парка. Чтобы подготовить к переходу, их теперь днем выпускали из загородки — это было неопишное зрелище: огромные неповоротливые чудовища, которых пасли, как скот. Вот я и надеялась, что шум и суета, сопровождавшие этот носорожий исход, окажутся не по вкусу гепардам и заставят их вернуться на равнину.

По отношению к Пиппе эти надежды оправдались, но в одно прекрасное утро мы обнаружили молодых рядом с лагерем носорогов. Мы шли по их следу часа три от Мулики, которая текла недалеко от дороги с левой стороны, в то время как справа параллельно ей протекала Мурера. Гепарды были очень голодны, но

часто отрывались от еды и смотрели в сторону Муреры, а иногда даже делали несколько шагов в том направлении. Мы подумали, что там скрывается Пиппа, и потратили на поиски почти весь день. Молодые, к моему удивлению, оставались на том же самом месте, где мы их встретили. На следующее утро мы вернулись и увидели Пиппу с семейством почти у самых ворот — до них оставалось не больше мили, — и группа туристов фотографировала их! Пиппа так ясно выражала подозрительное недоверие ко всему происходящему, что мне пришлось попросить туристов оставить гепардов в покое. Только тогда все семейство успокоилось. Я положила первую дозу лекарства для Пиппы в ее порцию мяса. И как раз вовремя — она сразу же пошла к воротам, даже не оглянувшись на своих детей. Они смотрели ей вслед, но догнать ее не пытались, а потом стали возиться с куском козьей шкуры и, наигравшись, забрались под куст и задремали: по всей видимости, им нравилось, что они предоставлены самим себе.

Им исполнилось уже семнадцать с половиной месяцев, Я и не подозревала, что в этот момент у меня на глазах Пиппа навсегда рассталась со своими детьми.

С тех пор как мы встретили гепардов десять дней назад возле старого жилья Пиппы, они разведали новые охотничьи угодья; в этих местах у них всегда будет вдоволь добычи и вода близко — рядом текут Мулика и Мурера. Для гепардов это была страна обетованная — длиной примерно в семь миль и шириной в две. Пиппа постепенно познакомила своих детей с территорией, занимавшей шестьдесят три квадратных мили, и сделала это в четыре приема, с каждым разом расширяя границы. Теперь они знали все, что нужно, чтобы жить совершенно самостоятельно. Я была глубоко удивлена тем, как равнодушно молодые приняли разлуку с матерью, хотя с того места, где

вчера произошло расставание, они так и не ушли. Они и не думали искать ее и, казалось, совсем не вспоминали о ней, когда мы их кормили, а наевшись, стали самозабвенно носиться вокруг земляной кучи.

След Пиппы мы нашли в полумиле оттуда, возле остатков дукера. Но все-таки на следующий день, когда мы встретились с ней, она была очень голодна и с жадностью проглотила вторую дозу бутазолидина, Я запрятала его в небольшой кусок мяса, который дала ей перед основной пищей. Она была очень возбуждена и рычала на меня, когда я пыталась до нее дотронуться. Съев мясо, она пошла по равнине к Скале Леопарда. Когда мы встретили молодых, они выглядели вполне счастливыми и довольными своей самостоятельностью. Они почти все время играли и едва прикоснулись к принесенной нами пище.

Глава 19

Третий помет Пиппы

Следующие десять дней мы провели в бесконечных поисках то Пиппы, то ее детей. Они никогда не расходились больше чем на полторы мили друг от друга, но сохраняли при этом полную самостоятельность. Иногда нам приходилось разъезжать по всей территории довольно далеко, и я всегда подзывала гепардов определенным набором сигналов; они научились узнавать эти гудки и сразу же подходили к машине.

Пиппу нам, как правило, найти не удавалось, но молодые обычно ждали возле дороги, встречая нас, или, точнее, принесенное нами мясо. Уйти и Тату стали совершенно дикими, и только Мбили помнила о нашей старой дружбе. Она всегда приставала, чтобы с ней поиграли, и нам приходилось все время быть начеку: стоило зазеваться, как она уже неслась прочь с какой-нибудь нашей вещью. Несмотря на мою бдительность, она однажды схватила мой тропический шлем и носилась от куста к кусту, потряхивая им и поддразнивая меня, а я старалась ее догнать. Солнце стояло высоко, и гоняться за гепардом, который не собирался расставаться со своей игрушкой, было чересчур жарко. Мы обе совершенно выбились из сил, пока я не догадалась сломать сук на дереве — Мбили испугалась и бросила шлем. Он был приведен в довольно жалкое состояние и во многих местах продырявлен зубами Мбили. А через два дня она исчезла.

Днем позже пропали все гепарды, и я подумала, что они снова стали жить одной семьей. Но я убедилась, что

очень плохо разбираюсь в загадочных поступках гепардов, когда обнаружила, что Пиппа совсем ушла из этих мест. В последний раз мы встретили ее в двух милях от Скалы Леопарда — она направлялась в ту сторону. Я воспользовалась случаем, чтобы дать ей пятую дозу лекарства. Хромота у нее уменьшилась, но все еще была заметной.

17 февраля мы выследили трех молодых далеко на открытой равнине, примерно на пять миль дальше Скалы Леопарда. Нам были видны только белые кончики хвостов над травой. Услышав мой условный сигнал, они примчались наперегонки и набросились на мясо, едва дождавшись, пока мы разрежем его на равные порции. Как всегда, мясо для Мбили я держала, чтобы она могла не торопясь отгрызать куски. Когда они отошли — каждая под свое дерево, — их животы напоминали футбольные мячи. Со мной был Джордж, и он сфотографировал всех нас — как потом оказалось, я последний раз снималась вместе со всеми Пиппиными детьми.

По дороге домой мы наткнулись на свежий след в семи милях от моего лагеря — след, без сомнения, принадлежал Пиппе и отпечатался поверх нашей утренней колеи. Мы не видели ее уже шесть дней. Было совершенно ясно, что она покинула своих детей. И я не переставала удивляться той легкости, с которой были порваны эти родственные узы. С тех пор как Уайти в возрасте четырнадцати месяцев убила дукера, Пиппа ни разу не проявила беспокойства, когда молодые уходили бродить и подолгу не возвращались; видимо, она поняла, что теперь они сумеют постоять за себя. Во время долгого сафари, в которое пустилась шестнадцатимесячная Мбили, Пиппа отыскала своего супруга и вновь забеременела. Затем она повела детей подальше, к границам своей территории, потому что знала, что там они всегда будут обеспечены пищей и

водой. Она оставалась с ними еще десять дней, но, как только они освоили новые места, постепенно стала отдаляться от них и теперь искала подходящую детскую для своего будущего потомства. После того как она покинула молодых, мы кормили их еще тринадцать дней. За все это время они ни разу не пытались отыскать свою мать и вели себя так, словно получили приказ жить самостоятельно. Им исполнилось восемнадцать месяцев.

Приехал Джордж, чтобы детально обсудить предстоящее нам путешествие — мы собирались перевезти свое имущество из Исиоло к озеру Наиваша. Выезд был назначен на следующий день. И, поскольку нам предстояло иметь дело с наемным транспортом, с наемными рабочими и проделать три поездки по двести сорок миль, мы не рискнули отменить все наши распоряжения, хотя мне очень хотелось понаблюдать за Пиппой еще несколько дней. Единственное, что я могла предпринять, — это оставить побольше мяса в лагере и попросить директора давать Локалю машину для дальних поисков. На другой день мы с Джорджем уехали — надо было наблюдать за переездом.

Нам здорово повезло: мы покончили со всеми делами до начала дождей, тем более что в этом году они хлынули на три недели раньше, чем мы ожидали. Но когда мы почти добрались до дома, начался страшный ливень. Последние восемьдесят миль дороги к лагерю превратились в настоящий кошмар: мы пробивались сквозь ревущую грозу, въезжали в глубокие лужи, вязли в размытых колеях, соскальзывали в кюветы — словом, измотались до предела и наконец добрались домой как раз перед началом очередного ливня. Локаль очень обрадовался моему приезду, потому что за все десять дней нашего отсутствия он видел молодых один-единственный раз. Он отыскал их возле того места, где я была с ними в

последний день. Они были зверски голодны и мгновенно справились с привезенным мясом, но, по его словам, все выглядели прекрасно. С Пиппой ему повезло больше — через два дня она пришла в лагерь и с тех пор регулярно наведывалась за своим рационом. Вот и в это утро она ушла за реку, которая теперь превратилась в беснующийся поток. После непрерывной ночной грозы река так вздулась и разлилась, что только после пяти часов Пиппа смогла перебраться через нее. Я услышала всплеск, и вскоре мокрая Пиппа с громким мурлыканьем уже терлась об меня. Ее беременность теперь была хорошо заметна. Она наелась до отвала и пошла вдоль дороги к Кенмеру, а мы поехали искать молодых. Но ни в тот день, ни на следующий нам не удалось их увидеть, а небывало сильные ливни вообще положили конец всем нашим поискам.

Слушая громкую барабанную дробь, которую дождь выбивал на крышах пальмовых хижин, я смотрела, как быстро прибывает вода в реке. К счастью, потоп добрался до лагеря только к рассвету, так что мы по крайней мере видели, что делаем. По пояс в воде мы спасали свое имущество из хижин, на два фута затопленных водой. Единственными существами, которые еще пользовались остатками комфорта в лагере, были два птенца ласточки, вылупившиеся в мое отсутствие. Точь-в-точь как Пиппа, родители наших «картонных птенчиков» не теряли времени даром и завели новое семейство. Они воспользовались изобилием свежей глины и построили гнездо внутри хижины, которую я поставила на месте пустой палатки. Стоя по колено в воде, я смотрела на птенцов — они так уютно пригрелись в своем гнездышке и даже представить себе не могли, как я им завидовала. Прошло три недели, прежде чем глиняные полы хижин высохли и мы смогли снова поселиться туда; все это время я ночевала и работала в лендровере —

единственном сухом месте среди болота. Бедная Пиппа была лишена такого убежища, ей было очень трудно передвигаться, и в конце концов она куда-то исчезла. К несчастью, Локаль опять должен был уйти на месяц в отпуск — как раз в то время, когда Пиппа будет особенно остро воспринимать любую перемену. Малыши ожидали к концу месяца, и я горячо надеялась, что Локаль вернется к этому событию: Пиппа всегда предпочитала его Гаиту, который заменил Локаля на это время.

Вместе с ним мы бродили по глубокой грязи, разыскивая Пиппу. Меня не оставляла мысль — как ей удастся охотиться в этом вязком болоте и получает ли она питание, необходимое при беременности. И у меня камень с души свалился, когда она пять дней спустя появилась в лагере. Она была очень голодна, и я радовалась, что у нас хватило свежего мяса, чтобы накормить ее досыта. Потом она пошла к дороге, а мы с Гаиту за ней. Но, увидев, что мы идем следом, она стала бесцельно бродить вокруг, то и дело поворачивая назад, тем самым совершенно недвусмысленно давая понять, что не намерена позволять Гаиту «шпионить» за собой. Пришлось отослать его обратно. Только тогда она повела меня на равнину, где мы выпускали маленькую Импию, и улеглась в тени колючего куста. Вблизи росло много таких же кустов, и любой из них мог стать отличной детской. Пиппа, очевидно, была того же мнения, потому что еще несколько дней никуда не уходила отсюда. Однако, когда мы приходили, она ни за что не хотела, чтобы мы видели, откуда она выходит, и всегда неожиданно появлялась на открытом месте. Вообще же она была удивительно приветлива, позволяла мне разбирать слипшуюся от грязи шерсть и даже дотрагиваться до сосков, которые уже набухали.

А дождь все лил да лил, так что ездить далеко в поисках детей Пиппы не было никакой возможности.

Нам оставался только один способ передвижения — пеший, и я ежедневно посылала Гаиту искать следы молодых, а сама присматривала за Пиппой. Однажды утром он вернулся с хорошей новостью: он видел след бегущего гепарда рядом со следом убежавшего водяного козла возле Мулики, недалеко от песчаного островка, который так любила Пиппа. Мы отправились туда с надеждой, что на этот раз найдем молодых, но, обыскав все убежища в тех местах, мы не увидели ни самих гепардов, ни их следов. Все остальные дни, когда позволяла погода, мы выезжали на равнину, где в последний раз встречали молодых, и колесили вокруг по всем колеям, где можно было рискнуть проехать, не увязнув. Вся равнина так и кишела самыми разнообразными существами — кроме гепардов.

Пиппа продолжала держаться возле лагеря. Она явно предпочитала другим местам Равнину Импии, хотя трава превратилась в густые смешанные с лесом заросли, да к тому же, чтобы добраться туда, ей приходилось переправляться через разлившуюся Мулику. Хорошо еще, что вода там никогда не поднималась так высоко, как в нашей речке, да и Пиппе, наверное, казалось, что на равнине Гамбо, где трава пониже, она будет больше отрезана от лагеря.

17 марта, ровно через месяц после того, как я видела молодых в последний раз, Гаиту повстречал Мбили в восьми милях от лагеря на дороге к Скале Леопарда. Пока он дошел до лагеря с этой волнующей новостью и пока мы доехали до того места, прошло больше двух часов, так что Мбили там, конечно, уже не было. Я позвала ее по имени, и вскоре она уже мчалась к нам издали, но как назло в этот момент прибыли две машины с туристами. Мбили мгновенно испарилась, но появилась сразу же после отъезда экскурсии. Она пошла за мной к дереву, где я предоставила ей расправляться с мясом, а тем временем приготовила

молоко с фарексом. Она немного похудела за этот месяц, но ее великолепно переливающийся мех и общий вид говорили о прекрасном здоровье. Казалось, она была очень мне рада и позволила погладить себя и даже обобрать клещей. Во всем остальном она вела себя как дикое животное — настороженно оглядывалась и вздрагивала при каждом треске сучка. Я была счастлива этой встречей с Мбили — как знать, скоро ли я снова увижу мою любимую игрушку, — и старалась побыть с ней как можно дольше. Но надо было подумать о будущем, и поэтому я оставила небольшой кусочек мяса, чтобы она отвлеклась и не шла за нами в лагерь — это грозило разрушить все, чего она уже добилась, живя самостоятельно, как все дикие звери.

Мы потихоньку отошли к машине и попробовали включить мотор, но ничего не вышло. Вручную его тоже завести не удалось, не подействовало и наше последнее средство — толкать машину по ухабистой дороге. Делать было нечего — пришлось послать Стенли в Скалу Леопарда и попросить механика прийти и починить лендровер. Обрадовавшись, что побуду с Мбили еще немного, я стала искать ее, но она уже ушла. Я решила, что ее спугнула наша шумная возня с машиной, и просидела два часа в полной тишине. Только теперь, когда Мбили ушла обратно, к свободной дикой жизни, я поняла, что она больше не собирается жить бок о бок с нами. Конечно, это было печально, но зато служило доказательством нашего успеха. Если даже Мбили может жить самостоятельно, то уж ее более сильные сестры и подавно обойдутся без посторонней помощи, тем более что они всегда держались вместе и могли помочь друг другу. Но все же каждый раз, когда прекращались дожди, мы отправлялись искать их.

Прошло еще двенадцать дней, и мне сообщили, что на полпути между воротами и Скалой Леопарда видели гепарда. Мы выехали на разведку и нашли грифов у объедков туши антилопы, но их когтистые лапы затоптали все следы, так что мы не могли определить, кто убил антилопу. По нашим соображениям, это сделал гепард, потому что львы и гиены не оставили бы мелких костей.

Было еще довольно рано, и я попросила Гаиту поискать следы на равнине, где мы в последний раз видели Мбили, а сама поехала искать Пиппу. Гаиту нашел след одного гепарда, ведущий к Мулике, но потом потерял его и пошел по ручейку; в пяти милях от лагеря его чуть не сбил с ног самец антилопы, удиравший от какого-то хищника. Через несколько секунд показалась Мбили. Увидев, что Гаиту испортил ей охоту, она ушла на термитник. Оттуда она смотрела на него, пока он ее звал, но не пошла за ним, когда он наконец отправился домой. Слушая рассказ Гаиту, я разрывалась между желанием повидать Мбили и сознанием, что это может иметь плохие последствия. Если она пойдет за мной в лагерь, планы Пиппы могут сорваться — ведь все последние недели она старалась держаться подальше от молодых. Если уж у Пиппы хватило сил оставить их на произвол судьбы, то и я должна поступить так же, тем более что теперь она, наверное, уже родила новых малышей.

Пиппа явилась в лагерь 25 марта в пять часов вечера, незадолго до проливного дождя. Пока я ее кормила, она не сводила тревожного взгляда с другого берега и, как только наелась, сразу же направилась к дороге, скрываясь в высокой траве каждый раз, как замечала, что я за ней слежу. Через полчаса я пошла по ее следу, к которому вскоре присоединился след второго гепарда. Следы вели к излучине Мулики. Стемнело, по следу идти стало трудно, а на другой день

после ночного дождя все следы были размыты. Пиппа появилась во второй половине дня с той же стороны. Я приготовила для нее козу. Может быть, это ее последний обед перед родами — я считала, что она окотится не позже чем через сорок восемь часов. Это подтверждалось и ее поведением: она стала раздражительной, как бывало с ней и раньше накануне родов. Прижав уши, она рычала на меня, бросалась и царапалась, как только я слишком близко подходила, и даже порвала на мне рубашку. Тем не менее она съела невероятное количество мяса и ушла на равнину Гамбо. Усевшись на землю, она дала мне понять, что ходить за ней не следует.

Я знала, что не увижу ее несколько дней, но, когда прошла целая неделя, а о ней все еще не было ни слуху ни духу, я встревожилась. Почти каждую ночь шли проливные дожди, и искать становилось все труднее. Я всегда отправлялась на поиски одна: боялась, что Пиппа будет недовольна, если Гаиту подойдет к малышам. По моим предположениям, они должны были появиться на свет 28 марта. Однажды ночью выпало особенно много осадков — 4,9 дюйма! — и это усилило мою тревогу за Пиппу. Трава на Равнине Импии поднялась так высоко, что она уже не могла выглянуть из нее — даже подняв голову.

Недавно произошло перемещение инспекторов в парке, и по этой причине траву не сожгли перед дождями; поэтому старая трава задерживала влагу и равнины заболачивались. В результате растительность так буйно пошла в рост, что вместо пастбища превратилась в сплошную западню. Я ограничила свои поиски Равниной Импии, где обшаривала все подозрительные кусты и звала Пиппу в мегафон, чтобы поберечь голос, но она исчезла бесследно. И все же у меня была уверенность, что она где-то здесь, рядом.

Когда я вернулась из очередного напрасного похода, Пиппа вдруг явилась. Она сильно отощала после родов и была ужасно голодна, но при этом очень торопилась: проглотив свое мясо, она рысцой побежала к дороге; мы с Гаиту отправились за ней. К сожалению, я не могла не взять его с собой: как раз в это утро я едва не столкнулась с буйволом, и было бы слишком рискованно разгуливать без всякой защиты. У Пиппы был недовольный вид, и она всеми известными ей способами старалась отделаться от нас: бесцельно трусила по нашему берегу Мулики, даже залезла в два колючих куста, притворяясь, что разыскивает детенышей. Но под конец она поняла, что с нашим присутствием придется примириться и, приняв хавшись к ветру, перепрыгнула Мулику и пошла к двум большим кустам ярдах в шестидесяти от берега. Я перешла реку вброд, оставив Гаиту на том берегу, и увидела, что она лежит под кустом справа. А из левого куста доносилось какое-то попискивание. Пиппа пристально посмотрела на меня недобрыми глазами и не тронулась с места. Я поняла намек, вернулась к Гаиту и отослала его домой. Она внимательно проследила за ним и перешла к детенышам только тогда, когда он скрылся из виду.

В полумраке, под густой листвой я не сразу разглядела, что их там четверо. Малыши поворачивали ко мне свои незрячие мордочки и не переставая шипели, пока Пиппа не легла между нами так, чтобы они могли ее сосать. Крохотные детеныши даже и ползать-то толком еще не умели, и им пришлось потрудиться, прежде чем они добрались до сосков и пристроились к ним. Судя по их размерам и движениям, им было, наверное, дней восемь. И хотя с самого рождения их встретила отвратительная погода, они были в прекрасном состоянии.

Пиппа лежала, повернувшись ко мне спиной, и ни разу не оглянулась. Я потихоньку отошла и отправилась

восвояси. Ее убежище было всего в полумиле от лагеря, и по всем признакам она была там не первый день. Мимо этого двойного куста я дважды проходила за последние двадцать четыре часа. Почему же Пиппа не ответила на мой зов? Ведь к предыдущему помету она привела меня, когда детеныши были на три дня моложе, чем эти.

Глава 20

Малыши исчезают

Дождь лил непрерывно всю ночь, и я несколько не удивилась, найдя наутро малышей лежащими в грязи. С листьев на них все время капало, так что они совершенно промокли. Почти сразу же появилась Пиппа, и, внимательно осмотревшись, нерешительно направилась к дереву, которое стояло поодаль, — там ждал Гаиту с мясом. Она съела совсем немного и заторопилась назад, чтобы согреть малышей. У двух детенышей я заметила по три кожистых выроста величиной с фасоль на том месте, где позже будут расположены их половые органы, и не могла сообразить, что это такое. Вряд ли это клещи, потому что у обоих наросты были расположены треугольником и не сдвигались с места, хотя Пиппа часто вылизывала их. Я решила, что это самцы, потому что по сравнению с двумя другими они казались особенно головастенькими. Пиппа была трогательно поглощена заботой о своих детенышах и все время то кормила их, то вылизывала, удаляя грязь и экскременты. Немного погодя опять начался дождь, и мы пошли домой. Весь день напролет моросило и, вернувшись после пяти, мы увидели, что в логове очень мокро. Мы нарезали травы и дождались, пока Пиппа отойдет от малышей к мясу, которое лежало ярдах в двадцати. Пока она ела, я прикрыла травой раскисшую землю вокруг малышей, не прикасаясь к ним. Разумеется, они на меня шипели. Я знала, что Пиппе не понравится мое вмешательство, но это было менее опасно, чем оставить малышей лежать в сырости. Поэтому я обрадовалась, когда Пиппа преспокойно устроилась на травяной подстилке, как

будто так и было нужно, и стала настолько непринужденно играть с малышами, что я поняла — мое присутствие ей не мешает. Один из малышей все время пытался вцепиться ей в хвост и даже пробовал удержаться, когда она его резко отдергивала. Теперь все малыши уже ползали вполне прилично, но очень скоро усталость сморила их и они уснули в самых неудобных положениях, запрокинув тяжелые головки.

Слава богу, в эту ночь дождя больше не было. Утром Пиппа раздвинула густую листву у входа в логово, так что солнечные лучи падали прямо на сосущих малышей. Вид у них был очень довольный, и я сфотографировала их во время кормления. Разглядывая малышей, я подметила одну очень интересную деталь: пятна на их задних лапках и спинке располагались четкими параллельными линиями, хотя позднее рисунок обычно становится с виду довольно беспорядочным. Полосы, проходящие от глаз через виски к затылку, тоже выглядели сплошной линией — позже она распадется на отдельные пятна. Такие же, пока еще не расчлененные полосы были и у основания хвостиков. Эти особенности заставили меня задуматься, не напоминают ли гепарды в этом раннем возрасте исчезнувшего с лица земли королевского гепарда, который по окраске походил на сервала. Кожа их голых животиков все еще была темно-багровой. Пиппа вылизывала эти животики до блеска, несмотря на окружающую грязь.

Я снова воспользовалась Пиппиной трапезой и прикрыла грязь свежей травой, так что детская опять стала уютной. Потом я немного посидела с Пиппой, держа в руках кость, которую она обглаживала. А когда мы с Пиппой пошли обратно к малышам, я собрала с земли все остатки до малейшего кусочка. Как ни странно, на этот раз Пиппе не понравилась травяная подстилка, и она перетаскала всех малышей за шиворот

сначала в самый дальний угол логова, на мокрую землю, а потом вообще вынесла их из куста и спрятала под ветвями какого-то растения с крупными листьями. Там они и оставались до моего ухода.

После обеда мы обнаружили, что семейство переселилось ярдов за семьдесят в еще более густые заросли, где было гораздо суше; ветви так переплетались, что я только урывками видела, как малыши забирались Пиппе на спину и соскальзывали с нее. У Пиппы были видны одни глаза, но она не посмотрела на меня даже тогда, когда я стала размахивать куском мяса перед кустом. Я прождала полчаса, но она и не пошевелинулась, словно не замечая меня, так что пришлось уйти домой. Эти два дня она ела совсем мало, но, просмотрев свои записи за то время, когда у нее были первые котята, я увидела, что и тогда после родов она ела очень мало. По-видимому, это было необходимо для того, чтобы не перегружать желудок, пока она почти не двигалась.

На следующее утро маленькие гепарды открыли глаза. Знакомство со зримым миром их, очевидно, утомило, и все захотели спать, кроме одного: он долго ласкался к Пиппе, облизывал ее морду, а она принимала эти ласки, жмурясь от удовольствия. Хотя сильного дождя не было, земля под кустом не просыхала, потому что густая листва не пропускала солнечных лучей. Куст был настолько непроницаем, что мне не удалось пробраться внутрь и прикрыть землю травой.

Пиппа опять поела совсем немного и вернулась к своим обязанностям. Я видела, что малыши очень устали, и решила не тревожить их после обеда. Это оказалось очень кстати: вернувшись в лагерь, я увидела Джорджа, а с ним — маленького буйволена. Джордж услышал, как теленок зовет свою мать, но ее нигде не было. Проискав ее все утро, Джордж решил, что она убита львом.

У маленького теленка еще болталась длинная пуповина, а рожки едва проклюнулись — по нашим предположениям, ему было около двух недель. Мы поместили его в вольер Уайти и попробовали напоить молоком, но пить он не мог: слишком он был измучен и больше всего нуждался в отдыхе. Как ни хотелось мне поддержать маленького сиротку, я не могла позволить себе оставить его в лагере, потому что его запах и мычание могли привлечь и Пиппу, и других хищников. Поэтому мы отвезли его к директору в Скалу Леопарда. Дорога была скользкая, теленок приехал совсем измотанный и сразу же уснул. Мы дали ему два часа, чтобы прийти в себя, а тем временем директор организовал постройку загона возле своего дома.

Во время этих приготовлений появился старый буйвол, уже много месяцев живший в Скале Леопарда. Он собирался вздремнуть, забравшись в свой любимый куст — в трех ярдах от директорской кухни. Просто не верилось, что такое огромное дикое существо может вести себя, как мирное домашнее животное. Он проводил ночи и большую часть дня рядом с домом директора, как будто догадываясь, что здесь он застрахован от нападения льва, с которым не сумел бы справиться на старости лет. И хотя мимо него постоянно проходили родственники директора и его слуги, он никогда не обнаруживал ни малейшего желания кого-либо обидеть. Здесь он чувствовал себя в безопасности и считался полноправным членом семьи. Мы смотрели, как он ворочается в кустах возле кухни, и гадали, признает ли он маленького теленка или сочтет его соперником и нападет на него.

Тем временем я старалась успокоить теленка, нежно поглаживая его, и мне удалось заставить малыша выпить немного разведенного молока, по капле вливая питье ему в рот. Потом мы собрались ехать домой, и Джордж включил мотор. Маленький буйвол тут

же поднялся на ноги и попытался бежать следом за машиной — наверное, он теперь считал ее своей мамой. Он пробежал трусцой несколько сотен ярдов, и в конце концов его пришлось взять на руки и унести в загон. Просто поразительно, что за те несколько часов, как Джордж нашел осиротевшего теленка, тот успел привязаться к лендроверу, заменив им родную мать. Может быть, малыш чувствовал себя в безопасности возле такого большого предмета, который наверняка напоминал ему большое тело матери? Или возникновение этой ассоциации объяснялось тем, что его поили молоком возле машины? Ночью, когда мне не давали уснуть хохот и завывания по крайней мере трех гиен, перемежающиеся с отчаянными воплями павиана, которого они прикончили возле нашего лагеря, я особенно радовалась, что теленок нашел себе надежный приют. На следующее утро с тяжким предчувствием я пошла по следам гиен — через Мулику по отмели и вдоль дороги ярдах в пятидесяти от логова Пиппы.

Когда я пришла туда, я застала семью у самого входа в детскую: все наслаждались солнышком на открытой месте. Я смотрела, как малыши завтракают, а Пиппа любовно их вылизывает. Когда они насосались, она в первый раз позволила им поиграть, не отгораживая их от меня своим телом. Малыши тоже как будто стали привыкать и не шипели на меня, когда я их фотографировала, а только моргали своими большими глазами. Потом мне удалось покормить Пиппу из рук — в первый раз за четыре дня она по-настоящему поела. Вдруг снова начало моросить. Пиппа быстро загнала малышей под густые ветки и еще постаралась получше прикрыть их собственным телом. В этом неудобном положении она оставалась до тех пор, пока не перестал дождь, и тут, увидев, что Пиппа делает все возможное, чтобы держать малышей в тепле и сухости, какая бы

жуткая погода ни стояла, я поняла, что только преданная забота матери обеспечивает отличное состояние детенышей. Пиппа почти не покидала малышей со дня их рождения, и я не представляла себе, что же будет, когда они начнут расползаться во все стороны, — ведь даже нам стало трудно продираться сквозь травяные заросли и кустарник. После полудня мы снова навестили семейство и нашли всех на том же месте. Пиппе, должно быть, очень хотелось подвигаться, и она воспользовалась нашим присутствием, чтобы прогуляться. Я пошла за ней с мясом и очень удивилась, что после основательной утренней трапезы она способна поглотить еще такое количество. Потом она стала кататься по земле и потягиваться с довольным мурлыканьем, а я обобрала клещей и немного поиграла с ней.

Совсем недавно я узнала, что будто бы в Крефельдском зоопарке маленькие гепарды умеют втягивать когти уже в возрасте десяти недель. На моих глазах дети Пиппы никогда не убирали и не втягивали когти, так что эти сведения вызвали у меня сомнение. А так как в этот день все мои гепарды были, по-видимому, в хорошем настроении, я решила использовать эту возможность и проверить, действительно ли они могут прятать когти. Поэтому я оставила отдыхающую Пиппу и пошла к малышам. Не наступая на притоптанную вокруг них траву, я попробовала затолкать коготки одного из малышей в подушечки, но они не поддавались. Довольная, я отошла к Пиппе и весь вечер наблюдала, как семейство играет: малыши перекатывались друг через друга и толкали Пиппу мягкими лапками. Она терпеливо сносила все выходки детенышей, ласково подталкивая их мордой. Наконец, она изловила одного и обняла его передними лапами; так он и уснул, удобно привалившись к ее груди, а остальные заснули, сбившись в кучу. Мне было пора

идти домой; я обернулась и увидела голову гиены, которая подглядывала из кустов всего в пятидесяти ярдах от нас, но тут же исчезла. Мы с Гаиту бросились за ней, крича во весь голос и швыряя камни, но в сумерках мы так и не увидели, куда она ушла, хотя нам показалось, что она убежала к реке. Я очень встревожилась, но что я могла сделать — разве что молиться, чтобы с Пиппой и малышами ничего не случилось!

Когда стемнело, несколько львов затеяли склоку за рекой возле лагеря. По-видимому, это был очень большой прайд: они так ужасно ревели и рычали, что напугали меня до полусмерти. Трудно было понять, что привело их в такую ярость — разве что спор из-за добычи, но перепалка затянулась надолго, и чем дольше она продолжалась, тем больше меня мучило беспокойство за наших гепардов. В довершение всего один лев перебрался на нашу сторону и рычал всю ночь за моей палаткой, так что я глаз не сомкнула. И внезапно все смолкло. Лев, должно быть, вернулся к своему прайду; позднее мы не нашли его следов у дороги. С чувством огромного облегчения я пошла к логову Пиппы. Там было пусто. Ничто не указывало на то, что здесь побывал лев или гиена; только маленькое пятнышко крови, происхождение которого я не могла объяснить, — ведь кругом не было никаких следов борьбы: ни сорванных листьев, ни взрытой земли. Наверное, Пиппа, так же, как и мы, ночью услышала львиный рык и решила перебраться в более безопасное место. Мы стали обыскивать все кусты на расстоянии, которое она могла бы пройти четыре раза с детенышем в зубах. Наконец в нескольких сотнях ярдов нашли необыкновенно густой кустарник и обнаружили сбитые листья — какое-то животное явно пролезло через кусты. Мы прорубили эту колючую изгородь и увидели в середине небольшой кусочек грязи — возможно, здесь

лежали малыши. Еще ярдов через пятьдесят мы нашли единственный отпечаток лапы, но он был так размыт дождем, что даже трудно было сказать, кто здесь прошел — гиена или гепард.

Мы искали еще час, не переставая звать Пиппу. Внезапно она возникла ярдах в пятистах от колючих зарослей. Она набросилась на мясо и стала глотать не жуя; я решила, что она торопится к детям, и была крайне удивлена, когда она вдруг разыгралась и целых полчаса не оставляла нас. Беспokoясь за малышей, я пошла в сторону, чтобы заставить ее повести меня к ним. Она неохотно последовала за мной и уселась возле куста рядом с «колючей изгородью», как будто охраняя вход в логово. Я отослала Гаиту домой — она сразу же перешла в укромное местечко между двумя густыми кустами и с мурлыканьем улеглась. Играя с ней, я заметила две небольшие кровоточащие царапины на ее передних лапах — не больше сантиметра. Может быть, из этих царапин и натекло пятнышко крови, найденное нами в ее логове? Я боялась, что лев нагнал на нее такого страха, что она даже мне не хотела показывать своих детей, и пошла домой, чтобы дать ей возможность покормить голодных малышей.

На обратном пути я опять осмотрела логово, где мы в последний раз видели все семейство вместе. Поглoщенная поисками следов, которые помогли бы понять, откуда взялось кровавое пятнышко, я чуть не столкнулась нос к носу с Пиппой, которая шла за мной и старательно обнюхивала землю. Потом она вскарабкалась на дерево, осмотрелась кругом, спрыгнула и, обойдя по большой дуге вокруг меня, улеглась под деревом ярдах в шестистах. Был уже час дня, и я пошла домой ко второму завтраку, надеясь, что Пиппа наконец-то отправится к своим детям — по моим расчетам, они уже сильно проголодались. В лагере, к моей несказанной радости, меня встретил старый

добрый Локаль. Я очень надеялась на его талант следопыта и взяла его с собой после завтрака, чтобы расшифровать следы Пиппы. Мы начали с двойного куста и едва унесли ноги, потому что там уже обосновался буйвол, отдохавший на травяной подстилке. Обойдя сонного буйвола, мы обследовали второе логово Пиппы. Там все оставалось по-прежнему, и Локаль сказал, что кровь капнула из царапины Пиппы, потому что, даже если малыш унес питон или орел, обязательно должны были остаться следы борьбы. Пиппу мы нашли на том самом месте, где я ее оставила. Она зевнула, потянулась и дружелюбно приветствовала Локаля, а потом бросилась между нами, готовая начать веселую возню, Локаль осмотрел ее царапины и заключил, что они нанесены скорее острыми сучками, чем зубами. Потом Пиппа повела нас как ни в чем не бывало по тому же кругу, который проделала утром. По дороге она влезала на деревья или отдыхала в тени. Когда мы подошли к «колючей изгороди», она внезапно бросилась вперед, заползла внутрь и долго вынюхивала что-то в середине. Потом она затрусила дальше с таким безразличным видом, что у меня сжалось сердце. Было уже пять часов, а она все еще не собиралась уходить от нас, так что мы пошли домой, надеясь, что еще до наступления темноты она вернется к детям.

Пиппа была удивительно преданной матерью, и мне не верилось, что она способна целый день напролет морить голодом малышом только для того, чтобы скрыть их от меня. Мое беспокойство еще усилилось из-за дождя, непрерывно лившего всю ночь и следующее утро. Мы обыскали каждый кустик в радиусе двух миль от логова Пиппы, придирчиво рассматривали опавшие листья и звали ее, но вместо ответа в мертвой тишине раздавался только перестук сбегających вниз капель. Уверенные в том, что Пиппа не могла перенести малышом на большое расстояние, мы принялись

прочесывать пространство по другую сторону Мулики — хотя вряд ли она сумела бы четыре раза перепрыгнуть вздувшуюся реку с детенышем в зубах. Тщетно мы заглядывали во все уголки, где она могла спрятать малышей.

Мы вернулись домой, еле передвигая ноги по глубокой грязи, измучившись душой и телом. В эту ночь ливень разразился с еще большей силой. Я смотрела на выступавшую из берегов реку и старалась мысленно поставить себя на место Пиппы. С тех пор как несчастные малыши появились на свет две недели назад, она почти все время была насквозь мокрая, да и земля вокруг нее была превращена в вязкую трясину. Как она могла сохранить здоровье в такой обстановке, когда ей приходилось быть прикованной к малышам, чтобы постоянно оберегать их? Ведь и первый помет Пиппы пропал примерно при такой же погоде. А что если она убила своих детей, повинувшись инстинкту самосохранения? Но, будучи свидетелем беззаветной и преданной любви Пиппы к потомству в самых тяжелых испытаниях, я отбросила это предположение, склонившись к мысли, что малыши попали в зубы гиенам. Я была уверена, что Пиппа знает постигшую их участь, потому что она не разыскивала их и не проявляла такого беспокойства, как тогда, когда мы забирали у нее Дьюме и Уайти. Подумать только — из одиннадцати котят, которых она родила за два года, в живых остались только трое, да и то Уайти могла погибнуть, если бы мы не вылечили ей лапу. Все это было очень грустно. Малыши часто повреждают лапы и становятся добычей хищников, а если прибавить к этому капризы погоды и другие природные напасти, то не приходится удивляться высокой естественной смертности среди гепардов. Но человек тоже помогает изничтожить гепардов, бессовестно убивая их ради красивого меха для франтих, да еще иногда мы

превращаем этих поразительно красивых животных в домашних баловней. И нечего удивляться, что гепарды постепенно исчезают с лица Земли.

Глава 21

Пятнистый сфинкс

Утром вода все еще стояла высоко, и поэтому я была очень удивлена, когда Пиппа вдруг появилась возле моей палатки, совершенно мокрая после переправы через стремнину. Несмотря на сильный голод, она очень быстро поела и, не задерживаясь, пошла к дороге. Увидев, что мы с Локалем идем за ней, она остановилась в нерешительности и вдруг пустилась прочь большими скачками, поднимая фонтаны брызг на отмели Мулики, где вода была ей по брюхо. Немного спустя она остановилась, пристально вглядываясь в реку, двинулась было к ней, но потом, оглянувшись на Локаля, изменила направление и повернула в противоположную сторону, к Равнине Импии. Когда она подошла совсем близко к тому месту, где раньше было ее логово, она так злобно взглянула на Локаля, что я попросила его отстать и держаться как можно дальше, чтобы только не терять нас из виду, а сама пошла за Пиппой. Но на какие бы ухищрения Локаль ни пускался в течение следующего часа, Пиппа все равно чувствовала, что он идет за нами, и старалась сбить нас ложными поворотами. Трижды она пыталась переправиться через Мулику, но потом отступала, напуганная неукротимым бешенством стремнины. Ее явно что-то заинтересовало на равнине за рекой, и, не сумев туда добраться, она залезла высоко на акацию и осматривала тот берег. Мы долго ждали, что она будет делать дальше, но, когда она разлеглась на удобном суку, свесив лапы по сторонам, и уснула, мы пошли домой. Я никак не могла разобраться в ее поведении. У меня оставалась слабая надежда, что малыши все-таки,

живы, и я решила не мешать Пиппе и не приходить во второй половине дня. Ночью опять шел проливной дождь, и наутро Пиппа не явилась.

Был первый день пасхи. Несмотря на плохую погоду, в парке отдыхала небольшая киногруппа. Их лагерь разместился где-то между воротами и Скалой Леопарда. Не побоявшись непролазной грязи на раскисшей дороге, они пришли ко мне с новостью: утром примерно в сотне ярдов от их лагеря появилась пара гепардов, которые и ухом не повели, когда люди стали приближаться к ним. Правда, один оказался более робким и ушел, как только фотограф подъехал ближе. Зато другой не тронулся с места даже тогда, когда лендровер отрезал ему дорогу к спутнику. А под конец он пошел следом за машиной, хотя вскоре куда-то исчез. Скорее всего, это были Уйти и Тату — они всегда держались вместе. Когда мы сравнили лендровер фотографа с моим, оказалось, что они похожи как две капли воды — и по форме и по цвету; к тому же по странному совпадению жена фотографа была немного похожа на меня, так что издали нас можно было спутать. Гепарды явно надеялись, что она их накормит, и, только поняв, что ничего не получат, ушли. Мы не нашли даже следов, хотя долго разыскивали их, но мне сказали, что они оба выглядели прекрасно — после почти двухмесячной самостоятельной жизни, — и эта новость так меня обрадовала, что этот день стал для меня настоящим праздником.

А вскоре я получила еще один неожиданный подарок. Это была скорлупка от ласточкиного яйца. Ее падение ознаменовало появление на свет двух птенчиков третьего поколения нитехвостых ласточек, обитавших в нашем лагере. Родители снова устроились в гнезде под крышей пальмовой хижины — они вообще, по-моему, думали, что хижина построена специально

для них. Я назвала крошек Шанти (Мир) и Санди (Воскресенье) в надежде, что эти имена принесут им счастье.

После очередного ночного ливня Пиппа явилась в лагерь. Она пришла по дороге от Скалы Леопарда и заглянула только на минутку, чтобы перекусить. Пока я ее кормила, я заметила, что соски ее уменьшились, достигнув почти нормального размера. Она была чем-то взвинчена до предела и, едва поев, убежала по дороге к Кенмеру. Целую милю она мчалась с такой скоростью, что я едва за ней поспевала. То и дело она оглядывалась, желая убедиться, что я иду за ней одна. Когда мы добрались до Дерева мужа, она немного замедлила бег, обнюхала всю землю вокруг терминалии и кинулась дальше, на равнину. Увидев, что я шлепаю за ней по болоту, она остановилась и зарычала, недвусмысленно требуя, чтобы я оставила ее наконец в покое. Через неделю мы нашли ее след на сухой равнине, где всего три с половиной месяца назад она встретила отца своих малышей. Не собралась ли она заводить новое семейство?^[9]

Несколько недель Пиппа являлась в лагерь только за мясом, когда же у нее была добыча, она в лагерь не заходила. Без сомнения, она должна была чувствовать себя одинокой после того, как прожила восемнадцать месяцев бок о бок с Уайти, Мбили и Тату, но, даже если она и знала, где можно найти молодых, она никогда не заходила на их территорию, и они тоже ни разу не нарушили границ ее владений возле нашего лагеря, которые в последнее время занимали не более двух миль в окружности. Бесконечные дожди сделали дороги непроходимыми, и я не могла одна рискнуть отправиться к Скале Леопарда искать молодых; но вот 16 мая мне представилась возможность поехать туда вместе с Джорджем, которому нужно было добыть

буйвола за пределами парка. Я ехала вслед за ним и вдруг заметила Уайти и Тату недалеко от того места, где мы видели их три месяца назад. Обе выглядели прекрасно, и по-прежнему светлая шерсть Уайти контрастировала с чудесной темной окраской Тату. Это была очень красивая пара — когда они подходили к дороге, их мускулы так и переливались под блестящим мехом. Джордж поехал дальше, чтобы заняться буйволом, а я стала ждать, надеясь, что он вернется с мясом. Было уже пять часов вечера, и молодые определенно вышли поискать, чем бы пообедать. Два с половиной часа они просидели возле машины и исчезли, когда стемнело. Что ж, как оказалось, это было только к лучшему — когда появился Джордж, никакого мяса у него не было. Он застрелил буйвола слишком поздно и решил заехать за тушей с утра пораньше, так как не смог в темноте подогнать к ней машину. Мы условились, что он выедет, как только рассветет, а я подъеду часа на два позже и буду ждать его возвращения на дороге.

На следующее утро я отыскала гепардов и приготовила им молоко. Они осторожно стали подходить к миске, которую я, как всегда, держала в руке. Уайти первая рискнула испытать, достойна ли я по-прежнему их доверия: она жадно стала лакать молоко. Только тогда Тату набралась храбрости, чтобы подойти к нам, и тут же без всяких церемоний оттерла Уайти. Обе явно надеялись, что за молоком последует и мясо, и улеглись невдалеке под кустом. Они ждали два часа, пока приехал Джордж. Он уже приготовил для них три большие порции буйволиного мяса, и я дала им по куску — они тут же утащили еду в густой кустарник. И мы оставили их пировать. Прошло ровно три месяца с тех пор, как я видела всех молодых вместе, и то, что хотя бы двое из них оказались в такой великолепной форме, принесло мне огромную радость. Я спросила

Джорджа, зачем он приготовил три порции, и он сказал, что видел Мбили примерно в полумиле от Скалы Леопарда, но слишком торопился попасть домой и поэтому приготовил мясо на тот случай, если мне удастся ее найти.

Мы поехали дальше, продолжая звать Мбили, и вскоре увидели, как она прокралась в траве и затаилась в кустах. Это было непохоже на нее, я подошла поближе и увидела, что она ослепла на один глаз. Правый глаз раздулся до размеров мячика для пинг-понга и был налит кровью. На лбу у нее был полузатянувшийся шрам — двух- или трехдневной давности. Я накормила ее мясом — Мбили брала его у меня из рук, — и она легла под тенистый куст с туго набитым брюхом. Я очень боялась, что воспаление может перейти с больного глаза на здоровый и Мбили совсем потеряет зрение, поэтому решила вызвать Харторнов. К несчастью, связь никак не налаживалась, и нам пришлось ждать до утра, чтобы послать радиограмму. Во второй половине дня я съездила за мясом к Джорджу и починила вольер в своем лагере на случай, если придется поместить в него Мбили.

На следующее утро мы отыскивали ее на прежнем месте. Глаз был воспален еще больше, а нижнее веко покраснело от лопнувших кровеносных сосудов. Я хорошенько накормила ее и обработала шрам сульфатазолом. Потом, оставив ее на попечение Локаля, я поехала в Скалу Леопарда, где мне сказали, что Харторны прилетят в четыре часа дня. Когда я вернулась, Мбили уже отошла на несколько сотен ярдов к равнине, но Локаль неотступно следовал за ней. Увидев меня, она тут же скрылась. Мы пошли ее искать и едва спаслись от носорога, который возник из густых зарослей как раз в тот момент, когда я пыталась посмотреть, не прячется ли там Мбили. Мы искали ее упорно и настойчиво, но было уже четыре часа, когда я

заметила над травой два уха, которые мгновенно исчезли, Мбили отошла примерно на милю и забилась в густой кустарник, откуда ей была видна вся болотистая равнина — от нижнего края посадочной площадки до самого конца долины Мулики. Я оставила Локаля на страже, а сама быстро поехала к дому директора, где меня уже ждали Харторны. Они были готовы оперировать даже ночью, потому что на следующий день им нужно было в два часа улететь обратно.

Нельзя было терять ни минуты. Они впрыснули в кусок мяса 100 миллиграммов сернилана — дозу, рассчитанную на вес тела в 100 фунтов. Такую же дозу мы применяли для обездвиживания Уайти. Потом мы поехали за Мбили, но, увидев нас издали, она удрала; мы с Локалем искали ее до самой темноты, и в этот день так и не нашли. Меня охватил панический страх — а что если врачи улетят раньше, чем мы отыщем ее? Теперь-то она прекрасно поняла, что мы за ней охотимся.

Как только забрезжил рассвет, мы снова вышли на поиски, и тут счастье нам улыбнулось — мы нашли ее прямо на посадочной площадке: она следила за венценосными журавлями. Я протянула ей кусок мяса с серниланом, и она, кажется, что-то заподозрила, но тут мне снова повезло — я ухитрилась затолкать мясо ей в пасть прежде, чем она ушла. Это произошло в половине девятого утра, и я послала Локаля за Харторнами, которые ночевали у директора. Три часа подряд мы следили за Мбили; она становилась все более сонной, все чаще зевала, лежала на открытом месте, пока не наступила жара, а потом отошла к росшему поблизости тенистому дереву. Мы с Тони Харторном подошли к ней, стараясь улучшить момент, чтобы ввести внутримышечно еще дозу сернилана — первая явно оказалась недостаточной. Пока я поила ее молоком, чтобы отвлечь, Тони воткнул шприц — она так и взвилась,

почувствовав укол. Мы прождали еще час — и только убедились, что нужна еще доза сернилана, чтобы можно было оперировать. Тони удалось сделать еще одну инъекцию, так что теперь общая доза была рассчитана на 150 фунтов веса (разумеется, к этому времени действие первой инъекции уже стало ослабевать). Чтобы обеспечить полную неподвижность Мбили во время глазной операции. Тони ввел ей в вену быстродействующий и обезболивающий наркотик. Тем временем мы послали за сеткой для бадминтона, и директор сам привез ее нам. Мы с ним крепко держали Мбили, опутанную сеткой, а Харторны пытались осмотреть глаз. Но веки так распухли, что в полевых условиях их нельзя было раздвинуть. Поэтому мы отвезли Мбили в дом к директору, где уже был приготовлен операционный стол.

Теперь Харторны сделали ей инъекцию кортизона, потом приложили адреналин со льдом из холодильника, чтобы снять опухоль, и кокаин, чтобы уменьшить боль. Как только эти лекарства подействовали, Харторны раскрыли ей веки и отвели в сторону распухшее «третье веко». Они заглянули внутрь глаза при помощи специальной лампы и сказали, что зрение сохранилось. К счастью, это было только поверхностное повреждение — возможно, от сильного удара копытом. Харторны считали, что дня через два опухоль спадет, и оставили мне терракортриловую мазь, чтобы я как можно чаще смазывала распухшие веки. Они считали, что Мбили придет в себя на следующее утро, и советовали мне ни в коем случае не оставлять ее в лагере — оправившись и увидев решетку, она может прийти в ярость и повредить себе при попытках выбраться наружу; но самое главное — Пиппе теперь может не понравиться это вторжение на ее территорию и не исключено, что она нападет на Мбили. Поэтому мы решили отвезти Мбили на то же место, где мы ее нашли. Она проснется

в привычной обстановке, и жизнь ее снова начнется как бы с той минуты, когда мы усыпили ее и увезли.

За Харторнами уже прилетел самолет, но они сами хотели видеть, как будет себя чувствовать Мбили и отложили свой отъезд. Мы все вместе доставили Мбили к болотистой равнине возле взлетной площадки, положили на травяную подстилку в тени дерева и два часа не спускали с нее глаз. Наконец она открыла глаза и подняла голову. Успокоенные Харторны улетели домой. Мбили снова заснула глубоким сном. Мне хотелось приласкать ее и утешить, и я стала легонько поглаживать ее, но она лежала неподвижно и ни разу не шевельнулась. Когда стемнело, я прикрыла ее травой, чтобы защитить от утренней прохлады, и улеглась в своей машине, которую заранее подогнала поближе к Мбили, чтобы охранять ее от хищников. Вскоре совсем рядом я услышала рычание льва и очень испугалась. Мбили все еще не могла двигаться. Я быстро подхватила ее на руки, положила в машину и поехала к директору. Он снова посоветовал мне не оставлять ее в лагере, а дать ей проснуться на ее собственной территории. Со свойственной ему добротой он откомандировал в мое распоряжение двух патрульных, дал им палатку для ночевки, потом помог мне найти подходящее место прямо на взлетной полосе, в полумиле от его конторы, и ушел домой только тогда, когда мы еще раз положили Мбили на травяную подстилку между палаткой и моей машиной. Тело Мбили было холоднее обычного, и я поверх травы накрыла ее еще и одеялом. Всю ночь я следила за ней из своей машины, стоявшей совсем близко. В три часа утра мы с патрульными услышали предсмертный рев буйвола и рычание льва. Утром, заметив, какая масса грифов кругами снижается к месту охоты, я порадовалась, что Мбили была в безопасности — мы ее охраняли.

Даже теперь она едва-едва оторвала голову от земли и сонно огляделась вокруг. Опухоль на больном глазу опала настолько, что через узкую щель был виден расширенный зрачок. Я сумела заставить ее выпить немного сгущенного молока, и к десяти часам она уже могла держать голову на весу вполне твердо и съела мясо, которое я ей давала. Оказалось, что ничего более вредного я сделать не могла, но к несчастью, я узнала об этом слишком поздно. Нельзя было кормить ее до тех пор, пока лекарство не было выведено из организма, — это затянуло ее выздоровление, и мы обе дорого заплатили за мое невежество. Солнце начинало припекать, и я соорудила навес, пристроив палатку к своей машине. Под этим навесом мы с Мбили провели все утро. В час дня она с усилием поднялась, отошла на несколько ярдов, и ее пронесло совершенно черной водянистой жидкостью. Полуденное солнце палило немилосердно, и даже под полотняным навесом стало невыносимо жарко. Мбили потащилась к дереву, до которого было несколько сотен ярдов; шатаясь как пьяная и несколько раз падая, она наконец добралась до него и свалилась в тени. Я положила рядом с ней мясо и воду, поставила машину неподалеку и провела возле нее весь день. Понемногу она приходила в себя. Около пяти часов нас навестил директор, и мы решили, что мне и Локалю нужно пробыть возле нее еще одну ночь. Но Локаль, к сожалению, так гремел своими кастрюлями, что Мбили забеспокоилась, и когда мы оба улеглись — он в палатке, а я в своей машине, — она вдруг встала и пошла прочь. Мы видели, как она шла неверными шагами, но очень целеустремленно, потом вышла из луча фар и темнота поглотила ее. Если бы мы поехали за ней следом, это заставило бы ее уйти дальше, пешком же идти в темноте не имело смысла. Делать было нечего — оставалось надеяться, что она не попадет в беду до утра. Почти всю ночь я слышала

сопение двух львов, и от этого моя тревога вовсе не уменьшилась, хотя я уповала на то, что они еще не успели проголодаться после вчерашней охоты.

Как только первая птичья трель возвестила рассвет, мы с Локалем стали искать Мбили и обнаружили ее в канаве ярдов за двести от места нашей ночевки. Я послала Локаля за козой, которая была припасена на этот случай в Скале Леопарда, а пока напоила ее молоком. Она жадно лакала из миски, но была очень раздражена и огрызалась на меня. В этом ничего удивительного не было, если подумать, сколько ей пришлось перенести за последние дни: ведь сернилан только обездвиживает, и все время, кроме короткого сна под наркозом, она была в полном сознании. Теперь она снова могла двигаться и, естественно, старалась уйти от меня подальше. Двигалась она нормально, если не считать небольшой скованности задней части тела, куда вводили всю массу лекарств. Взглянув на пробежавших зебр и павианов, она пошла к посадочной площадке, все прибавляя шагу, и вскочила на стоявший в бездействии грейдер, чтобы осмотреть оттуда местность.

Как только она увидела на другом конце посадочной полосы Локаля с козьей тушей, она побежала к болотистой равнине такой резвой рысью, что мне было за ней не угнаться. Когда я вернулась, съездив за Локалем и его ношей на машине, ее и след простыл. Я боялась, что она уйдет слишком далеко, если мы начнем ее преследовать, и решила вернуться с той же козой часам к пяти. За это время она должна была бы отдохнуть и набраться сил. Но вечером мы ее опять не нашли, зато встретили льва на том самом месте, где четыремя днями раньше обнаружили больную Мбили. Мы с Локалем очень встревожились и снова ночевали возле аэродрома. В десять часов вечера до нас донеслось короткое, но устрашающее рыкание

льва. Потом меня всполошили вопли шакала перед самым радиатором машины. Я включила фары и увидела льва совсем рядом, в каких-нибудь пятидесяти ярдах. Он был гораздо крупнее того первого, который попался нам навстречу вечером, и живот у него был туго набит. Я стала включать и выключать фары, и он наконец ушел, но до самого утра мы слышали его фырканье и сопение. Меня пробрала дрожь, когда я подумала, что было бы, если б этот лев пожаловал сюда прошлой ночью, когда Мбили лежала в двухстах ярдах от машины и не могла убежать.

Три дня подряд мы с Локалем прочесывали все кустики и заросли, внимательно присматриваясь к бесчисленным полувывсохшим лужам в поисках следов. Изъездили каждую колею, которую Мбили могла пересечь, исходили все равнины, куда она могла уйти, и без конца звали ее — но она как сквозь землю провалилась. Когда мы проезжали мимо дорожной рабочей бригады в пяти милях от лагеря, в тех местах, где Гаиту два месяца назад в последний раз видел Мбили, тракторист сказал нам, что утром здесь побывал гепард, который мирно наблюдал за работой, как будто давно привык к шуму и многолюдью. Посмотрев вокруг, мы никого не обнаружили, да и находились мы на границе владений Пиппы и Мбили, так что прибегать сюда могла бы любая из них. А если это была Пиппа, то не стоило тратить время понапрасну. Мы поехали домой и действительно нашли ее в лагере — она была там с самого утра. Мы накормили ее и, захватив немного мяса, снова выехали на поиски Мбили.

Оставив Стенли в машине охранять мясо, мы с Локалем обыскали равнину между хребтом и Муликой, однако на наши бесконечные призывы откликнулись лишь зеленые мартышки. Но вскоре я заметила Мбили, затаившуюся в траве. Я быстро послала Локаля за мясом, надеясь удержать Мбили на месте с помощью

банки сгущенного молока. Я вылила его в миску, и она все вылакала. Теперь я хорошо видела, что глаз выглядит нормально, лишь на нижнем веке виднелась едва заметная припухлость. На месте шрама осталось только маленькое влажное пятнышко, и я присыпала его сульфатиазолом, чтобы отпугнуть мух. Мы сидели рядышком, поджидая мужчин. Я не решалась тронуть Мбили или заговорить с ней, боясь, что она сбежит, но она, должно быть, снова стала доверять мне и преспокойно дождалась мяса. Потом она оттащила его в сторону и съела до последнего кусочка, то и дело настороженно оглядываясь, как, впрочем, и все дикие животные во время еды.

Стало совсем темно, и нам надо было торопиться домой. Мбили свободно могла бы пойти за нами в лагерь — до него было всего полтора часа ходу, да и места эти были ей хорошо знакомы, — но утром ее не оказалось, и тогда я поняла, что ни болезнь, ни голод не заставят ее нарушить непреложный закон раздела охотничьих угодий. Мы вернулись на то место, где оставили ее вечером, и проискали битых два часа, пока не обнаружили ее в каких-нибудь двухстах ярдах от нас. Не слышать нас она не могла, но почему же она не вышла? Она притаилась под небольшим деревцем, откуда ей хорошо была видна болотистая полянка с поваленными стволами пальм дум, где много месяцев назад она так чудесно играла со своими сестренками. Сегодня ее одиночество разделял только слон, который задумчиво чесался о ствол, а потом стал плескаться в луже, покрывая себя с ног до головы прохладной освежающей грязью. Ветер дул в нашу сторону, так что он нас не заметил, а нам пришлось примириться с его присутствием, чтобы накормить Мбили. Она позволяла мне держать мясо, пока ела, но иногда скалила зубы и рычала, отрываясь от мяса и смотря мне прямо в глаза. Мне казалось, что я понимаю, какие противоречия

раздирают ее: машинально вернувшись к старой привычке — есть мясо у меня из рук, она в то же время сталкивалась лицом к лицу с существом, против которого ее предостерегал инстинкт дикого зверя. Чтобы помочь ей преодолеть эти противоречия, мне оставалось только одно — оставить ее в покое. Сколько бы горечи ни принесла мне эта разлука, я должна дать ей возможность жить на воле, а там для меня уже места не было. Словно прочитав мои мысли, она облегчила мне расставание, отойдя к маленькому деревцу неподалеку и глядя мне вслед уже оттуда. Я пошла своей дорогой, а она осталась в своем собственном мире — мире диких гепардов. Как же я была рада, когда, вернувшись в лагерь, нашла там Пиппу! Она была необычайно ласкова. Играя с ней, я заметила, что соски у нее снова полны молока. Легонько поглаживая шелковистую шерсть у нее на брюхе и зная, что там зародилась новая жизнь, я чувствовала, что Пиппа мне ближе, чем когда-либо.

Через неделю приехал Джордж и сказал, что видел только что возле своего лагеря двух гепардов: один из них был светлый и ласковый, а другой — темный и довольно нелюдимый. Он был уверен, что это Уайти и Тату. Мне не верилось, что они добрались до самого холма Мугвонго — они ни разу не были там с Пиппой, а от тех мест, где мы видели их в последний раз, до Мугвонго добрых двенадцать миль по прямой. Я поехала с Джорджем, захватив мясо и молоко, и вскоре на мой зов вышла Уайти. Можно ли приписать простому совпадению, что она появилась именно с той стороны, где несколько дней назад я видела дикого самца гепарда? Вскоре показалась и Тату, но она по старой привычке оставалась в стороне, пока я не бросила мясо на землю — тут-то она сразу очутилась рядом с Уайти. Обе прекрасно выглядели, но уже чувствовалось, что они одичали и стали недоверчивыми, — они рычали

каждый раз, как я подходила их фотографировать. Но, как ни странно, они нисколько не возражали, когда я присела на корточки рядом с ними, держа миску с молоком. Они жадно лакали, чуть не сталкиваясь со мной лбами.

Это было 2 июня, а самостоятельно они жили с 17 февраля. Чтобы добраться до этих мест, им пришлось осваивать новую территорию, да еще и форсировать Ройоверу. Хотела бы я знать, почему они так поступили: то ли искали встречи с самцом, то ли хотели расширить свои владения, не заходя на территорию Пиппы и Мбили? Пять дней спустя их обеих видели неподалеку, а 21 июня Джордж нашел крупные кости теленка конгони, а кругом свежие следы гепардов; вскоре после этого он видел в тех же местах остатки молодого страуса. В тот же период, около 10 июня, директор парка видел Мбили в двух милях от Скалы Леопарда, а 5 июля я заметила эту шалунью на посадочной площадке. Припав к земле, она дала мне подойти на пять ярдов, а потом умчалась со всех ног. Брюхо у нее сильно раздулось, и я решила, что она беременна. Мне было очень любопытно узнать, действительно ли она ждала котят, и я поехала в лагерь за мясом, — если она от него откажется, значит, она просто наелась до отвала. Но в этот день мы больше не видели ее, и пришлось подождать следующего утра, когда она оказалась в полумиле от нас. Живот у нее стал нормальных размеров, и трудно было поверить, что он был набит до отказа только вчера — так жадно она глотала мясо. Пока она справлялась с мясом и пила молоко из миски, мне было разрешено сидеть в трех ярдах от нее, но стоило мне приподняться или пошевелиться, как она яростно рычала и даже бросалась на меня. Она прожила совершенно самостоятельно уже четыре месяца и двадцать дней. И хотя старая привычка брала верх, когда я, сидя спокойно, держала перед ней знакомую

миску с молоком, Мбили уже достаточно одичала и сразу настораживалась, когда я вставала во весь рост и ходила возле нее. Так же вели себя Уайти и Тату. Еще через месяц Джордж видел одну из молодых далеко на равнине Мугвонго и тоже в прекрасном состоянии. Она подошла к его машине, когда он ездил искать своих львов; он привез для них мясо и воду, и все отдал ей. Она стала есть ярдах в десяти от машины. На другой день мы искали ее, но не нашли, Позже на фотографиях, сделанных Джорджем в тот раз, я узнала Уайти. По всей видимости, молодые осваивали и расширяли свою территорию, и, хотя я нередко осматривала равнины в бинокль в надежде увидеть белые кончики их хвостов, я понимала, что снова встречу своих гепардов, только если мне особенно повезет. Очень интересно, что все четверо строго соблюдали границы своих охотничьих угодий — по-видимому, это означало, что самки гепардов держатся на своей территории с большим постоянством, чем самцы, которые бродят, где им вздумается. Как Пиппа умудрилась распределить угоды своих дочерей, чтобы они не мешали ей и новому выводку, — эту тайну она хранит про себя.

Недавно я по ее поведению заключила, что для следующего выводка она выберет ту же детскую, где был рожден предыдущий. Она подсказала мне это, нарочно проводя там большую часть времени. До последней минуты она дурачила меня, забираясь в глубину куста с таким видом, будто у нее вот-вот начнутся роды.

В лагерь она пришла после девяти дней отсутствия, страшно голодная, но поела очень быстро и вернулась по собственному следу к Скале Леопарда, Она не мешала мне и Локалю идти за ней и, пройдя две мили, повернула к равнине, где год назад я нашла ее с Уайти, Мбили и Тату возле убитого страуса. Тревожно

оглянувшись, она повела нас к колючим зарослям акации, где были спрятаны четверо малышей. У двоих уже открылись глазки, и я решила, что это самцы, потому что они были намного крупнее остальных. (И действительно, уже позднее я рассмотрела трех самцов, но один из них был очень мал, даже мельче самочки.) Все дети Пиппы открывали глаза в возрасте десяти-одиннадцати дней, так что эти малыши по моим предположениям родились 15 июля. Если период беременности занимал 90-93 дня, то выходило, что Пиппа спарилась через неделю после гибели предыдущего помета.

Крохотные детеныши на расползающихся лапках добрались до матери и начали сосать, пока она их заботливо вылизывала. Глядя на эту мирную картину, я думала: что ждет нас в будущем? Позволит ли мне Пиппа вновь делить с ней радости и горести до тех пор, пока и эти малыши не начнут самостоятельную жизнь, как Уйти, Мбили и Тату, у которых вскоре тоже могут появиться свои семьи? Будет ли Пиппа узнавать своих детей и внуков, если ее семейные дела по-прежнему пойдут нормально, или полностью порвет с ними, как только они начнут самостоятельную жизнь?

Объяснение этим и многим другим — все еще загадочным для человека — привычкам гепардов я надеялась найти, если Пиппа и дальше разрешит мне принимать участие в ее жизни. Но я твердо знала, что при любых условиях я никогда не пойму до конца мою подругу, и как бы она ко мне ни ласкалась, я буду чувствовать ее отчужденность: она так и останется для меня навсегда загадкой — Пятнистым Сфинксом.

notes

Примечания

1

Пиппа — сокращенное от Филиппа, имя, известное по классической поэме Р. Браунинга «Пиппа проходит». — Прим. перев.

2

Прайдом называется союз трех и более львов. Он может включать одну или несколько семей или нескольких взрослых львов, которые охотятся вместе.

З

Заросли невысоких деревьев и кустарников. —
Прим. перев.

Кэрригер С. Дикое наследство природы. — М.: «Мысль», 1969, с. 76–78.

5

Local — здешний (англ.). — Прим. перев.

Позднее результаты исследований доктора П. С. Мартина (совместно с Х. Е. Райтом) были опубликованы в книге «Исчезнувшие виды плейстоцена».

7

White — белый по произношению напоминает слово wide — широкий. — Прим. перев.

Загон для скота из колючих веток, иногда высотой до трех метров. — Прим. перев.

Позднее я узнала, что у самок гепарда и льва, преждевременно потерявших своих котят, снова начинается течка и они немедленно спариваются и беременеют. — Прим. автора.